КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ОКТЯБРЬ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LIX, 1897 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

СТР.

ОТДѢЛЪ I.

I. СЛАВЯНАМЪ. Неизданное стихотвореніе Т. Г. Шевченка, *съ предисловіемъ*. **Н. И. Стороженка**. . . . . 1—5

II. СНѢТИНСКАЯ СТАРИНА. **В. Милорадовича**. (*Окончаніе*). 6—26

III. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ. (1846—1877 г.г.). Сообщ. **А. Титовъ**. (*Продолженіе*). 27—45, 242—280 . . . . . 370—472

IV. ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельнищины. **М. Старицкаго**. (*Окончаніе*). 46—114, 157—241 370—448

V. КЪ ИСТОРІИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ ВЪ КОНЦѢ XVII И ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА. **Н. С.** (*Окончаніе*). 115—131, 143—156 . . . . . 332—350

VI. ПИСЬМА Н. И. КОСТОМАРОВА КЪ В. М. и Н. М. БѢЛОЗЕРСКИМЪ. . . . . 132—142

VII. СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДНЫЕ ХЛѢБЫ ВЪ МАЛОРОССІИ. **В. Ястребова**. . . . . 281—288

VIII. ПИСЬМА ДАНИЛА МИХАЙЛОВИЧА ВЕЛЛАНСКАГО. (1805—1834 г.г.). **А. Л.** . . . . . 289—310

СТР.

IX. ПРАЗДНИКЪ ЦЕРЕРЫ. (Изъ воспоминаній польскаго шляхтича о событіяхъ въ Юго-западномъ краѣ 1819—1824 г г.). О. Л. . . . . 312—331

X. ИЗЪ ИСТОРІИ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (В. Серебренниковъ. Кіевская академія съ половины XVIII в. до преобразованія ея въ 1819 г. Кіевъ. 1897). . . . . 351—369

XI. КЪ ПОРТРЕТУ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА РЕПНИНА Н. С. . . . . 473—480

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Подготовительныя работы къ устройству XI-го Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. б) В. Г. Григоровичъ-Барскій. в) Черниговская архивная комиссія г) Позволительный листъ святителя Феодосія Угличкаго на установленіе братства и цеха въ м. Лѣткахъ. д) Выкупъ М. С. Щепкина изъ крѣпостного состоянія. е) Внушительная рѣчь генер.-губерн. Д. Г. Бибикова, обращенная къ кіевскимъ студентамъ въ 1846 году. ж) Письмо Ивана Танскаго къ В. А. Гоголю. з) Странствованія чумака, бурсака и раба. Сообщ. Н. М. и) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. і) Голосъ малороссійскаго дворянина по поводу столѣтія дворянской грамоты. к) Вирши о Мазепѣ и Чернышѣ, 1710 года. Ѳ. Левицкаго. л) Литовская метрика, м) Дьячки старой Малороссіи н) Сборникъ узоровъ писанокъ. о) Гоголь и В. Я. Ломиковскій. п) Протоколъ второго засѣданія Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству въ Кіевѣ XI-го Археологическаго Съѣзда 5 октября 1897 г. р) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому. с) Рѣчь запорожскаго войсковаго писаря императрицѣ Екатеринѣ II. т) Лѣтописныя замѣтки 1783—1811 гг. у) Письма Маріи Ивановны Гоголь къ П. А. Кулишу и Д. С. Каменецкому. ф) Къ исторіи военныхъ поселеній въ

ОТР.

Новороссіи Сообщ. И. С. к) Обычай ломать скорлупу яйца. Н. Ѳ. Сумцова. ц) Письмо А. К. Деллена къ П. В. Павлову. ч) Письмо въ редакцію о предполагаемомъ изданіи Литературнаго Сборника въ память И. П. Котляревскаго. М. П. Старицкаго. ш) Подписка на Памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. 1—20, 33—48 . . . . . 68—71

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за третій годъ его существованія (30 марта 1896—30 марта 1897 года). Н. М. б) И. А. Сикорскій, профессоръ. Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ (близъ Тирасполя). Н. М. в) Юго-Западный край. Статистическое обозрѣніе. Томъ I. Восточное Полѣсье. Составилъ по рекогносцировкамъ офицеровъ генеральнаго штаба и по офиціальнымъ источникамъ ген. штаба подполковникъ И. Н. Толмачевъ. Н. М. г) Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ. Выпускъ II. Н. И. Петрова. Ѳ. Титова. д) Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Томъ 4-й. Письма 1858—86 гг. А. Л. е) «Труды Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго Комитета». А. Лотоцкаго. ж) Першій русско-американскій календарь. А. Л. з) С. А. Венгеровъ, Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томъ V. и) Д. И Эварницкій. Исторія Запорожскихъ Козаковъ. 1686—1734. і) Powszechna wystawa krajowa 1894 r. i siły produkcyjne kraju. Н. М. к) «Койросъ Подолія» (судьбы Подоліи) и исторія тамошнихъ евреевъ или матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Составилъ по историческимъ источникамъ въ трехъ частяхъ М. Н. Литинскій. Н. М. л) Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Е. П. м) Брошюры за послѣдніе годы. н) Д. Мордовецъ, Козаки и Море. Поэма. W. 21—32, 49—62. . . . . 76—94

стр.

III. ПРИЛОЖЕНІЯ: Интерлюдіи Митрофана Довгалевскаго XVIII вѣка. (97—112), (113—117).

Портретъ кн. Н. Г. Репнина.

ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1—30 . . . . . 1—34

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКАЯ СТАРИНА»

(*въ концѣ книги*)

Дозволено цензурою Кіевъ, 25 октября 1897 года.

СЛАВЯНАМЪ.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Предлагаемое вниманію читателей „*Кіевской Старины*“, до сихъ поръ неизвѣстное, неоконченное стихотвореніе Шевченка найдено нами при изученіи дѣла о членахъ Кирилло-Меѳодіевскаго общества, хранящагося въ Архивѣ Департамента Полиціи [1]). Стихотвореніе Шевченка, сохранившееся въ бумагахъ Н. И. Костомарова, относится къ 1846 или началу 1847 г. и было отраженіемъ взглядовъ кіевскаго кружка панславистовъ, во главѣ котораго стояли Гулакъ и Костомаровъ. Идея панславизма, т. е. мысль о желанномъ соединеніи всѣхъ славянскихъ племенъ въ одну дружную семью, зародилась въ Чехіи еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Мысль эта воодушевляла собою и старшее поколѣніе русскихъ славянофиловъ, видѣвшихъ въ собраніи славянъ воедино историческую миссію Россіи. Въ стихотвореніи Хомякова *Орелъ* (1832 г.) поэтъ напоминаетъ сѣверному орлу не забывать младшихъ братьевъ, которые, скованные цѣпями иноплеменниковъ, ждутъ его призыва.

И ждутъ окованные братья,
Когда же зовъ услышатъ твой,
Когда ты крылья, какъ объятья
Прострешь надъ слабой ихъ главой.

---

[1]) За дозволеніе имъ пользоваться приносимъ глубокую благодарность Е. В. П. Министру Внутреннихъ Дѣлъ И. Л. Горемыкину.

Когда въ сороковыхъ годахъ началось въ Европѣ славянское движеніе, значительная часть русской интеллигенціи была убѣждена, что Россія воспользуется этимъ движеніемъ, вступится за права угнетенныхъ славянскихъ народностей, вырветъ ихъ у Австріи и составитъ изъ нихъ отдѣльное государство подъ своей гегемоніей. Кіевскій кружокъ поборниковъ панславизма шелъ дальше и мечталъ объ образованіи великаго славянскаго государства на федеративныхъ началахъ. „Мы не могли уяснить себѣ—говоритъ въ своей Автобіографіи Н. И. Костомаровъ—въ подробности образа, въ какомъ должно было явиться нами воображаемое федеративное государство; создать этотъ образъ мы предоставляемъ будущей исторіи. Во всѣхъ частяхъ федераціи предполагались одинаковые законы и права, отсутствіе таможенъ и свобода торговли, всеобщее уничтоженіе крѣпостного права и рабства въ какомъ бы то ни было видѣ и единая центральная власть". Такія идеи или мечты раздѣлялъ и Шевченко, и этимъ объясняется его воспѣваніе русскаго двуглаваго орла, будто бы уже разорвавшаго своими когтями сковавшія славянъ цѣпи, и предсказаніе скораго конца крѣпостному праву и панству, какъ явленію отжившему, несоотвѣтствовавшему имѣющему водвориться царству равенства и свободы. Хотя стихотвореніе Шевченка обрывается на стихѣ: „слава тоби, Украино!", но весьма возможно, что окончаніе его найдется въ бумагахъ другихъ членовъ Кирило-Меѳодіевскаго общества.

Н. И. Стороженко.

Славянамъ.

Диты славы, диты славы!
Часъ вашъ наступае:
Отъ Банатокъ до Камчатки
Гоминъ розлягае.
Отъ Банатокъ до Камчатки,
Отъ Финнъ до Боспора
Розришаетьця загадка
Велыкого спора;

Розрываютця кайданы
Неволи й неславы;
Сгине, счезне братня свара
Ворогъ нашъ кровавый,
И освите наше небо
Сонечко свободы,
Стануть вкупи передъ Богомъ
Вольныи народы;
Поклонятьця Роспятому
Завитъ його прыймуть,
Ворогивъ тысячелитнихъ
Вороги обіймуть;
Узрять те, на що глядилы
И доси не зрилы,
Взнають те, що земля й небо
Всимъ давно открылы:
Тильки тамъ, де Духъ Господень,
Тильки тамъ и воля!
Де любовъ Хрыстова й правда—
Тамъ счастя и доля.
Ясне небо Славянщины
Покрыла темнота,
Безпресвитна, нерозумна
Давняя негода...
Що жъ за гоминъ чудный ходыть
Отъ краю до краю?
А чи винъ що изгадуе,
Чи що провищае?
А мы слухалы и чулы
Й до серця прынялы,
Не скажемо, правый Боже,
Шобъ все разибралы.
Не намъ, Боже, выкладаты
Небесни глаголы!
Суды, Боже, нашу долю
По Твоіи воли!

Ты даешь намъ розумиты,
Кому скильки треба,
Молымося, выглядаймо
Твого часу зъ неба.
Молитеся, диты славы,
Выглядайте часу!
Прыслухайтесь до святого
Небесного гласу!
Мырытеся, очищайтесь
Отъ пьянства й порока,
Любися, скоро блысне
Звизда отъ востока.
Горе панству лукавому,
Шо въ гасло неволи
Обернуло хрестъ всечесный,
Гасло вичной воли!
Горе тымъ, шо словомъ Божимъ
Розумъ подавлялы,
Для корысти, для мамоны
Правду уживалы[1]).
Горе вченымъ, котри злее
Добрымъ нарекалы,
Тымъ шо истыну святую
Отъ простыхъ ховалы—
Всимъ продажнымъ филозофамъ!
Одъ духа святыни
Розвіютця ихъ хытроци
Якъ пылъ по пустыни!
Любитеся, диты славы,
Любовъ насъ спасае!
Слава, честь тоби во вики,
Орле нашъ двоглавый!
Бо ты шпонамы своимы
Вырвавъ изъ неволи,

[1]) Далѣе идетъ пропускъ.

Изъ поруги давній на свитъ
Славянскую долю!
Слава Чехамъ! яснымъ свитомъ
Наукы темноту
Розгоняйте, пробужайте
Славянску дремоту!
Слава тоби, люде добрый,
Изъ Славянъ Славяне,
Въ день воскресный станешъ въ слави
Межъ всимы братамы.
Слава Сербамъ за ихъ писни,
За чистую виру
Въ мылость Божу, за ненависть
Проты изувира.
Слава, честь вамъ, браты ляхы,
Мыръ вамъ, вична згода!
Згыне панство лукавое
Воскресне свобода!
Слава тоби, Украино...

СНѢТИНСКАЯ СТАРИНА[1].

(ОКОНЧАНІЕ).

ГЛАВА II.

Населеніе.

Догадки о времени основанія селъ и происхожденія колонистовъ.—Кіевскій и бѣлорусскій элементы въ составѣ населенія.—Различіе наружности, одежды, психическихъ особенностей жителей.—Антагонизмъ селъ и кутовъ: веснянки, поддразниванія, кулачные бои и драки молодежи разныхъ кутовъ.—Однородность мѣстнаго панства и черты стародворянской жизни.

Какъ устныя народныя преданія, такъ и письменныя свидѣтельства умалчиваютъ о времени заселенія сѣверовосточной части Лубенскаго уѣзда, за исключеніемъ Снѣтина. Онъ одинъ только упоминается въ числѣ имѣній Вишневецкихъ и намѣченъ на картѣ Боплана 1-й половины XVII в., изъ чего слѣдуетъ заключить, что остальныя поселенія еще тогда не существовали; изъ универсала же Мазепы 1689 г., которымъ переданы охочекомонному полковнику Ильѣ Новицкому: опустѣлое городище Снѣтинъ, Исачки, Шеки (Щеки), Литвяки и Гребище (Гробыще [2]), видно, что всѣ они были уже селами въ то время, слѣдовательно ихъ возникновеніе должно быть отнесено къ половинѣ XVII в.,—эпохѣ Богдана Хмельницкаго. Съ такимъ заключеніемъ согласны

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 9.

[2]) Стороженко. Н. В. „Кіев. Стар.“ 85 г., VIII, стр. 444, 446 и 457.

и народныя преданія, установляющія, что вездѣ, кромѣ Снѣтина, панской колонизаціи предшествовала козацкая [1]). При такомъ предположеніи уясняется нѣсколько и другой вопросъ: откуда вышли колонисты, населившіе сѣверовосточный уголъ Лубенскаго уѣзда ? Конечно мѣстности, найболѣе пострадавшія во времена польско-козацкихъ войнъ и руины, должны были дать найбольшее число переселенцевъ на лѣвый берегъ Днѣпра вообще и въ Лубенщину въ частности. Такою мѣстностью была правобережная Украина [2]). Что касается Снѣгина , то, опустошенный за приверженность къ Дорошенку [3]), онъ заново колонизованъ Новицкимъ, которому поручалось размѣщеніе правобережныхъ прочанъ съ приказаніемъ селить внутри края, а не на берегу Днѣпра [4]). Подтвержденіемъ высказаннаго положенія о заселеніи сѣверовосточной лубенщины выходцами изъ Кіевской губерніи, кромѣ историческихъ свѣдѣній, слѣдующія данныя: частое упоминаніе въ мѣстныхъ пѣсняхъ Кіева [5]) и событій правобережной Украины [6]), полная тожественность лубенскихъ и кіевскихъ пѣ-

---

[1]) По преданію козаки Моргуны вытѣснены панами изъ Шекъ, какъ Иванчане изъ Хорошковъ, оставивъ по себѣ воспоминаніе на мѣстѣ въ названіи бывшей пасики „Моргуновщиной."

[2]) За Днѣпръ бѣжали во времена Хмельницкаго, руины и слѣдующихъ мѣстъ: Лысянки, Чигрина, Черкасъ, Медведовки, Жаботина, Мошенъ, Ладыжина, Умани, Брацлавля, Паволочи, Корсуня, Канева, Крылова, Маіева, Богуслава, Ржищева, *Деренковца*, Драбовца, Староборья, Бѣлоозерокъ, Бѣлой церкви, Богуслава, Синицы, Ольшанки (Рубанъ. Крат. Лѣт., стр. 20, 123, 126 и 128; Костом. Руина, Вѣст. Евр. 79 г. VII, стр. 449, 80 г., VII, 239, 41., 268., VIII, 402, 404 и IX., стр. 7, 15, 16; Антоновичъ и Бецъ. Историч. дѣятели. Кіевъ. 85 г., стр. 45; Антоновичъ. „Кіев. Стар. 96 г,, X, стр. 5; Бант.-Каменскій. I, 254; Кулишъ. Зап. о Южн. Руси., т. I, стр. 82, 83).

[3]) Бант. Каменскій., ч. II, стр. 117 и примѣч. на стр. 20. Антоновичъ и Бецъ. Истор. дѣятели. стр. 81.

[4]) Вѣстн. Евр. Руина. кн. VIII 1880 г., стр. 402 и 404.

[5]) Напр: „Славный Кіевокъ", „Съ Кіева идуть—все панова." „Тимъ славенъ Кіевокъ, що вси святіи." „Прилетивъ сокилъ съ Кіева у дворъ", „изъ Кіева гости." (См. моя Рожд. святки Луб. у., стр. 5, 7 и 15).

[6]) Напр. историческая пѣсня о Левенцѣ, представленная въ редакцію „Кіевск. Стар.".

сенъ [1]), сходство снѣтинскаго историческаго разсказа о борьбѣ царицы съ царемъ, приведеннаго въ 1-й главѣ настоящей статьи, съ такимъ же разсказомъ Кіевской губерніи; насмѣшливое прозваніе жителей сел. Волчка: „Вовчане—деренчане," позволяющее догадываться о происхожденіи послѣднихъ изъ сел. Деренковецъ на Роси, ниже Корсуна [2]).

Но кіевская колонизація не была единственной. Рядомъ съ ней замѣтно довольно значительное бѣлорусское (литовское) вліяніе. Оно слышится въ названіи цѣлыхъ селеній и кутовъ (Лит-

---

[1]) Напр. слѣдующія одинаковыя пѣсни.

Кіевской губ.	Луб. уѣзда.
Колядки.	
У Чуб., т. 3., стр. 271	„Загадано, заповидано
Драгом. и Антон. стр. 27 (запис. въ м. Дымерѣ и Черняховѣ).	Милорад. Рожд. святки луб. у., стр. 6.
Чуб., стр. 305 (Дымецъ).	На стр. 11. Рожд. Св.
Свадебныя пѣсни.	
Чуб., т. 4. №. 5, 6, 7. (Гостомысль).	Свад. пѣсни Луб. у. Кіевъ 90 г.—№ 76.
№ 172.	№ 8.
— 188.	— 2.
— 199.	— 135.
— 193.	— 112.
— 197.	— 214.
— 198.	— 64.
— 200. (Жаботинъ)	— 28.
— 202.	— 10.
— 434.	(въ моей рукописи).
— 506.	Свад. пѣс. 91.
— 546.	— 96.
— 555.	— 101.
— 877.	— 141.
—1128. А.	(въ рукописи).
— 594.	Ibid.
Чуб. т. V. Разныя пѣсни	
№ 77. Васильков. у. и Тараща	Въ рукописи.
№ 113. (Жаботинъ)	Ibid.
Гринченко, Этнограф. матер., т. 2.	
№ 135. вирша, запис. въ Каневскомъ уѣздѣ.	Ibid.

[2]) Максимовичъ вспоминаетъ о Деренковцахъ въ I т. Собр. Сочин. стр. 687.

вяки), въ фамиліяхъ жителей (Литвины, Литвиненки, Поцяпуны, Шарушинскіе, Шаревскіе и т. д.) и особенно въ одинаковыхъ вѣрованіяхъ и народныхъ произведеніяхъ лубенскихъ и бѣлорусскихъ, такъ что первые при сличеніи оказались изобилующими бѣлоруссизмами и болѣе родственными сѣверозападнымъ образцамъ, чѣмъ другимъ малорусскимъ [1]). Затѣмъ не могло пройти совершенно безслѣднымъ долгое пребываніе въ лубенщинѣ охочекомоннаго полка, набиравшагося, какъ извѣстно, кромѣ Малороссіянъ, также изъ поляковъ, волоховъ, сербовъ [2]), откуда произошли фамиліи: Ляши, Волошины, Сербины и т. д, а фамиліи Сабадашей, Билыковъ и др. указываютъ на татарское происхожденіе. Итакъ, главнымъ признакомъ, характеризующимъ населеніе сѣверовосточной части лубенскаго уѣзда будетъ его смѣшанность, неоднородность, выражающаяся и теперь въ значительныхъ различіяхъ типовъ, наружности, одежды, народной психологіи не только отдѣльныхъ селъ, но даже кутовъ. Впрочемъ, одинъ изъ наружныхъ признаковъ—ростъ населенія—повсемѣстно понизился. Теперь вездѣ преобладаетъ средній ростъ, а въ Шекахъ—низкій. Замѣчаніе Короновскаго о болѣе высокомъ ростѣ козаковъ въ сравненіи съ крестьянами [3]) къ данной мѣстности не примѣнимо. Напримѣръ, козачьи фамиліи с. Литвяковъ: Терцы и значительная вѣтвь Заикъ, извѣстная подъ уличнымъ названіемъ Прудкихъ, малорослы, съ короткими саблевидными ногами, наоборотъ—почти всѣ крестьяне хуторовъ Путивцева, Церковнаго и Волчьей долины высоки и стройны. Головы жителей вообще невелики; непропорціонально большія головы попадаются иногда только въ Снѣтинѣ. Въ Снѣтинѣ же замѣтно рѣшительное преобладаніе бѣлокурыхъ волосъ, сѣрыхъ, даже голубыхъ глазъ; въ другихъ селахъ господствуютъ темнорусыя волосы. Жители Волчка смуглы и черноволосы. По отношенію къ цвѣту волосъ необходимо еще

---

[1]) Вліяніе бѣлорусскаго элемента на составъ населенія Лубенскаго уѣзда выдѣлено мною въ особую статью.

[2]) Костомаровъ. Руина въ Вѣстн. Евр. 80 г., X, стр. 68.

[3]) Полт. Губ. Вѣдомости. № 43., стр. 2. Ростъ козаковъ показанъ: 2,5—2,8 крестьянъ: 2,4—2,6.

одно замѣчаніе: между крестьянами больше блондиновъ, среди козаковъ—брюнетовъ. Преобладающей формой носа у мужчинъ все еще будетъ продолговатый съ горбинкой. Но много также круглыхъ, короткихъ. Кромѣ пониженія роста, вырожденіе выразилось еще уменьшеніемъ долголѣтія и ослабленіемъ физическихъ силъ народонаселенія. Далекой сказкой звучатъ теперь слѣдующіе разсказы.

1.

Писля манифеста дряный народъ ставъ, а тоди я самъ бачывъ, якъ чоловикъ у Лубняхъ на ярмарку, третяку телыцю пиднявъ на плечи, тай понисъ. Узявъ рубля грошей. Або Дзвонко бильшъ аршына шырыны у плечахъ мавъ. Возьме на мызынець пятыпудову гырю и черезъ голову попре[1]).

2.

Давнійшъ люды булы здоровійши и довго жылы. Недавно булы таки, що захватылы якъ на манастырь робылы: Зима, Полянка. У насъ чоловикъ такый бувъ у Вовчку, що кобылу такъ якъ овечку пересадыть у леваду, а хазяинъ дознався, шо пасецця коняка,—а куды вона влазыть, шо нема вылазкы? Такъ хазяинъ той заберигъ, шо якъ же воно водыть? Подывывсь, якъ той пересадывъ кобылу, ничого не сказавъ—тай пишовъ[2]).

Вырожденіе коснулось и женщинъ. По словамъ старожиловъ онѣ были прежде выше ростомъ, плотнѣе[3]), красивѣе. Несмотря на преобладаніе свѣтлыхъ волосъ въ цѣлыхъ волостяхъ, мѣстный вкусъ все еще предпочитаетъ брюнетокъ. Отзывы о бѣлокурыхъ женщинахъ вообще сдержаны. „Ловка дивка, ловка молодыця“—всё, на что можетъ разсчитывать красивая блондинка.

Когда литвяковскій парень выбралъ себѣ молодую за Сулой, свекруха съ неудовольствіемъ говорила: „казавъ чорнява, а вона руда якъ собака“. Впрочемъ, брови у мѣстныхъ женщинъ вообще темнѣе волосъ, даже и въ Снѣтинѣ. Прямыя брови больше

---

[1]) Н. Ивахненко.

[2]) А. Ковпа.

[3]) Арендар. т. I., стр. 250.

нравятся, чѣмъ дугою. Лобъ у малороссіянокъ некрасивъ, толстъ, нечистъ, вѣроятно вслѣдствіе обычая закрывать его платкомъ. Большіе открытые глаза не нравятся, предпочитаютъ продолговатые, узкіе. „Очи мовъ на лоби, вытрышкувата", говорятъ о большихъ, выпуклыхъ глазахъ. Цвѣтъ глазъ сѣрый и голубой въ снѣтинской волости, въ волчковской—карый съ зеленоватымъ или желтоватымъ оттѣнкомъ спѣлаго жолудя. Замѣчаніе покойнаго Свидницкаго въ Основѣ 1861 г. о преобладаніи вздернутыхъ носовъ у женщинъ полтавской губерніи правильно, почти всѣ женскіе носики болѣе или менѣе приподняты на концѣ. Едва-ли не самая некрасивая часть лица мѣстной малороссіянки—ротъ. Онъ великъ, губы толстоваты, отчего дивчата усвоили привычку сжимать губы („пышающця"). Лица круглыя съ полными щеками и короткимъ подбородкомъ. Различіе типовъ еще усиливается разнообразіемъ модъ, выражающимся преимущественно въ головныхъ повязкахъ. Дѣвушки Волчковской волости носятъ широкія, низкія повязки („салотовки"). Очипки женщинъ въ видѣ гребня, отчего головы выходятъ широкими („макитры"). И тѣ, и другія надвигаютъ платокъ на самыя брови. Въ Снѣтинской волости повязки выше, остроконечныя, очипки съ складкой. Въ Литвякахъ и Снѣтинѣ одежды со сборами сзади („до фантивъ"), короткія, въ Хорошкахъ со складками, а въ Шекахъ съ клиньями, удлиненныя по сенецкимъ образцамъ. Кромѣ наружности и одежды, еще и въ обыкновеніяхъ разныхъ селъ, даже кутовъ, есть различія. Напримѣръ, свадебный ритуалъ каждаго села имѣетъ свои особенности. Въ Шекахъ и Хорошкахъ молодые и ихъ свиты проводятъ вмѣстѣ дѣвичъ-вечеръ на особыхъ досвиткахъ; вѣнковъ не вьютъ. Въ Снѣтинѣ—въ домѣ молодой; въ Волчковской волости дѣвичъ-вечеръ почти совершенно отсутствуетъ: здѣсь совьютъ вѣнки и расходятся по домамъ. Свадебныя пѣсни каждаго села свои особенныя, часто неизвѣстныя въ другомъ. Старыя пѣсни: историческія, колядки и др. сохранились лучше въ снѣтинской волости, гдѣ женщины и дивчата вообще поэтичнѣе. Самый языкъ снѣтинскій необыкновенно картиненъ, а въ Шекахъ попадаются подчасъ архаическіе обороты. Населеніе волчковской волости реальнѣе, прозаичнѣе; оно самое скуд-

ное въ уѣздѣ въ отношеніи къ пѣснямъ, сказкамъ, преданіямъ. Жители Литвяковъ пріобрѣли репутацію насмѣшливости, а Волчка—странности [1]). Различіе происхожденія вызвало нѣкоторый антагонизмъ какъ цѣлыхъ селъ, такъ и ихъ частей, выражающійся, между прочимъ, въ веснянкахъ, которыми части селъ перекликаются по вечерамъ. Особенно задирательны литвяковскія веснянки, чуждыя всякой поэзіи, порой состоящія изъ голой брани, которыя поютъ притомъ поспѣшно, вызывающимъ образомъ [2]). Антагонизмъ селъ выражается также взаимными перебранками и насмѣшками: Вовчане-деренчане, кобылу винчалы! раздается крикъ пастушковъ изъ-за Сулы. Лытвякивци—дурни вивци, на повитци: бе! или: лытвякивци—дурни вивци, позлазылы на комору тай мекають. Лытвякивци—коси ворочкы [3]). Литвяковцы такъ отвѣчаютъ на это: Снитынци—шанькы [4]). Снитыньски дукы [5])! пойилы гадюкы и кривъ полызалы, намъ не сказалы!—Снитыньскый бакань, снитыньски бакани! (?)—Вовчаньска палюга! [6]). Въ различныхъ народныхъ обыкновеніяхъ ощущается также антагонизмъ праваго и лѣваго берега Сулы. Литвяковскіе и волчанскіе парни не ходятъ на досвитки, вечерницы, игрища въ Снѣтинѣ, предпочитая въ этомъ случаѣ болѣе отдаленную Бересточ̀ь; снѣтинскіе—въ Литвяки и Волчокъ. Первые охотнѣе женятся у себя въ домѣ и въ Засульской волости, чѣмъ въ болѣе близкой снѣтинской, какое обыкновеніе также способствовало отчасти устойчивости типовъ. Антагонизмъ селъ

---

[1]) Нигдѣ не встрѣчается столько идіотизмовъ, какъ въ Волчкѣ: авежъ вмѣсто авжежъ, палюга, вм.—палка, пасоля, вм. квасоля и т. д.

[2]) Напр.

На юрчанскій на улыци
Дивки дурноваты.
Бодай же вы, сучи дочкы
Зъ ума посходылы
Ой, не ходы Сабадашу
На улыцю нашу.

[3]) Въ Литвякахъ хустки шьютъ наискось.

[4]) Снѣтинцы ходятъ съ сумочками (шаньками) черезъ плечо на ярмаркахъ и базарахъ.

[5]) Или гепыкы—дукы.

[6]) Палюга—палка въ Волчкѣ.

поддерживался еще въ прошедшемъ и началѣ текущаго вѣка кулачными боями на Сулѣ. Народная память сохранила имена главныхъ героевъ кулачекъ въ слѣдующихъ разсказахъ:

1.

У старыну у Снитыни и у Лытвякахъ на риздвяныхъ святкахъ, а то и раньше, собираюцця молоди чоловикы и парубкы, сотъ на два чоловика, выходять до велыкого затона и кулачацця. Договоръ такый, що по пыци и по ногахъ не можна быть, а по ребрахъ и пидъ груды. Хто полетыть зъ нигъ, того не бьють. Якъ Лытвякивцивъ бильша сыла, то загонять по Сули ажъ у Снитынъ, а Снитынци пидойдуть та загонять тихъ ажъ на мостыще. Грыцько Шквыря бувъ за атамана. Винъ бувъ чоловикъ милкый, сухый, тонкый, у накожни клавъ кремни, такъ якъ ударывъ якогось Шеретюка пидъ груды, такъ у того поясъ лопнувъ и ножемъ зубы рознималы и водою одлывалы. На санкахъ одвезлы зъ ричкы, черезъ дви недили номеръ. А то ставлять стилъ на лёду, снитынци складають 25 рубливъ, а лытвякивци и соби. Шквыря якъ поборовъ, получывъ 25 рубливъ, а лытвякивець мулъ пустывъ и зоставсь нежывымъ. Съ того часу закрылы кулачкы и бориння,—литъ мало не сто [1]).

2.

Якъ Снитынци былысь на гори надъ Сулою биля Плаксинець, батько мій стоявъ зъ парубкамы осторонь. Колы пидбига снитынець, якъ ударыть батька, такъ и кровь у ёго пишла зъ носа. Батько скынувъ кожухъ, накынувъ очамы де винъ, якъ розигнавсь, якъ ударывъ того снитынця, такъ винъ и роспластався на леду. Покынулы его тамъ, а снитынцивъ якъ овець погналы, ажъ у самый Снитынъ [2]).

3.

У Снитыни парафія зъ парафіею зчипалысь. Отець Васыль Кузьмыньскій [3]) бачыть у викно, шо позъ его бижыть куча-

[1]) Отъ Николая Ивахненка.

[2]) Тарасъ Печеный, хут. Церковнаго.

[3]) Священникъ м. Снѣтина конца XVIII и начала XIX в.

нынъ Макуха тай каже: „колыбъ мои лита вернулись, ябъ его свыснувъ!“ А поповычъ стоить каже: „позвольте мени, батюшка!“—Ступай, каже отець Васыль. Поповычъ передивсь у просту одежу, а Макуха напротывъ бижыть, такъ той у бикъ якъ шеменувъ Макуху, той и упавъ [1]).

4.

До нашого дида грыще ходыло. Парубкы нанимають музыку на рождественныхъ празныкахъ, идуть на Сулу и крычять на Высачкивцивъ: „а, ну, выходить“. Ти выходять та якъ зачнуть кулачыцця, хахлацьки рукавыци понадивають та сбижацця; якъ хто упавъ, то того лежачого не бьють. А въ нашого дида юпка латана, винъ мовъ у подушци, якъ ударыть высачкивьскій чоловикъ, такъ не дошкуля. Та ото якъ убылы двохъ чоловикъ Вовчане высачкивьскихъ, тай упретылы, щобъ не былыся [2]).

5.

Якъ есть высачкивьскы люды: Рысь та Баша, то Вовчанъ заганялы, а якъ нема, то Высачкивцивъ. Рысь не бывсь, а тилькы двыгавъ плечыма [3]).

6.

На валу въ Снитыни, де гуляе пидгоряньска челядь, выконують стилъ,—звецця дукъ челядскій. Посередыни сидають дивчата, а парни ихъ окружять. До ихъ у городокъ не можно ходыть кучанскимъ парубкамъ, а якъ зъ городка прыйдуть парубкы на кутокъ, то ихъ тамъ бьють. Чоловикъ трыдцять кучанскихъ парнивъ пишло на валъ. Кучане поздоровкалысь. Герасыменко й пыта: „зачимъ прыйшлы, собакивци [4]). Заразъ Акыма по пыци, у того и трубка вылетила зъ зубивъ, а якъ Акымъ давъ Герасыменку по пыци, той не встоявъ. Якъ пишлы его мисыть, такъ у рядни прынеслы додому, черезъ тры дни померъ [5]).

[1]) Иванъ Чухно.

[2]) Алексѣй Ковпъ.

[3]) Егоръ Бобохъ, с. Исачекъ.

[4]) Прозваніе крестьянъ помѣщика П. Ѳ. Андреева, по уличному Собачника.

[5]) Николая Ивахненка.

Если, такимъ образомъ, основнымъ признакомъ крестьянскаго и козачьяго населенія снѣтинской и Волчковской волостей лубенскаго уѣзда представляется разнородность его состава, то, напротивъ, почти все мѣстное дворянство, кромѣ hominеs novi, путемъ равновременныхъ браковъ породнилось съ фамиліей Новицкихъ. Понятно, какой интересъ для исторіи края могли бы имѣть какія нибудь письменныя данныя объ этой фамиліи: мемуары, документы, письма; но за неимѣніемъ такихъ данныхъ поневолѣ приходится довольствоваться блѣдными, отрывочными, не всегда достовѣрными устными преданіями. Эти преданія знаютъ, напримѣръ, только о мускульной энергіи родоначальника Новицкихъ, полковника Ильи, да о его происхожденіи отъ польской рыцарской фамиліи, умалчивая о военной и административной дѣятельности этого выдающагося человѣка. По словамъ недавно скончавшейся столѣтней его правнучки Маріи Акимовны Андреевой, Ильяшъ поссорился съ миргородскимъ полковникомъ Даниломъ Апостоломъ изъ-за вопроса о родовомъ превосходствѣ и въ дракѣ выбилъ ему глазъ далеко не рыцарскимъ способомъ—кулакомъ. Крестьяне также передаютъ о слѣдующей расправѣ Новицкаго съ конемъ. Илья бувъ дуже сыльный. Купывъ винъ коня смырного и красывого. Понайиздылы гости; винъ йимъ и хвалыцця: якого я коня купывъ красывого. Повивъ гостей дывыцця на того коня, увиходыть у конюшню, выправывъ руку и вдарывъ коня по кряжу: „вотъ у меня лошадь“. А кинь якъ хлыпонувъ его. Илья не здавсь та на кучера каже: а выведы мени его. Той узявъ вывивъ ему коня зъ конюшни. Такъ Илья завивъ кулакъ, якъ торохнувъ у лобъ, такъ кинь тилькы затрусывсь. Убывъ [1]).

О ближайшихъ потомкахъ Ильяша народная память не сохранила даже и такихъ воспоминаній, только помѣщики конца прошедшаго и начала нынѣшняго вѣка представляются какими то неясными тѣнями; такъ, одинъ изъ предковъ угасшей вѣтви Новицкихъ—Федорянъ былъ пьяница. „Кажуть, иде старый пипъ отець Васыль Кузьмынскій; завернуть его до пана. Пье батю-

[1]) И. Чухно.

шка, покы схоче, а дали—тикать! то панъ крычыть: „а ну, хлопци, держить попа!“ Его сынъ Павлусь или Павлыкъ былъ богатъ. „У его гроши якъ у Манька [1]) бочкамы стоялы; худобы багато, земли тожъ“, но, несмотря на богатство, онъ былъ такъ скупъ, что для него по три раза разогрѣвали борщъ и нѣсколько дней держали жаренаго цыплынка, покуда не выбрасывали собакамъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ и тамъ заказывалъ себѣ только однихъ цыплятъ, предполагая, что и тамъ они такъ-же дешевы, какъ въ Снѣтинѣ. При такой скупости онъ долженъ былъ сурово относиться даже и къ мелкимъ имущественнымъ проступкамъ У него, послѣ извѣстнаго числа розогъ, истязаемому предъявляли кусокъ дерева и спрашивали: яке? Если послѣдній могъ еще отличить кленъ отъ береста, то наказаніе продолжали до потери сознанія. Послѣ такого наказанія человѣкъ похожъ бывалъ „на падлюку“. „Люды одъ его тикалы безбашъ, мандрувалы. Де хатка—тамъ паниматка де прыхылыцця; чы въ лузи, чы де“. Одинъ изъ братьевъ Павлуся былъ гораздо добрѣе, но за то „якъ тилькы пидійметця дивка на ногы, такъ и переведе“. Послѣ такихъ тяжелыхъ сценъ, слушатель отдыхаетъ на разсказахъ о невинныхъ странностяхъ дѣтей бригадира Андрея Новицкаго, Иванѣ Новицкомъ и Иринѣ Хорватъ. Первый служилъ сначала при посольствѣ, а потомъ засѣлъ безвыѣздно въ Исачкахъ. Онъ никогда не одѣвался и ходилъ всегда только въ грубой рубашкѣ изъ десятки и такомъ же халатѣ. Повидимому, онъ былъ однимъ изъ собирателей земли. Сохранилось много купчихъ крѣпостей первой четверти текущаго вѣка о покупкѣ имъ отдѣльныхъ участковъ и цѣлыхъ имѣній у козаковъ сел. Волчка и Исачекъ и закладная о займѣ у него козакомъ Иваномъ Скороходомъ 60 руб. ассигн. подъ залогъ земли, стоющей 80 р., срокомъ на полтора мѣсяца, съ условіемъ оставленія земли заимодавцу при неплатежѣ въ срокъ, но въ народныхъ разсказахъ Иванъ Андреевичъ представляется кроткимъ („плохимъ“) паномъ. Бывало смолотятъ люди пшеницю, а утромъ сами же и заберутъ, а пану скажутъ, что свиньи съѣли.—А, супесови

---

[1]) Извѣстный богачъ лохвицкаго уѣзда.

кабаны, рѣшаетъ баринъ, ну, кабаны наши и пшеница наша! Еще большими причудами славилась Ирина Андреевна, болѣе извѣстная подъ именемъ генеральши Хорватъ, строительница литвяковской церкви, въ которой есть престолъ св. Ирины. Генеральша ѣздила въ гости въ сопровожденіи четырехъ лакеевъ, изъ которыхъ два вели ее подъ руки, а два шли за нею. Ей нравилось напоить этихъ лакеевъ и наслаждаться ихъ перебранкой. Домъ Хорватовой отличался широкимъ гостепріимствомъ, на пріемы съѣзжалось окрестное дворянство. Она одаряла гостей, и подарки были иногда чрезвычайно странные: глазетовые жилеты, напримѣръ. Среди обѣда входилъ крестьянинъ и, привѣтствуя Хорватову: здрастуй, Орышко! клалъ возлѣ нея киссетъ.—Я оце потрудывсь, начиналъ онъ разговоръ.—Може бъ ты, Омелько, полудновавъ? спрашивала генеральша.—Тай выпью чарку, отвѣчалъ послѣдній. Начиналось угощеніе. Этотъ переодѣтый крестьянинъ былъ шутъ. Шутовъ было тогда много, ихъ брали съ собой въ гости. Роль шутовъ исполняли заѣзжіе, поляки, даже какой-то унтеръ-офицеръ. Роль заключалась не столько въ остротахъ, сколько въ грубыхъ продѣлкахъ. Напримѣръ, одинъ изъ шутовъ, можетъ быть упомянутый унтеръ-офицеръ, придумалъ набросать въ кровати панночекъ мелко изрѣзанной конской шерсти для того, чтобы онѣ не спали всю ночь. Невзыскательное деревенское общество слушало разсказы такого шута съ наслажденіемъ. Едва онъ раскрывалъ ротъ, какъ на встрѣчу его шуткамъ уже появлялись улыбки и поощрительные взрывы смѣха. Обыкновенно такой шутъ обладалъ скуднымъ репертуаромъ нѣсколькихъ избитыхъ анекдотовъ, но долженъ былъ передавать ихъ въ лицахъ, изображая жидовъ, цыганъ, поповъ пьяныхъ, беременныхъ женщинъ. Въ хорѣ онъ могъ невзначай оглушительно взвизгнуть, во время танцовъ—проплясать козачка, исполняя самыя рискованныя па. Прадѣдовскіе обычаи сохранялись еще нѣкоторое время; въ началѣ текущаго вѣка сватовство производилось у пановъ посредствомъ старостъ, перевязанныхъ красными „гарнитуровыми“ (изъ gros de Tours) рушниками, вѣнчались всегда утромъ. Благословляли молодыхъ образами мѣстной живописи. Вмѣсто коровая ставился на столъ большой пря-

никъ; молодого при выѣздѣ осыпали зернами, орѣхами и конфетами, которые хватали дѣти. Въ понедѣльникъ бывалъ еще и перезовъ. Когда Марія Петровна Новицкая выходила замужъ, въ началѣ столѣтія, перезовъ шелъ отъ двора Новицкихъ въ Лубнахъ черезъ весь городъ къ собору. Перезовъ вела Трофимовская. Дамы приплясывали по улицамъ, гукали и пѣли:

Велыкого лугу калына,
Чесного батька дытына...

Около того же времени стали измѣняться дѣдовскіе обычаи и языкъ. Лубенскій маршалъ Акимъ Андреевичъ Новицкій писалъ по-русски. Среди бумагъ сохранилась его записка сестрѣ на червономъ тузѣ:

Якимъ Аннѣ здоровья желаетъ,
Съ именинами ее поздравляетъ
И хлѣбъ-соль отъ усердія посылаетъ.

А его единственная дочь Марія Акимовна, вышедшая замужъ за П. Ѳ. Андреева, напѣвала:

Бракъ прелесный воображала,
Какъ въ невѣстахъ я была,
Въ немъ все счастіе полагала
И прямыхъ утѣхъ ждала.

ГЛАВА III.

Хозяйственное положеніе населенія до манифеста 19 февраля 1861-го года.

Начало крѣпостного права и причины его возникновенія.—Изобиліе земли и ея плодородіе.—Недостатокъ капитала.—Невыгоды положенія козаковъ; закрѣпощеніе.—Распаденіе козаковъ на богатырей и безземельныхъ.—Голодные годы.—Свободный и крѣпостной трудъ.—Примѣръ большого хозяйства.

По народнымъ историческимъ воззрѣніямъ, изложеннымъ въ предыдущихъ главахъ, населеніе края начато козаками съ праваго берега Сулы и отсюда распространилось на лѣвый. Панская колонизація присоединилась къ козацкой позже, съ конца XVII в., когда Илья Новицкій сталъ закликать народъ, бѣжавшій съ праваго берега Днѣпра и заселять свои владѣнія. Такъ

началось крѣпостное право. Причиной его возникновенія не могъ быть, конечно, недостатокъ въ землѣ, которой было тогда вволю. Волостямъ снѣтинской, волчковской и части тиковской, прокармливающимъ теперь пятнадцатитысячное населеніе, легко было прокормить населеніе втрое и вчетверо меньшее [1]), довольствовавшееся незначительными запашками [2]) вслѣдствіе плодородія почвы. Съ десятины, дающей теперь какой нибудь десятокъ копъ, прежде ставилось—30 [3]). Арнаутка давала 8—9 пудовъ съ копны. Ячмень и овесъ не считались и хлѣбомъ. Человѣкъ выоретъ, бывало, десятину на баштанъ и не соберетъ. Бывали огромные арбузы. Батюшка однажды въ старину, выбирая арбузы, сталъ на колѣни, взялъ два арбуза подъ мышки, да не могъ уже и подняться. Вслѣдствіе незначительнаго спроса на землю, и цѣны на нее стояли низкія до размежеванія и освобожденія крестьянъ. Такъ, въ 1731 г. Григорій Кулябка скупалъ земли отъ Шелудченковъ и Кузьменковъ въ Волчкѣ и Бересточи по 1—80 коп. помѣрокъ [4]). Въ 1785 г. жилой грунтъ въ с. Литвякахъ проданъ за 6 руб. 50 коп. ассигн. и тамъ же 4 марта 1896 г. грунтъ въ восьмую часть десятины за 2 руб. на нашъ счетъ, а полевая земля постепенно росла въ цѣнѣ отъ 4 руб. за десятину въ первой четверти настоящаго столѣтія до 15 руб. предъ освобожденіемъ. Козакамъ не было тогда и надобности покупать землю, такъ какъ наемная плата за пользованіе ею была ничтожна. Можно было выкосить травы на 7, 8, даже 20 копенъ за уго-

---

[1]) Въ половинѣ XVIII в., когда населеніе осѣлось и сохранились исповѣдныя росписи въ архивахъ мѣстныхъ церквей, населеніе Снѣтина не превышало 1000 душъ (теперь тамъ 2661), Хорошковъ въ 1744 г.—793 (теперь 2300), Исачекъ—500 д., (а теперь 1371) и Литвяковъ въ 1832 г.—2053, а теперь въ 1896 г., вмѣстѣ съ хуторами въ приходѣ—3819 душъ.

[2]) Въ XVIII выходило орать по разсказамъ старожиловъ с. Литвяковъ, слышавшихъ отъ предковъ, 15 плуговъ въ Литвякахъ, гдѣ теперь пашетъ 300 плуговъ.

[3]) Кулишъ. Зап. о Южн. Руси, т. I, стр. 144. 40 коп. ставилось на одномъ днѣ оранки.

[4]) Лазаревскій. „Кіев. Стар.“ 85 г. V, стр. 8.—Послѣдующіе факты взяты изъ документовъ. Особенности ихъ: неточность измѣренія, напр. день оранки, упругъ, на 1-го косаря, иногда вмѣсто мѣры только перечисленіе границъ и включеніе могорыча въ договоръ.

щеніе владѣльца квартой водки [1]). Еще и въ 40-хъ годахъ хозяинъ предоставлялъ даровое пользованіе перелогомъ съ условіемъ выорать за то эту землю подъ гречиху. Половинщики отдавали вначалѣ 7—10 копну урожая хозяину, затѣмъ третью часть ольи или бороздны хозяину и только предъ манифестомъ—половину [2]). Жали за 3-й снопъ, молотили за 4—5 коробки [3]). Основная причина крѣпостного права лежала, такимъ образомъ, не въ затруднительности доступа къ землѣ, а въ недостаткѣ средствъ у части переселенцевъ для самостоятельнаго веденія хозяйства—въ недостаткѣ капитала. По крестьянскимъ свѣдѣніямъ паны давали первымъ поселенцамъ воловъ и другой инвентарь, да и самый отработокъ въ началѣ былъ легокъ. Пановъ было мало, крестьянинъ, бывало, только помогаетъ имъ: поработаетъ день, а женщина другой—и будетъ. Требинскіе за Лубнами предлагали во второй половинѣ XVIII в. крестьянамъ въ пользованіе 3 дес. пахати, 1 дес. сѣнокоса, лѣсъ и очеретъ за отработокъ 18 дней въ году [4]). Вообще же отбываніе панщины заключалось тогда въ десятинѣ урожая въ пользу пана, перевозкѣ ему дровъ и сѣна и 2-хъ рабочихъ дняхъ въ недѣлю [5]). Вслѣдствіе такихъ льготныхъ условій панщины, и козаки стали „пидлазыть пидъ панивъ“ для избѣжанія походовъ и платежа на консистентовъ и распродавали земли помѣщикамъ по безденежнымъ купчимъ [6]). Такъ получились непонятные на первый взглядъ факты: владѣніе семьями крестьянъ сел. Литвяковъ по 30—80 дес. земли [7]). Такое подданство козаковъ могло быть въ началѣ вполнѣ фиктивнымъ, тѣмъ болѣе что и въ послѣдующее время крѣпостные имѣли право посылать вмѣсто себя на работы наймита и наймичку. Обыкновенно че-

---

[1]) Въ Спѣтинской церковной книгѣ замѣчено: Иванъ взявъ травы въ острови на 3 пятака.

[2]) Короновск. Полт. Вѣдом. 90 г., № 47, стр. 2.

[3]) Теперь 7—8 снопъ отработкомъ и 9—10 коробки тамъ, гдѣ удержался еще этотъ способъ умолота.

[4]) „Кіевск. Стар.“ 96 г., № 9, стр. 220.

[5]) Мякотинъ. Прикр. крест. въ Малор. Русское Богатство 94 г. № 2, стр. 37.

[6]) Тепловъ въ Зап. о Ю. Руси т. 2, стр. 181 и 182.

[7]) Пузырина владѣли—80, три семьи Бойковъ по 50 дес. каждая, Кумонки—50 и Юрченки—30 дес.

тыре хозяина нанимали тогда одного наймита. Самыя взысканія съ козаковъ производились крайне сурово. Сборщики вели неисправнаго плательщика къ рѣкѣ на ледъ и обливали водой „покы вона замерзне на голови якъ на стриси.“ Отъ рѣки приводили назадъ, держа за усы съ обѣихъ сторонъ. Производили также „закуцію“, т. е. разоряли печь, выбивали окна, наливали въ хату воды и топили вещи. „Давнійшъ по козакахъ було не добре жыть—драча велыка“, замѣчаютъ по этому поводу старожилы. Подобныя мѣры заставляли козаковъ „пидходыть пидъ панивъ“, но закрѣпощеніе скоро стало безповоротнымъ, такъ какъ помѣщики рядомъ ограничительныхъ мѣръ: запрещеніемъ продавать посполитымъ землю безъ согласія владѣльца, соглашеніемъ послѣднихъ не принимать отходящихъ крестьянъ, арестомъ крестьянской семьи и имущества [1]), еще до прекращенія въ 1783 г. вольнаго перехода сдѣлали его практически невозможнымъ. Два разсказа изъ крестьянскихъ фамильныхъ преданій такими чертами рисуютъ картину этого переходного состоянія.

1.

Попереду уси булы вильны, а жыть було оскудно, коло панивъ лехше. Чоловикъ помогае пану робыть. У Снитыни худо, йде въ Жданы [2]),—покы панъ не запысавъ у свою книжку. Мій дидъ такъ пидійшовъ, а якъ стало худо, то винъ хотивъ утекты на Запорожжя отакъ, якъ теперъ у Таврію ходять. Винъ тамъ побувъ та хотивъ забрать и семейство. Вернувсь, зайшовъ у шынокъ, поздрастувавсь, выпывъ. Тутъ доложылы до пана, поставылы сторожу на ничъ. Такь винъ поборсувавсь ничъ, пійшовъ до пана тай помырывсь и не пысавъ уже на Запорожжя. Такъ було росказуютъ батько [3]).

2.

Дидъ мій бувъ козакъ Прыхидько, Иванъ Михайловычъ. Такъ якъ тоди тисно було жыть козакамъ,—за подушне прыти-

[1]) Мякотинъ Рус. Бог. 1894 г. № 2, стр. 37. Рубанъ. Кратк. лѣтопись. XXVII.

[2]) Село лохвицкаго уѣзда.

[3]) Отъ Григорія Науменка (Кесхички) м. Снѣтина.

снялы, то дидъ вертивсь, вертивсь, тай пидійшовъ пидъ помищыка, такъ не скажу пидъ якого. Якъ пожылы съ пивгода, ставъ и панъ прытиснять. Дидъ утикъ, панъ давай ёго ловыть. Дидъ, утикавши, упавъ вночи у горлату яму, а тамъ була насыпана зола зъ огнемъ. Дидъ терпивъ, терпивъ та ставъ крычать: рятуйте! Вытяглы дида и заперлы въ острогъ. Черезъ то его и сталы звать Печенымъ. Дидъ зъ острога утикъ, за нымъ салдаты, винъ у воду пидъ латаття и цилый день сыдивъ въ води, такъ и запысалы: втопывсь. Дидъ, диждавшы вечора, подавсь дали. Пидъ Жданамы, якъ стало розвыдняцця, дидъ сховавсь у купку конопель. Жинка прыйшла брать конопель, злякалась, думала: анцыфиръ [1]), крычыть: рятуйте! Дидъ каже: Богъ зъ тобою, молодыце, дай кусокъ хлиба та никому не хвалысь. Досыдивъ дидъ до вечора, упять хода на Лытвяки до генеральши Хорваткы. Вона вырядыла йихъ у Путывцивъ хуторъ за хазяина. Дидъ жывъ тамъ бильше 40 литъ. Хорватка передъ смертю напысала ему волю, а не утвердыла судомъ, а дворови сказылы: „якъ намъ нема воли, той ему не треба! Тай спалыли дидову волю [2]).

Эти разсказы и раньше приведенные примѣры Иванчанъ и Моргуновъ доказываютъ, что паны прошлаго столѣтія, помимо косвенныхъ мѣръ, старались обращать козаковъ въ посполитыхъ и насильственными способами. Въ Снѣтинской волости, гдѣ жили болѣе богатые и вліятельные паны, эти стремленія сопровождались успѣхомъ: почти всѣ козачьи роды были порабощены или вытѣснены изъ Шекъ, Хорошковъ и отчасти Снѣтина; въ Литвякахъ же, гдѣ поселились менѣе значительныя отрасли Новицкихъ, козаки удержались и составляютъ половину населенія, а въ Волчкѣ и Бересточѣ, въ которыхъ не было имѣній Новицкихъ, козаковъ подавляющее большинство. Но и козачество въ свою очередь разложилось на бѣдняковъ и богатырей. Богатыри имѣли довольно значительныя поземельныя владѣнія; за Линывыми, напр., числилось до 300 дес. земли въ урочищахъ: „Фалевомъ“ и „Гаю“, большая пасѣка, много скота, денегъ. Ихъ богатство объясняли даже знакомствомъ съ дьяволомъ. Голодные годы:

[1]) Люциферъ.

[2]) Отъ Тараса Печеного, изъ хут. Церковнаго.

1833, 34 и 48 еще больше усилили имущественную разницу. Воспоминанія объ этомъ времени живо въ народной памяти. Въ 1833 г. посѣвы ржи, пшеницы и ячменя совсѣмъ не взошли; пропалъ даже картофель. На житахъ уродила лобода, какъ лѣсъ. Народъ сжалъ лободу, засыпалъ въ коши и кормился ею цѣлый годъ. Къ хлѣбу подмѣшивали полову и жолуди, въ гречаную муку—золу, въ ржаную—бѣлую глину. Ѣли хлѣбъ изъ проса и овса, а за неимѣніемъ его—высивки, мякины изъ пшена. Бураки квасили съ зеленью (гичью), терли и ѣли почки липы и щавій (Rumex obtusifolius или crispsus). Пили соленую воду. „Батько купылы хлибъ у Лохвыци,—разсказывала бабуся, сама въ дѣтствѣ распухшая отъ голода до пояса,—диты радіють, скачуть, колы розризалы,—ажъ полова: тилькы зисподу и зверху коржъ.“ Бывали и случаи голодной смерти. „У чоловика тоди вмерло двое дитей. Лежать воны день и два, нихто не йде хоронить, шо въ того чоловика нема хлиба. Винъ у волость, та ажъ тоди поховалы.“ На слѣдующій годъ люди собирали уже хлѣбъ гдѣ ни попало: „не було мого й твого“, а сходъ помѣщалъ жать къ хозяевамъ обѣднѣвшихъ козаковъ за третій снопъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ паны успѣвали прокормить крестьянъ, въ другихъ разрѣшали продажу земли на прокормленіе. Тогда пала цѣнность земли до 2 руб. за десятину; былъ случай уступки земли за 2 коробки сухарей. „Съ 33 и 34 годовъ, говоритъ Коронovскій, когда былъ голодъ, цѣна земли достигала 10 руб. ас. за десятину, и тогда явились крупные поземельные собственники изъ крестьянъ и козаковъ и много безземельныхъ“ [1]). Параллельно паденію цѣнъ на землю, шло вздорожаніе хлѣба въ 10, даже 20 разъ противу нормы. Пудъ ржаной муки стоилъ 1 руб. 50 к., а печенаго хлѣба—7 коп. фунтъ, и продавецъ, боясь отпустить большее количество, тутъ же откусывалъ и съѣдалъ лишній кусочекъ. Необходимо припомнить, что такія цѣны на хлѣбъ появились тогда, когда рядная плата была еще крайне низка: мужчина получалъ тогда 10—15 руб. [2]), женщина [3]) 8—

[1]) Полт. Вѣд. 90 г., № 47, стр. 3.

[2] и [3]) Коронов. Полт. Вѣд. 90 г., № 48, стр. 2.

10, парень 5—7 и дѣвушка—2 руб. въ годъ. Тогда чаще служили за одежду. Напримѣръ, женщина за годовое услуженіе получала: кожухъ, плахту, пару запасокъ и скатерть, дѣвка—юпку, 2 запаски и на сорочку полотна; подростки служили годъ за чоботы или запаску, полотно на сорочку. Поденная заработная плата не превышала тогда 6—10 коп. жнецу или косарю, 3—5 коп. гребцу, $1^1/_2$—3 коп. погоничу въ день. Въ петровку бабы пряли цѣлый день за $1^1/_2$—3 коп. Таковъ былъ вольнонаемный трудъ. Обязательный трудъ представляется въ первой половинѣ текущаго вѣка въ такихъ чертахъ: норма панщины, три дня въ недѣлю, соблюдалась не во всѣхъ среднихъ и небольшихъ имѣніяхъ, на которыя распалось наслѣдіе Ильяша Новицкаго. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне работали 4 дня помѣщику, а пятницу и субботу себѣ. Случалось, что люди располагали лишь однимъ днемъ въ недѣлю для себя, тогда какъ вначалѣ крѣпостного права, наоборотъ, должны были отбыть только одинъ день въ недѣлю владѣльцу. Въ страдную пору порядокъ работъ измѣнялся. На косовицу выходили всѣ, толокой, и косили весь іюнь пану; крестьяне по $^1/_2$ дес. въ день или 2 дес. въ 5 дней; женщины гребли скошенное сѣно. Въ жатву баба жала 2 копы, 2 копы 15 сноповъ, а кормящая грудью дитя—$1^1/_2$ к. въ день ржи и озимой пшеницы, а ярины—по $2^1/_2$ копны. Въ одной изъ экономій накидали даже по 4 копы въ день женщинѣ и аккуратный нѣмецъ самъ измѣрялъ шнуркомъ снопы. „Ничь вызволяла, мисяцъ зійде и зайде, а мы жнемо“, разсказывали крестьянки. Тягловые обязаны были перевезть 30 копъ въ день. Земля пахалась преимущественно крестьянскими плугами, такъ какъ половина крестьянъ была тягловыми. Женщины, кромѣ обыкновенныхъ полевыхъ работъ, должны были еще спрясть въ три срока: въ Филипповку, мясоѣдъ и великій постъ по 60, а въ нѣкоторыхъ экономіяхъ и по 90 пасомъ пряжи. При такомъ размѣрѣ обязательной пряжи, женщины не могли одѣваться такъ, какъ теперь; прилежныя имѣли по 3 рубашки, лѣнивыя—одни рубцы. Въ жатву виднѣлись черныя молодицы съ голыми плечами, едва прикрытыя запасками. Положеніе крестьянъ видно яснѣе на примѣрѣ большого снѣтинскаго хозяйства. Стараго

хозяина, Лубенскаго маршала, Акима Новицкаго народныя воспоминанія изображаютъ добрымъ, снисходительнымъ паномъ, при которомъ людямъ жилось сносно. Дочь его, Марія Акимовна, вышла замужъ за П. Ѳ. Андреева и принесла ему большое приданное: половину Снѣтина, Исачки и нѣсколько хуторовъ. Въ этомъ свободномъ отъ долговъ имѣніи числились: винокуренный и селитренный заводы, стадо холмогорскаго скота въ 40 коровъ съ 3-мя быками („одинъ муругый, два перыстыхъ"), конскій заводъ съ 5-ю жеребцами, испанскія овцы. На работу выходило 10 экономическихъ и 15 крестьянскихъ плуговъ. Рядомъ нововведеній Андреевъ совершенно измѣнилъ такое положеніе вещей. Онъ завелъ: крахмальную, бумажную, табачную и сигарную фабрики, на которыхъ работало до 500 рабочихъ подъ руководствомъ французскихъ и нѣмецкихъ мастеровъ. Ему же приписываютъ введеніе табаку въ лубенскомъ уѣздѣ, для чего вывезены сѣмена и табачникъ изъ м. Срѣбнаго, и первый посѣвъ сдѣланъ въ 1817 г. Желая избѣжать посредничества табачныхъ купцовъ, онъ же задумалъ отослать табакъ своихъ плантацій прямо въ Ирбитъ (по словамъ крестьянъ „въ Казанъ-городъ") на 25-ти конныхъ повозкахъ съ подводчиками изъ крѣпостныхъ, но предпріятіе это, какъ видно, было плохо организовано: денегъ не хватило, подводчики кинули табакъ гдѣ то на заѣзжемъ дворѣ, распродали возы, сбрую, лошадей и возвратились далеко не всѣ. Такія широкія, неудачныя предпріятія и жизнь не по средствамъ, напримѣръ содержаніе 360 собакъ, привели къ полному разстройству дѣлъ и обѣдненію крестьянъ, которые должны были работать для себя по ночамъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ оставалось по одному только волу, а у большинства ни одного; одна корова приходилась на три двора, а лошадей въ Снѣтинѣ можно было найти развѣ у козаковъ. Вдова Петра Ѳедоровича, Марія Акимовна также очутилась въ плачевномъ положеніи. Настали голодные годы, люди разбрелись въ разныя стороны: были у священниковъ, ремесленниковъ, даже у евреевъ. Пятнадцать мальчиковъ отработывали въ Харьковѣ у Богомолова за долгъ покойнаго Андреева. Марія Акимовна думала помочь горю, устроивъ маленькій опытъ гинайкократіи. Вся администрація: приказчики,

десятники, табачники, ключники назначались изъ женщинъ, которыя имѣли право и посѣкать крестьянъ. Гинайкократія не помогла, и уже сыну Петра Ѳедоровича пришлось собирать разбитую храмину, но дѣятельность этого сына принадлежитъ большею частью другому времени, когда манифестъ 19 февраля принесъ съ собой новую весну, и потому не войдетъ въ настоящую статью.

В. Милорадовичъ.

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ[1].

(1846—1877 г.г.).

6.

С.-Петербургъ, 1846, сент. 16.

Я не зналъ, что Общество Ваше пользуется благодѣтельнымъ правомъ собственной цензуры. Прошу-жъ освободить изъ-подъ лапы Никитенка: 1, заглавіе разсказа объ *Уніи*, замѣненное по неволѣ другимъ, 2, въ разсказѣ о Степанѣ Плахѣ и царѣ Петрѣ освободите все зачеркнутое имъ, а потомъ уже, для складу, и мною. Окончаніе этого преданія прекрасно, но какъ Никитенко нѣкоторыя строки замаралъ, такъ я уже съ досады и все его зачеркнулъ. Вы-же воскресите. 3, Въ *Очаковской бѣдѣ* не упустите поставить рядъ точекъ на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, послѣ которыхъ слѣдуютъ восклицанія: «О, якъ-же не гарно лаеться»! или: «такъ и ляпнувъ на всю губу» и т. п. Да нельзя-ли поневолѣ вымышленнаго *Верходумова* напечатать вездѣ: *Потемкинъ*?—ибо этотъ разсказъ къ нему относится. Извѣстно, что Потемкинъ любилъ загинать по-московски. Вмѣсто *вельможнаго* нужно въ такомъ случаѣ напечатать: *свѣтлѣйшій*. Прочія преданія зачеркнуты мною по особеннымъ причинамъ, и ихъ печатать не надо. Я думаю, цензура Ваша позволитъ напечатать и *Путешествіе по другому свѣту*. Очень буду радъ. Я цѣню его высоко. Изъ прочихъ религіозныхъ преданій напечатайте, что можно, и въ такомъ случаѣ помѣстите ихъ по оглавленію, которое поневолѣ переправлено.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 9.

Милутиновичъ мнѣ очень понравился, но какъ я живу въ одной комнатѣ, то не могъ помѣстить его у себя. Я надавалъ ему только книгъ для сербскихъ библіотекъ.

Лѣтопись Іозефовичева дѣйствительно доведена до конца, но я уже не писалъ къ нему, потому что писалъ объ этомъ два раза и сказалъ все, что только могъ. Если онъ такъ безпеченъ, или холоденъ, или безчувственъ, или глупъ, что не исполнитъ моей просьбы по тѣмъ двумъ письмамъ, то напрасно больше и писать къ нему. На него можно подѣйствовать развѣ дубиною.

Прошу меня увѣдомить, какая гостинница ближе къ Вашей квартирѣ? Я, можетъ быть, проживу въ Москвѣ мѣсяцъ и два. Хочу у Васъ кое-чему поучиться и прочитать по Вашему указанію все, что мнѣ необходимо прочитать. Да еще хочу поработать въ Вашемъ архивѣ для своей Черной Рады. Хочется мнѣ, чтобъ это былъ не вымыселъ, а истина, до чего уже я достигъ значительно.

Что Вы на это скажете, еслибъ я изъ Москвы отправился въ Харьковъ для доставленія Вамъ оттуда всего, что у Харьковцевъ есть. Если они такъ малодушны, что не рѣшаются передать Вамъ своихъ рукописей, то не думаю, чтобы были такъ низки, что не позволятъ списать ихъ человѣку, нарочно для того пріѣхавшему. Можетъ быть я тамъ рѣшу вопросъ о пѣсняхъ. Какъ гнусна такая недовѣрчивость, необщительность и какая-то безсмысленная любостяжательность.

Вашъ П. Кулѣшъ.

Прошу Васъ сообразить, сколько мѣста займетъ въ Вашемъ журналѣ Черная Рада на украинскомъ языкѣ. Она объемомъ равна Михайлу Чарнышенку, но вспомните, что Чарнышенко разгонисто напечатанъ. Можетъ-ли она быть помѣщена въ одномъ нумерѣ? Ее хотѣлъ бы я напечатать во время пребыванія въ Москвѣ. Нѣсколько экземпляровъ этого романа проложили-бы мнѣ путь въ самыя суровыя Харьковскія души, и многое устроилъ-бы я на пользу исторіи и словесности нашей.

7.

С.-Петербургъ, 1846, окт. 8.

Что это Вы замолкли, почтеннѣйшій Іосифъ Максимовичъ? Мнѣ нужно знать, открыли-ли Вы въ Вашемъ журналѣ новый отдѣлъ и можетъ-ли *Черная Рада* быть напечатана въ немъ вся вдругъ и немед-

ленно по пріѣздѣ моемъ въ Москву, т. е. около 15 ноября? Если нѣтъ, то я отдамъ ее заблаговременно здѣсь въ цензуру и, по пріѣздѣ въ Москву, немедленно приступлю къ изданію ея на свой счетъ. Для меня это сдѣлалось вопіющею потребностью. Не могу долѣе переносить, что послѣ повѣстей Основьяненка мы, малороссіяне, совсѣмъ уснули со своею литературою. Откладывать же до возвращенія изъ заграницы слишкомъ долго. Итакъ покорнѣйше прошу Васъ обстоятельно меня обо всемъ увѣдомить.

Кстати: оттиски мои Лѣтописи Самовидца покорнѣйше прошу разослать не такъ, какъ я прежде писалъ, а слѣдующимъ образомъ:

1, 50 экземпляровъ передать въ лавку Москвитянина.

2, 100 экземпляровъ отправить въ Кіевъ М. Вл. Юзефовичу.

3, 50 экземпляровъ въ Петербургъ его высокородію Павлу Петровичу Максимовичу на Васильевскомъ островѣ въ 12-ю линію между большимъ и среднимъ проспектомъ въ собственномъ домѣ.

4, 30 экземпляровъ въ Харьковъ профессору Амвросію Лукіяновичу Метлинскому.

5, 5 экземпляровъ въ Чигиринъ Михайлу Антоновичу Грабовскому.

6, 10 экземпляровъ въ Екатеринославъ губернскій Григорью Тимофеевичу Мизко.

7, 40 экземпляровъ въ Черниговъ Ѳедору Андреевичу Китченку, инспектору гимназіи.

8, 15 экземпляровъ оставить для меня. Если нужно будетъ дать нѣсколько экземпляровъ въ цензурный комитетъ, то прошу Васъ отдѣлить нужное число отъ 4 посылки, т. е. отъ 30 экз. назначенныхъ Метлинскому.

Когда оттиснутся преданія, покорнѣйше прошу поступить съ ними точно также.

На оберткѣ Лѣтописи Самовидца и Преданій прошу напечатать: цѣна 1 р. сер.

Вашъ П. Кулѣшъ.

Приложенное при семъ примѣчаніе надобно припечатать въ преданіяхъ въ началѣ. Прошу Васъ при корректурѣ ввести вездѣ Ваше е. Да еще нужно ставить апострофъ въ такихъ словахъ, какъ *панъ' отецъ*, *казна' що* и т. п.

Дѣло мое вотъ-вотъ окончится въ Комитетѣ Министровъ. Я пробуду здѣсь для приготовительныхъ занятій еще съ мѣсяцъ.

Еще прошу послать два экземпляра Лѣтописи Самовидца, а потомъ и преданій въ Богуславъ, кіевской губерніи, священнику мѣстечка Стеблева отцу Симеону Левицкому, да 2 экз. въ Каневъ священнику о Александру Андреевскому. Все это добрые люди и полезные. Прилагаются письма къ обоимъ священникамъ; Вы вложите въ книги.

Уже готовъ былъ отправить письмо это, какъ получилъ книжку *Чтеній*. Предисловіе Ваше мнѣ нисколько не мѣшаетъ, тѣмъ болѣе, что оно необходимо. Любопытно знать, когда выйдетъ конецъ Лѣтописи Самовидца! Меня сильно занимаютъ варіанты и дописки.— Спасибо-жъ вамъ, да й вельми спасибо!

Пише й до мене Срезн. те-жъ саме, ажъ нудно читать. Де що роскажу про его дуже погане, якъ побачимось.

За Самовидца я виноватъ; по-вопервыхъ, я не зналъ, что списокъ Костомарова не полонъ и не точенъ, во вторыхъ, я давно уже просилъ Юз. о присылкѣ мнѣ своего, и нимало не сомнѣвался въ томъ, что еще успѣю доставить Вамъ конецъ.

Бант.-Кам. видно добрый человѣкъ; спаси ёго, Господи, за се!

Ожидаю отвѣта, долженъ-ли я идти къ цензору съ *Черною Радою*?

О Липовскомъ я уже зналъ. Горе!

П. К.

Зам. о *Лѣт. Самов.* на стр. 27, столб. 1, стр. 35, *Яко молодою лѣта Хмельницкаю.* Смотрите, не *молодолѣта-ли*? Выше строка 30, вмѣсто *жживость*—нужно *хтивость*.

Примѣчаніе къ преданіямъ. Буквы â, ê, û, î, ô, ŷ со значками должно читать какъ русское *и;* букву *е* должно читать какъ французское *е*, а букву *є*, какъ русское *е;* букву ѣ должно читать, какъ русское и; окончаніе *ться* должно читать *цьця*.

8.

С.-Петербургъ, 1846, окт. 18.

Дней черезъ пять Вы получите отъ меня критическій разборъ Лѣтописи Самовидца, который покорнѣйше прошу Васъ оттиснуть въ концѣ и при отдѣльныхъ 300 экземплярахъ.

Ожидаю отъ Васъ извѣстія о томъ, открыли-ли Вы новое отдѣленіе въ журналѣ? Скоро-ли можетъ выдти 2-й № *Чтеній*? Сколько нужно за переверстку преданій въ маленькія страницы, которыхъ бы

изъ каждаго столбца вышло двѣ? Можетъ ли поступить въ печать *Черная Рада* къ тому времени, какъ я пріѣду въ Москву? Въ противномъ случаѣ я хочу печатать ее на свой счетъ и потому заблаговременно долженъ обратиться къ цензору. Ожидаю отъ Васъ извѣстія.

Дѣло мое подписано наконецъ Государемъ, и я скоро надѣюсь получить отъ академіи бумагу. Можетъ быть, не долго потомъ проживу здѣсь: мнѣ нетерпѣливо хочется видѣться съ Вами.

Вмѣстѣ съ критическимъ разборомъ Вы получите еще двѣ вещицы: 1, проэктъ объ уничтоженіи Греко-Россійской вѣры въ польскихъ областяхъ, представленный Польскому правительству въ половинѣ XVIII вѣка однимъ ксендзомъ іезуитскимъ. (Можетъ быть и подложный, но тѣмъ не менѣе любопытный, какъ орудіе, къ какимъ прибѣгали преобразователи Польши) 2, Объ устройствѣ панскихъ домовъ, дворовъ и земель въ сѣверной части Черниговской губерніи въ половинѣ XVIII вѣка, статья, составленная мною по бумагамъ, полученнымъ отъ А. И. и М. И. Ханенковъ.

Недавно я послалъ Вамъ замѣтки при чтеніи печатной Лѣтописи Самовидца, для помѣщенія въ число опечатокъ.

Вашъ П. Кулѣшъ.

9.

С.-Петерб., 1846, окт. 18.

Наконецъ я уволенъ отъ службы. Думаю скоро ѣхать въ Москву. Что Вы на это скажете? Здѣсь я, не имѣя руководителя, буду биться въ *чтеніи*, какъ путникъ въ снѣгахъ безъ дороги; а въ Москвѣ Ваши указанія облегчатъ мнѣ приготовительныя занятія. Не правда-ли?

Въ цензуру *Черной Рады* отдавать теперь уже некогда. Не лучше ли будетъ, если я поручу ее Вамъ для напечатанія въ «Чтеніяхъ»? Зачѣмъ хлопотать мнѣ самому, когда у меня есть такой славный издатель? Экземпляръ русской Черной Рады, совершенно готовый къ печати, я оставилъ у Плетнева. Если бы Вы нашли охотника купить право перваго изданія за 1000 руб. сер., наличными деньгами, то пусть обратится къ Петру Александровичу. Ожидаю отъ Васъ извѣстія и спѣшу къ Вамъ; впрочемъ, буду не раньше, какъ черезъ 2 недѣли.

Въ предыдущемъ письмѣ я просилъ Васъ о присылкѣ мнѣ сюда первыхъ засѣданій Вашихъ «Чтеній». Несмотря на мой скорый выѣздъ, я прошу Васъ не откладывать присылки оныхъ. Также и оттиски *Лѣтописи Самовидца* желалъ-бы я получить до отъѣзда, почему можно ихъ выслать прямо на мое имя.

Вашъ П. Кулѣшъ.

10.

Октября 21, 1846.

Пожалуйста не удивляйтесь моимъ странностямъ. Недостатокъ нѣкоторыхъ матеріаловъ и скудость времени, которое употребляю на занятія, необходимыя для моего путешествія, заставили меня отложить разборъ *Лѣтописи Самовидца*. Итакъ печатайте безъ разбора. Послѣ можно будетъ потолковать о ней основательнѣе, когда напечатаются другіе источники.

Вашъ П. Кулѣшъ.

Двухъ обѣщанныхъ статей не посылаю, потому что самъ могу привезти ихъ. Торопиться не для чего.

11.

С.-Петербургъ, Октября 22, 1846.

У меня тутъ есть давній мой знакомый и соученикъ, нѣкто Сердюковъ, человѣкъ неизвѣстный, но великій любитель и знатокъ Украинской исторіи. Онъ-то заохотилъ было меня къ критическому разбору нѣкоторыми своими замѣчаніями весьма дѣльными. Когда жъ я, увидѣвъ, что эта работа поглотитъ послѣдніе дни пребыванія моего въ Петербургѣ, отложилъ ее, онъ взялся самъ за это дѣло и готовитъ обширную статью, въ которой между прочимъ, на основаніи Симб. Сборника и другихъ источниковъ доказываетъ, что сочинитель *Лѣт. Самов.* былъ Ракушка, сотникъ, а потомъ протопопъ. Мнѣ кажется, Вамъ лучше всего—напечатать ее безъ истолкованія; а я съ нимъ поговорю, и можетъ быть онъ согласится напечатать свою статью въ «Чтеніяхъ». Если согласится, то я напишу Вамъ, когда именно Вы получите отъ меня его рукопись.

Раду постараюсь поскорѣе доставить цензору. Не можете-ли Вы мнѣ сказать, во сколько времени могутъ у Васъ, въ Москвѣ, напе-

чатать ее? Соображаясь съ этимъ, я отниму нѣсколько дней отъ Петербурга, чтобы пробыть подолѣе въ Москвѣ.

Не сдѣлаютъ ли мнѣ препятствія паэрки (ʌ) и ударенія? Есть-ли они для буквъ и̂, у̂, ê и пр. Если бы у Васъ нашелся исправный въ поставленіи бумаги и типографскихъ пособій книгопродавецъ, то я уступилъ бы ему романъ за извѣстное число экземпляровъ. Онъ долженъ только обязаться поставлять въ недѣлю столько то печатныхъ листовъ, чтобы не задержалъ меня въ Москвѣ. Чѣмъ больше дастъ онъ мнѣ экземпляровъ, тѣмъ лучше; впрочемъ я согласился бы за третью часть завода. Экземпляры должны быть брошюрованы на его счетъ и къ сроку. Если угодно, потолкуйте съ кѣмъ-нибудь. Еще условія: хорошая бумага, какой мнѣ угодно форматъ и хорошій шрифтъ.

Если же Вы найдете, что съ книгопродавцами невозможно будетъ уладить этого дѣла, то я Васъ покорнѣйше буду просить взять для меня въ долгъ бумаги на 1200 экз., а я Вамъ для расплаты съ купцомъ деньги вышлю черезъ полгода. На печать же у меня деньги есть.

Покорнѣйше прошу Васъ выслать мнѣ прежніе номера «Чтеній». Я думаю, Вы можете сдѣлать это безплатно. Да если бъ еще немедленно!

Вашъ П. Кулѣшъ.

P. S. Подъ именемъ «Исторіи о презѣльной брани» Костомаровъ разумѣетъ Лѣтопись Грабянки, которой авторъ ему былъ неизвѣстенъ. Я ему сообщилъ его имя. И такъ, если Вы получили отъ кого-либо полный списокъ, то и можете тамъ отыскать его ссылку.

12.

С.-Петербургъ. 1846, ноября. 2.

Готовлюсь къ отъѣзду. Если не начали печатать преданій, то перемѣните правописаніе такъ: выбросьте всѣ *â*, *ê*, *ô*, *у*, *ѣ* и на мѣсто ихъ поставьте *и̂*, также окончаніе *ться* перемѣните на *цьця*, *нья* на *ньня* и т. д. Ваше *е* остается во всей силѣ. Не удивляйтесь такой внезапной перемѣнѣ вѣры. Я давно подумывалъ объ этомъ. Ахъ, да! Еще нужно выбросить вездѣ *ы* и на мѣсто его поставить простое *и*. Звукъ ы не украинскій.

Вашъ П. Кулѣшъ.

13.

С.-Петербургъ, 1846 г. ноября 7.

Покорно Васъ благодарю за первые четыре № № «Чтеній». Въ то же время я получилъ тюкъ изъ гимназіи и нашелъ въ немъ: 1, экземпляръ засѣданія 28 сентября и 2—4 экз. четырехъ сочиненій Венелина. Письма при тюкѣ не было, и я не знаю, для меня ли присланы эти книги, или для какого-нибудь употребленія. По крайней мѣрѣ знаю, что одинъ экземпляръ для меня. Покорно благодарю!

Я уже писалъ къ Вамъ, что Украинскую «Черную Раду» напечатаю у Васъ. Что касается до русской, то оставлю до возвращенія изъ заграницы. Не хочется напрашиваться съ своимъ добромъ къ Погодину. Надъ Лѣтописью Самовидца Вы потрудились славно! Благодарю Васъ отъ лица всей чувствующей себя Малороссіи. Я уже двѣ недѣли свободенъ отъ своихъ должностей, но Академія дѣйствуетъ чрезвычайно медленно. А все дѣло только въ томъ, чтобы выдать мнѣ бумаги. Придется просидѣть здѣсь до конца Ноября, что очень скучно: ни то дома, ни то въ дорогѣ.

Вашъ П. Кулѣшъ.

14.

Коханый и шановный нашъ
Осипъ Максимовичъ!

Панъ Юзефовичъ исказавъ, що за тымъ не можна теперечкы перевесты Вашого брата на друге мѣсце, що тамъ учитель мае свій двиръ и оселю; дакъ жаль зруйноваты чоловика; а скоро лучицца, заразъ переведе.

Рыгельмана нема въ Кіеви

Про портретъ Рыгельмана старого написавъ у Чернѣговы.

Про письма Орлика памятаю, та постривайте: тутъ лихо транылось,—може и мынецця. Колыбъ-то мынулось!

Грондській ище не ввесь перетлумаченый та ще и Костомара не перегледивъ, чи такъ переведены технычни слова.

Грабянкы не дають; самы друковатымуть.

Може, достану Вамъ Ерлыча: написавъ до Свыдзинского. Штука важна, якъ и Самовыдець.

Прошу Васъ:

1. Выслать (и цѣну назначыть) у Борзну Никол. Дан. Бѣлозерському: а) Народописаніе Ваше и карту, б) особый одтыскъ Коныського (нехай се буде excerptio).

2. Костомари тожъ выслать и цѣну означить, 5, 6, и 7-й выпускы Чтеній, да и далшъ высылаты, а винъ платытыме.

3. Якъ не одослалы ще Ханенкови 50 экз. Самовидця, дакъ одослать ихъ Юзефовычу окроме сотни.

4. Юзефовычъ просыть выслать ему усѣ Чтенія зъ самого початку и надалшъ высылаты, а винъ платытыме.

Костомарыны писни друкуйте: я казавъ, что винъ не суперечыцця!

Люблю вже я давно одну гарну дивчыну на Вкраини. Знаю добре, що никого, опрычъ ей не визьму за себе, вернувшись изъ Нимещыны. Дакъ щобъ ій не було у столыци якось моторошно, що бачите, не зна языкивъ, беру зъ собою за гряныцю. А въ ей и грошеняты є,—буде за що жыты у Нѣмещыни. И братъ ій иде зъ намы; дакъ, колы мынѣ треба буде одлучытысь у якый дыкый народъ, дакъ винъ при ій зостанецця на той часъ чы у Прази, чы у Видни, чы де ынде. Не судите-жъ мене и не корите за се. Безъ серця ябъ ничого въ свити не врадывъ: така моя натура.

Вашъ П. Кулѣшъ рукою властною.

Р. Б. 1847 Стычня 9. Борзна.

Николаю Даниловичу Бѣлозерскому, въ Борзну, Черниговской губернiи, для передачи П. А. Кулѣшу.

15.

Осипъ Максимовичъ!

Сей панычъ суть предобрый и предорогый нашъ землякъ; дакъ будьте ласкáвы—примите ёго такъ, якъ и мене самóго.

П. Кулѣшъ рукою властною.

1847, ст. 10 Борзна.

Истынно Т. Шевченко [1]).

---

[1]) Автографъ. *А. Т.*

16.

1847, Стычня, 29 Хуторъ Мотроновка, коло Борзны.

Посылаю Вамъ, шановный Осипъ Максымовычъ, письма Гетьмана Орлыка, переписаныи рукою Генерального Хорунжого Ханенка. Та зъ тымъ у купи и роспысаные, кому послаты Украинскіи преданія. Прошу Васъ надруковати на обгорткахъ цѣну: 50 копѣекъ серебромъ щобъ усяке знало, по чимъ продавати. Одвиту на мій лыстъ изъ Борзны одъ Васъ ище не одобравъ.

Оженивсь я 24 числа. Гарна и разумна дуже въ мене жинка. Знае добре нашу исторыю, а пѣсни такъ спѣвае (та все наськы), що ажъ серце радуецця.

П. Кулѣшъ рукою властною.

Расписаніе.

кому послать Украинскія народныя преданія (NB 600 экземпл.)-

1. Его Высокородію Мих. Владим. Юзефовичу въ Кіевъ. . . . . 200 экз.
2. Его Высокор. Павлу Петровичу Максимовичу, въ С.-Петербургъ, на Васильевск. Острову, въ 12-й линіи, между Большимъ и Среднимъ проспектомъ, въ собственномъ домѣ. . . . . 170 экз.
3. Его Высокор. Мих. Ив. Ханенку, въ Новгородъ—Сѣверскъ. . . . . 52 экз.
4. Его Высокобл. Михаилу Ант. Грабовскому въ Чигиринъ . . . . . 5 экз.
5. Его Высокобл. Ивану Вас. Росковшенку, инспектору гимназіи въ Тифлисѣ. . . . . 2 экз.
6. Его Превелебію отцу Симеону Левицкому, въ Богуславъ, а оттуда въ м. Стебловъ. . . . . 2 экз.
7. Его Высокобл. Ѳедору Андреевичу Китчетку, инспект. гимназіи въ Черниговѣ. 101
8. Его Превосход. Осипу Мих. Гладкому, Таврич. губерніи въ г. Бердянскъ, а оттуда въ Петровскую крѣпость. 2 экз.
9. Ѳедору Христіяновичу Гренбергу, въ Каневъ . . 1 экз.
10. Николаю Семеновичу Гукову въ Глуховъ . . . 4 —
11. Его В. Никол. Дан. Бѣлозерскому въ Борзну. . 10 —

12. Его Высокопреподобію отцу Игнатію Головинскому, Г. Ректору Католической Духовной Академіи, въ Петербургѣ. . . . . 2 экз.

13. Въ книжную лавку Москвитянина. . . . . 20 экз.

14. Его Высокобл. Амвросію Лукіановичу Метлинскому, профессору университета въ Харьковѣ. . . . . 1 экз.

П. Кулѣшъ.

На оберткѣ прошу Васъ, Осипъ Максимовичъ, приказать напечатать: Цѣна 50 коп. сер.

Еще:

15. Его Превелебію, господину пробощу Изопольскому, въ Бѣлую церковь, Кіевской губ. . . . . 1 экз.

16. Григорью Николаевичу Кулѣшу, ученику Новгородъ—Сѣверской гимназіи, въ Новгородъ Сѣверскъ. . . 1 экз.

17. П. А. Кулѣшу въ Варшаву . . . . . 24 экз.

18. Льву Ивановичу Боровиковскому учителю гимназіи въ Полтавѣ . . . . . 1 экз.

17.

1847, лют. 7, Хуторъ Мотроновка.

Сердюковъ, мабудь, не получывъ ще одъ Васъ тыхъ книжокъ, що мыни, зъ Вашей ласкы слидуютъ. Ось ёго адресъ: Петру Яковлевичу Сердюкову въ С.-Петербургъ. Доставить въ Университетъ швейцару, для передачи по адресу. Прошу Васъ довидатысь, чы одослано ёму, що треба.

Орлыка вжеославъ Вамъ. А теперь посылаю эксцентъ зъ правъ Малороссійскихъ. Тутъ есть преважныи речы, для внутреннёго быту украинського. Колы надрукуете, то 20 экземп. отпечатайте для Ник. Дан. Бѣлозерського (бо се его книжка), а 20 для мене, да до его усе й одошлите при малесенькимъ лыстыку. Якъ же не надрукуете, такъ верните ему рукопись. Вона принадлежала генералу Простоквашыну, коменданту Глуховському, за Розумовськаго. Такъ списокъ хорошій, мабудь у Коллегіи написанный.

А Ерлыча не дають, бо тамъ есть протывъ Петра Могылы каверзы, такъ боящця, щобъ не пропустылы друкуючы. А Ляхамъ того то й хочецця, щобъ те було надруковано. А важна штука! Жаль да

ничого робыты! У Кіеви побачусь изъ Грабовскимъ, такъ еще попро бую благаты. Чы Вы можете усе друковать, щобъ ни написано було на попивъ?

Колы послалы листъ на имя Юзефовыча, то одберу у Кіеви, а тутъ ще нема ёго.

Теперъ же до Васъ отъ яка просьба. Пыше панъ Плетневъ, що кн. Шихматовъ звелывъ одправыть на мое имя у Берлинъ листъ «касательно распоряженій департамента, изъ какихъ миссій я могу требовать своего жалованья».

Дакъ теперъ треба мыни дать знать Берлынській мыссіи, щобъ те пысмо выслалы мыни въ Варшаву на имя Петра Никол. Очкина, товарища Министра финансовъ. А я не знаю, якъ пысать (адресъ) у ту миссію, да й чы на имя Секретаря (а якъ ёго зовутъ, чы що, не знаю) чы може якъ инше. Дакъ будьте ласковы напышите листъ одъ мого имени и внизу зробите мій факсимиле: П. Кулѣшъ [1]) да и одправте въ Берлинъ, щобъ выслалы мыни той листъ у Варшаву. А то каже Плетневъ «можетъ выйти непріятное для Васъ недоразумѣніе», якъ та мыссія одрапортуе, що й не бачыла й не чула про такого чоловика. Колы-жъ такъ не можна, то прошу Васъ напысаты мыни адресъ, и одынъ экземпляръ его послать у Кыевъ, на имя Костомарова, а другой у Варшаву на имя Очкина, щобъ я заразъ изпысався зъ Берлыномъ; бо я въ той Берлынъ заразъ не поиду, а поиду у Прагу Чеську, якъ вы мыни пораялы.

Жинка моя Вамъ кланяецця нызенько.

Занотуйте, що одинъ экземпляръ преданій треба послаты у Полтаву Боровыковскому Леву, учителю гимназіи. Одорвать же сей экз. отъ тыхъ, що назначены Н. Д. Бѣлозерскому.

2) Въ рукописи лежать писни, запысанныи Бѣлозерськымъ. Про Йвася Коновченка сама красча. Ище одинъ варіантъ прышлю.

1) Ище въ середыни прыпыска адресу. Дывысь избоку.

3) Адресъ: Помпею Михаиловичу Бѣлозерскому, поручику Е. В. Короля Нидерландскаго гусарскаго полка, для передачи П. А. Кулѣшу. Царства Польскаго въ г. Билы.

---

[1]) А дата нехай хоч таке буде: Варшава 1847, февр. 7.

18.

Шановный и Высокоповажный нашъ
Осипъ Максымовычъ!

Колысь, швендяючи по Вкраини, натрапывъ я на одного дяка та й знайшовъ у ёго старосвицьки бурсацьки псальмы. Посылаю Вамъ ихъ, чы не згодяцця бувае Вамъ воны до друку? Колы-жъ ни, то дарую ихъ у Ваше книгохранилище.

А для того пана, що колысь у Васъ бачывъ у вечери,—забувъ якъ ёго зовуть,—посылаю кусокъ автографу Грабовскаго изъ ёго Literatury i Krytyki.

Завтра вже иду зъ сёго зачарованого куточка! А куточекъ гарный, нема чого сказаты.—Колы чытаты Черну Раду, то напышите. Може, по Вашему, треба яки словця пидправыты. То напышите яки и якъ бы Вы пидправыли, то я може й скажу: «добре, переправте. Я чоловикъ погидливый. А що? чы ще Преданія не друкуюцця?.

Якъ будете пересылать лысты до мене одъ моихъ знакомыхъ, то распечатуйте уси щобъ дурно не платыть висовыхъ за конверты.

Вашъ П. Кушѣшъ рукою властною

1847, февр. 13 Мотроновка.

У Кіеви на рыночку орелъ воду носить,
Ой тамъ козакъ свого пана хорошенько просить:
Пусти мене, пане-атамане, зъ Кіева до дому
Не вручивъ я дивчиноньки своеи ни кому.
„Дай намъ Боже, панове-молодци, недили дождати,
То буду васъ що недили до дому пускати“.
Коли тая, пане-отамане, недилонька буде,
Що на мою дивчыноньку знаходятся люди
(...?)
И дощъ нейде, и хмары нема, а въ синечкахъ слизько:
Одкланявся козакъ дивци у ниженьки низько.
Ой давъ-же винъ одклиного копя вороного;
Вона ему одклиночку—шиту хустиночку:
„Ой на тоби хустиночку уста протырати,
За для славы козацькои сидельце вкрывати.
Ой якъ гляну на сидельце згину свое сердце,
Ой якъ гляну на хустину згадаю дивчину.
Чи не дивчина, чи не рыбчина сю хустину шила:
Вона мини молодому серденько всушила.

(Записавъ у Кіевск. П. Вас. Бѣлозерскій. 1845).

Василь Бѣлозерскій засылае Осипу Максымовичу щирый поклонъ за его безцинны труды для коханой Украины.

19.

1847, февр. 20, Кіевъ.

Отъ же я вже въ Кіеви. Скоро буду и въ Варшави. У Юзефовыча отъ Васъ лысту не знайшовъ, а есть тилько *Лѣтопись Самовидца*. Напышите, що Вы тамъ писалы?

Юзефовычъ казавъ мыни, що Плетневъ писавъ до его про Вашего брата. Не знаю, що то винъ теперъ зробить?

Бачився я и зъ Свыдзинськымъ и уговоривъ его передаты Вамъ Ерлычя. Буде скоро винъ самъ писаты до Васъ. Ще багацько де-чого обицявъ Вамъ прислаты. Я радъ, що Вы оце почнете зъ нымъ лыстоватысь. Винъ такой же библіографъ, якъ и Вы, поздоровъ Васъ Боже!

Вашъ П. Кулѣшъ.

Познакомывсь я зъ молодымъ Рыгельманомъ. Хорошій чоловикъ, хорошій. О *Чтеніяхъ* каже, що вони Судденку послалы зъ Москвы на имя М. Максымовыча, котораго тоди не было въ Кыеви, якъ воны прышлы; а можна про ныхъ довидатысь тилько тоди, якъ Максымовычъ прыйде въ Кыевъ; а колы онъ прыйде, сего нихто не скаже; а самъ винъ хочъ бы и сказавъ, то збреше (се вже одъ себе я прыписавъ).

Станція за Радомысломъ, верстовъ 120 одъ Кіева, 1847, февр. 26

Не послався я Вамъ лысту, дожыдаючись одъ одного землячка пѣсень, которыи тутъ приложены. Теперь же, щобъ знали Вы, що вже въ дорози пышу на станціи, а пошлю може зъ Жытомыра. А гарны варіянты! поцмокаете, якъ прочытаете!

20.

Варшава. 1847, марта 7/19.

Нема одъ Васъ а ни словечка. Будьте ласкавы, пышите, що найшвыдче, чы посылалы вы до мене куды лысты? бо писля того, якъ я писавъ до Васъ, ничого не одобравъ ще зъ Москвы. То вже теперь треба Вамъ про все написаты. Адресъ у Варшаву на мое имя, тилько прыписаты: *Оставить до востребованія въ отдѣленіи zależatych listów.* Ще ни въ кого не бувъ.

Вашъ П. Кулишъ.

Може не розберете, одъ кого. Такъ отъ же: Кулишъ.

21.

Варшава 1847, марта $^{17}/_{29}$

Шановный мій Пане брате
Осипъ Максымовычъ!

Нема та й нема одъ Васъ ни слуху, ни духу. Не буду жъ писаты й я до Васъ ни про що, поки не одберу одъ Васъ листу, щобъ уже Вамъ одвитовагы. А що теперечкы я до Васъ пышу, такъ се ось для чого. Есть тутъ у Варшави одынъ ляхъ Мыкуцькый. Служивъ винъ у москаляхъ, будучы взятый у некруты, да якъ зробылы его черезъ четыры роки офыцеромъ, такъ винъ заразъ и покынувъ службу да й давай учыцця. А вже ему лѣтъ за 30. У славяньскыхъ языкахъ винъ знае сылу, не учыть ихъ, а пыть; изъ такою охотою пережовуе усякый коренець и виточку. Мациовськый его поважае и уповае, що зъ іого выде колысь значный фылологъ. Вже и теперъ винъ посылавъ у Академыю Наукъ одну фылологычну росправу, и Академыя черезъ Плетнева изъявила іому свое благоволенье (шкода, що тилько словамы!) Отъ же цей Мыкуцькый жада докынчаты свою науку у Московському университети подъ Вашымъ руководствомъ, да сердешный, не знае, чы прымуть іого на казенный коштъ; то не сміе одважытысь ыты въ Москву. Якъ же бъ, каже, хто вневнывъ іого, що именно винъ знайде тамъ на казенному кошти прытулокъ, то я бъ, каже, шыкомъ оце по весни пустывся и хочъ знохволя, а добрався бъ до Москвы. Такъ колы маете вы тамъ таку миць щобъ іого въ тому заневныты, такъ пышите, нехай сердега йде до васъ у Москву. Може зъ іого буде якый Юнгманъ або що! тоди вамъ на земли дяка, а въ царствы небесномъ радость.

Изъ щырою прыязню Вашъ П. Кулишъ.

А що преданія? А що Черная Рада? Чы писавъ до Васъ Свидз..? Якъ ни, то я іого понукатыму, бо винъ иде одъ колына Фабія Кунктатора

22.

Добрый мой землякъ и другъ
Осипъ Максимовичъ!

Письмо это вручено Вамъ братомъ моей жены, Викторомъ Михайловичемъ Бѣлозерскимъ. Я уже въ Тулѣ на службѣ, а онъ будетъ ѣхать

черезъ Тулу домой. Прошу Васъ вручить ему Черную Раду для доставленія мнѣ. Да еще одна просьба. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ я долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ «Чтеній», какія до сихъ поръ мнѣ высланы. Если можно, прошу Васъ выслать мнѣ ихъ въ Тулу съ самаго начала и впредь высылать. Я не теряю надежды, что мнѣ опять позволятъ печатать; тогда я Васъ отблагодарю. Увѣдомите меня о всѣхъ запутанностяхъ книжныхъ нашихъ дѣлъ. На мнѣ долженъ быть денежный долгъ, я хочу его очистить. Если у Васъ есть для меня какіе нибудъ книжные гостинцы, Викторъ Михайловичъ мнѣ доставитъ. Даже и самыя Чтенія не худо бы теперь же вручить ему для передачи мнѣ. Да еще просьба. Ваше общество издало недавно драгоцѣнную Книгу Большему Чертежу. Не можете-ли снабдить меня однимъ экземпляромъ? Вообще, сколько можетъ общество дарить мнѣ своихъ изданій, прошу Васъ снабжать меня ими. Я буду ему и Вамъ благодаренъ въ послѣдствіи своимъ сотрудничествомъ и доставленіемъ матеріаловъ. Не пишу Вамъ ни о какихъ посторонникъ обстоятельствахъ: все это вамъ разскажетъ Викторъ Михайловичъ, котораго Вамъ рекомендую, какъ умнаго и добраго человѣка, независимо отъ того, что онъ мой родственникъ.

Вашъ П. Кулѣшъ.

1847, сент. 1. С.-Петерб.

Андр. Павл. Миклашевскій въ канц. Тульскаго Воен. Губ.

23.

Тула, 1847, окт. 7.

Милостивый Государь.
Осипъ Максимовичъ!

Во избѣжаніе всѣхъ засвидѣтельствованій для почтовой конторы, гдѣ меня не знаютъ, я послалъ Вамъ адресъ моего хозяина, оружейника Авинира Яковлевича Салищева-Жучкина, въ Посольской улицѣ, въ собственномъ домѣ, и просилъ Васъ высылать на его имя слѣдующіе мнѣ экземпляры издаваемаго Вами журнала. Теперь меня на почтѣ знаютъ, и Вы можете высылать книги на мое имя. Мнѣ здѣсь очень, очень скучно. Вообразите, что я не имѣлъ возможности до сихъ поръ ни съ кѣмъ познакомиться хоть столько, чтобъ бывать у него въ домѣ. Такъ всѣ или недоступны, или слишкомъ ниже того

образованія, при которомъ знакомство было-бы пріятно, а не тягостно. Жена уѣхала въ Малороссію отдохнуть отъ своихъ горестей, которыя злая наша судьба слишкомъ щедрою рукою посѣяла при самомъ началѣ ея жизненнаго поприща. Я живу одинъ и, не замѣтивъ ни въ комъ изъ моихъ сослуживцевъ той человѣчности, которая понимаетъ состояніе души несчастнаго пришельца и сама подаетъ ему руку,— не замѣтивъ до сихъ поръ ни въ комъ къ себѣ участія и желанія вступить со мною въ пріятельскія отношенія, а напротивъ, видя и чувствуя, какъ всѣ примѣтно устраняются отъ меня, я служу молча и едва знаю, какъ зовутъ по имени правителя канцеляріи. Прочихъ совсѣмъ не знаю, кто они независимо отъ ихъ должностей. Думаю, что это такъ будетъ и во все время пребыванія моего въ Тулѣ. Теперь книги только да бѣдная моя подруга будутъ моими собесѣдниками. Поэтому-то прошу Васъ, добрый Осипъ Максимовичъ, распорядиться, чтобъ мнѣ поскорѣе выслали Вашъ журналъ.

Васъ отъ всей души почитающій П. Кулѣшъ.

Часто хвораю. Здоровье мое сильно разстроено.

24

Декабря 22, 1847, Тула.

Достопочтеннѣйшій и любезнѣйшій Господине мой Осипъ Максимовичъ!

Не писалъ я къ Вамъ по нѣкоторымъ курьезно-непріятнымъ обстоятельствамъ; я считалъ себя похожимъ на зачумленнаго, который не долженъ прикасаться къ тѣмъ, кого любитъ. Теперь же, когда Вы столь радушно ко мнѣ отозвались, я съ истиннымъ удовольствіемъ Вамъ отвѣчаю. И во первыхъ благодарю Васъ за всѣ вообще и за каждую въ особенности книги «Чтеній». Я получилъ ихъ отъ первой и до послѣдней, и въ сладость мнѣ было ихъ чтеніе и перечитываньe. Во вторыхъ, какъ малая частица тѣхъ, для кого вы трудились, приношу Вамъ за себя и за всѣхъ добрыхъ людей, ихъ же люблю воистину, мою душевную благодарность. Въ третьихъ молю Бога, да укрѣпитъ Вашъ духъ и да хранитъ неугасимымъ чистый пламень, горящій на жертвенникѣ души Вашей.

Срезневскій грустно подтвердилъ невыгодное мое о немъ мнѣніе. Не знаю, что съ нимъ и дѣлать. Писать къ нему не хочется, во первыхъ потому, что на него письма дѣйствуютъ только тѣми строками,

которыя затрогиваютъ его самолюбіе, а во вторыхъ потому, что я для людей его сорту теперь совсѣмъ не то, что́ былъ во время оно. Попробуйте еще разъ потребовать у него моею рукою написанныхъ и сообщенныхъ ему для переписки пѣсенъ. Пріятно имѣть дѣло съ литераторами, которымъ не попадайся ничто въ руки!

Я, слава Богу, благоденствую, поколику это возможно въ Тулѣ. О занятіяхъ своихъ не скажу ничего особеннаго. Читаю, учусь,—вотъ и все. Новый губернаторъ, спасибо ему, обратилъ на меня свое милостивое око и хочетъ сдѣлать меня смотрителемъ какой-то больницы. До сихъ поръ я не служилъ безъ всякаго жалованія.

Вопросъ: не знаете ли Вы въ Москвѣ честнаго, знающаго дѣло и притомъ вамъ коротко знакомаго человѣка, къ которому можно-бы обратиться съ просьбою купить и выслать въ Тулу хорошій фортепьянъ для моей старо́й?

Другой вопросъ: Не могу ли я чрезъ Васъ или чрезъ кого нибудь другого выписывать изъ Москвы книги русскія, французскія, нѣмецкія, польскія и англійскія, чтобъ прилагать на пересылку столько, сколько вѣсятъ всѣ вмѣстѣ!.

Третій вопросъ: Что Вы думаете дѣлать съ моими преданіями? и сколько я долженъ выслать вамъ денегъ за бумагу?

Просьба: не можете-ли достать и выслать мнѣ печатнаго объявленія объ иностранныхъ журналахъ, съ означеніемъ цѣнъ и адресовъ, по которымъ можно выписывать. Хочу разширить вокругъ себя узкій Тульскій горизонтъ и на перекоръ судьбѣ стать съ вѣкомъ на равнѣ.

За симъ цѣлую Васъ мысленно. Вашъ П. Кулѣшъ.

Адресъ: просто *въ Тулу*: меня почтари знаютъ.

Сейчасъ познакомился съ однимъ образованнымъ человѣкомъ Шиманскимъ, у котораго есть роспись иностраннымъ журналамъ: итакъ не трудитесь присылать.

25.

1848, янв. 6, Тула.

Драгій мой Господине
Осипъ Максимовичъ!

Благодарю Васъ душевно за новую книжку «Чтеній». Благодарю и за извѣстіе, какъ выписывать книги изъ Москвы. Теперь же позвольте обратиться къ Вамъ вотъ съ какою просьбою. Какъ давній

сожитель Московскихъ ученыхъ людей и какъ человѣкъ, набравшій въ голову себѣ всякаго добра Московскаго и не-Московскаго, Вы должны знать Ивана Грознаго, якъ риднаго батька, и что только о немъ есть гдѣ напечатано, то вы уже давно усе вы́нышпорылы и записали или въ памяти закарбовали. Такъ сдѣлайте милость, добродію, напишите мнѣ, какія книги, кромѣ Курбскаго, который у меня есть, подобаетъ мнѣ выписать, чтобъ узнать Ивана Грознаго по-Вашему. Видите ли вспала ми умъ похоти, у добрый часъ поговорить, а въ лихій помовчать, написать про Ивана Грознаго романъ, а перше романа исторію. Я іого не ненавижу по-Карамзинскн, а жалѣю о немъ, и винъ у мене у души сыдыть изъ своими крутыми норовами и гарячымъ серцемъ. Охъ, лышечко! оце жъ я не встеригся, та й почавъ по своіому урядъ пысаты. Ще довидаются старшы́и, то бытымуть. Ну да вже-симъ бидъ, а одынъ одвитъ! Да ще поименуйте такіи книжки, по которымъ бы я взнавъ такъ добре Москву якъ Кіевъ. Да ище и цина яка тымъ книжкамъ, той и того не забудте. А письни вже я якъ-небудь выцапаю у Срезневськаго, и колы будете пичатать, то не друкуйте мого гришнаго именья и К. не друкуйте, а выдавайте писни подъ своимъ власнымъ призвыщемъ. А що К. не буде на Васъ за се сердицця, то я порука: не ищеть бо винъ суетной славищи, а тилько пользы душевной добрымъ людемъ. Колыжъ хочете то поставте пидъ моими письнями П. К. а пидъ его Н. К. Зъ насъ и сего буде.

Вашъ П. Кулишъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ[1].

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

XXIII.

Четыре года пролетѣли надъ Субботовымъ, какъ четыре дня. Съ богомолья Ганна вернулась совсѣмъ другимъ, обновленнымъ человѣкомъ. Ни тѣни былыхъ колебаній и тревожныхъ сомнѣній не ощущала она въ своей душѣ; она снова была сильна и крѣпка, и горѣла попрежнему одною страстною и чистою любовью къ отчизнѣ, какъ зажженная въ грозу и ненастье страстная свѣча.

Уговоривъ Ганну взять съ собой его козаковъ, коротко простился съ ней Богунъ и бросился въ глубь Украйны, да такъ и пропалъ безъ вѣсти. Изрѣдка доносились смутные слухи о какихъ-то смѣлыхъ набѣгахъ, при чемъ упоминалось и его имя; но никто не зналъ навѣрное, въ какую степь, въ какой боръ бросился развѣвать свое горе удалой казакъ.

Вскорѣ по возвращеніи Ганны въ Субботовъ прискакалъ къ ней гонецъ изъ Каменца съ письмомъ отъ Богдана, въ которомъ тотъ извѣщалъ ее о своемъ новомъ назначеніи отъ короля. Вмѣстѣ съ письмомъ къ Ганнѣ было письмо и къ Золотаренкѣ. Смутными и неясными выраженіями намекалъ Богданъ послѣднему о расположеніи короля къ козакамъ, о желаніи его опереться на нихъ, въ случаѣ какого либо государственнаго переворота, сообщалъ о томъ, что ему предстоитъ какая-то важная и тайная поѣздка, и просилъ Золотаренка употребить все свое вліяніе на старшинъ, чтобы удержать казаковъ отъ возстанія и подождать его возвращенія, потому что съ нимъ связаны великія, но скрытыя дѣла. И дѣйствительно, слухъ-ли о письмѣ Богдана, или истощеніе, наступившее послѣ бур-

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г. № 9.

наго возстанія и неудачнаго похода, или новые „утиски“ панскіе, медленно надвигающіеся и охватывающіе всю Украйну, такъ пригнетили народъ, но только вся Украйна зловѣще затихла и занѣмѣла въ сдержанномъ молчаніи, какъ затихаетъ все въ природѣ въ послѣднюю минуту передъ ужасной грозой: какое-то томленіе, какое-то удушье чувствовалось всѣми.

Въ письмѣ къ Ганнѣ стояла еще приписка про Олексу Морозенка... „Любый хлопецъ, писалъ Богданъ,—пропалъ безъ вѣсти въ Днѣпровскомъ Лиманѣ; утонуть-то онъ не могъ,—ему и весь Лиманъ переплыть не въ диковину,—а вѣроятно взятъ татарами въ плѣнъ... Такъ пусть твой братъ, или Ганджа пошлетъ развѣдчиковъ въ татарскіе города и мѣстечки: ничего не пожалѣю для выкупа... мнѣ жаль хлопца, какъ сына роднаго“.

Это извѣстіе повергло всю семью Богданову въ „тугу“: всѣ любили добраго, привязаннаго, даровитаго хлопца, какъ члена семьи—и паны, и дворня, и хуторяне, всякому онъ памятенъ былъ то услугой, то лаской, то веселымъ отзывчивымъ нравомъ. Пани Хмельницкая побивалась за нимъ, какъ бы за Тимкомъ, или за Андрійкомъ; Ганна вмѣстѣ съ нею плакала безутѣшно. Дивчата за своимъ любимцемъ рыдали на взрыдъ, но особенно потрясена была глубокимъ, недѣтскимъ горемъ Оксана: она ломала свои рученки, въ изступленіи билась о полъ головой и, захлебываясь неудержимыми потоками слезъ, повторяла одну только фразу: „никого у меня теперь нѣтъ, никого!“ Кончилось тѣмъ, что дѣвочка таки заболѣла отъ непосильной тоски. Много хлопотъ стоило и бабѣ, и Ганнѣ, пока подняли ее съ постели; два раза посылали въ Чигиринъ даже по знахарку, такъ она было разнедужилась въ огневицѣ. Когда-же Оксана наконецъ встала, то въ блѣдномъ и печальномъ личикѣ ея, съ огромными, черными глазами, никто не могъ и узнать прежней румяной, какъ яблочко, вертлявой, какъ волчокъ, звенящей, какъ колокольчикъ, дѣточки... Оксана стала тиха и задумчива, мало принимала участія въ дѣтскихъ играхъ, а больше всего—или молча сидѣла за работой, или тихо разговаривала съ Ганной про Олексу, или вмѣстѣ съ нею молилась о немъ...

Ганджа и Золотаренко справлялись и на запорожьѣ, и въ Очаковѣ, и въ Кафѣ, и въ Бахчисараѣ, но нигдѣ никакихъ извѣстій о запропавшемъ Олексѣ не нашли,—словно о немъ и слѣдъ простылъ, такъ что Ганна отслужила уже было тайно о погибшемъ панахиду.

Золотаренко часто наѣзжалъ въ Субботовъ навѣщать семью Богдана, но, видя, что тотъ такъ долго не возвращается и извѣстія о немъ, изрѣдка получаемыя, носятъ самый неопредѣленный характеръ, переселился и совсѣмъ туда, посѣщая свое Золотарево только изрѣдка. Заѣзжали иногда въ Субботовъ и нѣкоторые изъ старшинъ,

поразспросить, поразвѣдать что-либо о Богданѣ или объ общихъ интересахъ, да такъ и уѣзжали, не узнавъ ничего опредѣленнаго. Иные, впрочемъ, какъ Нечай и Чарнота, потерявъ терпѣніе ждать чего-то необычайнаго, стремились съ бурною рѣшимостью начать хоть что-либо малое на свой страхъ; но трудно было поднять теперь уныло затихшій народъ...

Другіе-же, какъ Бурлій и Пешта, спѣшили алчно оклеветать Богдана, а самимъ подыграться къ властно воцарявшейся въ краю шляхтѣ. Вообще-же жизнь въ Субботовѣ шла тихо и мирно, не возмущаемая никакими внѣшними событіями. Ганна хлопотала съ хуторянами, что заселили въ послѣднее время весь лѣвый берегъ Тясмина длиннымъ поселкомъ, а теперь уже въ балкѣ за лѣсомъ выростали, какъ грибы, новые хатки и хутора. Дѣвочки росли дружно. Катря и Оксана совсѣмъ сошлись и сдѣлались закадычными пріятельницами; одна только маленькая Оленка все еще держалась за Ганнину „спидныцю“.

Къ концу года полеглось горе въ юномъ сердцѣ Оксаны: молодость взяла таки свое: ея сердечную утрату смягчила нѣсколько горячая привязанность къ ней Катри, на которую она отозвалась всѣми струнами своего сиротливаго сердца. Каждый разъ на лицѣ Ганны появлялась теплая улыбка, когда вечеромъ, проходя по свѣтлицѣ, она замѣчала молоденькихъ дѣвочекъ, забившихся въ уголъ. Онѣ иногда о чемъ-то шептались, съ лукавыми личиками и загоравшимися глазками, обрывая, при появленьи Ганны, рѣчь, а иногда Катря нѣжно ласкала и утѣшала, „розважала“ Оксану: въ этихъ головкахъ зарождалисьуже свои интересы, свои секреты, свои радости и печали... Звонкій смѣхъ Катри раздавался то здѣсь, то тамъ и разгонялъ сумрачную тишину Субботовскаго дома; на второй годъ сталъ къ нему присоединяться хоть изрѣдка и смѣхъ Оксаны.

Тимко быстро росъ и крѣпчалъ. Онъ обѣщалъ быть коренастымъ и крѣпкимъ козакомъ. Лицо его, слегка тронутое оспой, нельзя было назвать красивымъ, но съ годами оно начинало принимать все болѣе и болѣе нѣкоторую своеобразную прелесть дикаго и необузданнаго характера. Онъ напоминалъ молоденькаго необъѣзженнаго коня съ густою гривой, гордо поставленною шеей, коротким немного тупымъ носомъ и глазами вѣчно полными строптиваго огня. Ученье его съ профессоромъ-дьякомъ подвигалось весьма туго, за то за уроками Золотаренки и Ганджи Тимко забывалъ цѣлый міръ. Вскочивши на невыѣзженнаго жеребца, онъ мчался на немъ, сломя голову, по степи, и возвращался домой такой-же неукротимый и горячій, какъ и дикій, взмыленный конь. Андрійко учился вмѣстѣ съ нимъ тоже всѣмъ военнымъ „экзерциціямъ“, одинъ лишь боль-

ной и хиленькій Юрась жался все около матери, выпрашивая у бабы гостинцы, или взбирался на колѣни къ Ганнѣ и просилъ ее разсказать ему „гарную“ сказочку. Когда-же свѣтлая головка мальчика склонялась разскащицѣ на грудь, и сказка тихо прерывалась, не дошедши до конца, передъ глазами Ганны тихо всплывали какими-то смутными тягучими прядями отрывки старыхъ воспоминаній, и казалось все это Ганнѣ такимъ чуждымъ и далекимъ, и каждый разъ она застывала на одномъ и томъ же вопросѣ: неужели все это пережила и перечувствовала она?...

Къ концу второго года, осенью, въ Филиповку уже, былъ переполошенъ Субботовскій дворъ. Позднимъ вечеромъ раздался сильный стукъ въ браму и воротарь не могъ добиться отъ ломившагося въ ворота, кто онъ? Это возбудило подозрѣнье въ дѣдѣ; онъ послалъ за Ганджой и сообщилъ ему, что какой-то татаринъ,—хотя и темно, а онъ этихъ чертей узнаетъ и „поночи“,—торгаетъ и бьетъ рукояткой сабли въ ворота.

— Да онъ одинъ, или за нимъ стая?—спросилъ, зѣвая и не совсѣмъ еще отрѣшившись отъ сладкаго сна, Ганджа.

— А кто ихъ разберетъ... може за нимъ и „зграя“.

— Э, полно, дали-бы знать „огнищами“ по всей Украйнѣ, коли бъ прорвался сюда какой-либо загонъ „голомозыхъ“... Отворяйте браму смѣло, а я вотъ наготовлю для привѣта кривулю.

Звякнули болты, заскрипѣли ворота; какая-то стройная фигура ворвалась въ отверстіе и бросилась опрометью на дѣда, заключая его въ крѣпкія, порывистыя объятія.

— Что за сатана? Кто ты?—отбивался отъ татарина дѣдъ, желая заглянуть ему прямо въ глаза. Но татаринъ увернулся, и оставивши дѣда, бросился съ объятіями къ Ганджѣ.

— „Силяй айлекимъ якши“!—пробормоталъ оторопѣлый Ганджа,—только какъ тебя величать, пріятель, изъ какой ты орды?

— Да Олексой величать! Илъ не узнали?—отвѣтилъ наконецъ звонкимъ, радостнымъ голосомъ татарчукъ.

— Олексой! Морозенкомъ?—вскрикнули изумленные до суевѣрнаго ужаса дѣдъ и Ганджа, и въ свою очередь бросились обнимать оплаканнаго было мертвеца.

Вѣсть о воскресшемъ и прибывшемъ Олексѣ молніей облетѣла всю челядь: казаки, парубки, молодицы и старухи выскочили къ брамѣ и подняли восторженный гвалтъ. Разросшійся во дворѣ шумъ, перемѣшанный съ криками изумленія, радостными привѣтствіями, взрывами смѣха, всполошилъ наконецъ и хозяекъ дома. Первая проснулась пани, страдавшая и безъ того безсонницей, разбудила бабу и послала за Ганной. Выскочила Ганна на „ганокъ“, увидѣла,

что у воротъ копошился народъ, и замерла, взволнованная радостнымъ и тервожнымъ предчувствіемъ. Не дядько-ли? Не господарь-ли нашъ?—блеснуло въ умѣ Ганны, и отъ одной этой мысли затрепетало такъ ея сердце, что она инстинктивно прижала руку къ груди... Она впрочемъ не сразу могла узнать, кто пріѣхалъ: Морозенко переходилъ изъ объятій въ объятіи и не могъ протиснуться скоро къ „будынку“.

Наконецъ Олекса вырвался изъ объятій и быстро взбѣжалъ на „ганокъ“. При свѣтѣ вынесенныхъ на крыльцо „каганцевъ“ и свѣчей, Ганна увидала какого-то молодого татарина, быстро бѣгущаго къ ней.

— Кто это, что такое?—вскрикнула она, невольно отступая.—Я, я, Олекса, панно Ганно,—раздался знакомый голосъ, и Ганна не успѣла опомниться, какъ очутилась въ крѣпкихъ объятіяхъ молодого хлопца.

— Ты-ты?.. Откуда, какимъ образомъ?—повторяла Ганна, всматриваясь въ лице Олексы. Все разскажу... Господь спасъ... а Оксана?—Но Олекса не докончилъ своего вопроса: двери въ эту минуту распахнулись настежъ и какая-то маленькая фигура съ босыми ногами и наскоро наброшенной юпченкой, съ громкимъ крикомъ—Олекса! бросилась къ нему на шею.

— Оксана, Оксаночка, дивченко моя! Ты босая, раздѣтая повторялъ Олекса, цѣлуя ее и прижимая къ себѣ вздрагивающее отъ рыданій тѣльце дѣвочки; но Оксана ничего не слыхала, охвативши его шею руками; она повторяла сквозь слезы только одно слово: любый... любый... любый... хорошій мой... мой!

— Всѣ были тронуты этой радостной встрѣчей сиротливыхъ дѣтей. Наконецъ Оксану удалось увести въ комнату; за нею вошелъ Олекса и всѣ остальные. До самаго разсвѣта никто не ложился спать въ Субботовскомъ домѣ. Въ печи развели огонь, принесли ѣду и питье; Оксана не отступала ни на одну минуту отъ Олексы; сжавши его руку въ своей рукѣ, она повторяла потихоньку съ дѣтской улыбкой:—Ахметка, Ахметка; ты теперь настоящій Ахметка.—И Олекса ласково улыбался дивчинкѣ, гладя ее по черной кудрявой головкѣ. Дѣйствительно, въ этомъ татарскомъ нарядѣ онъ былъ до того похожъ на татарченка, что никто бы даже изъ своихъ не узналъ въ немъ козака. Когда наконецъ измученный и полузамерзшій Олекса подкрѣпился и отогрѣлся, всѣ окружили его и стали слушать его разсказъ о томъ, какъ онъ спасся изъ турецкой неволи.

— Дѣло было вотъ какъ, панове,—говорилъ Олекса, подсовываясь къ огню:—когда гетманъ послалъ меня на развѣдки, я усталъ крѣпко, причалилъ „човенъ“, да и заснулъ. Да такъ вѣдь крѣпко заснулъ, что и не слыхалъ какъ лодку отчалило отъ берега, какъ растерялись мои весла... словомъ, самъ виноватъ, но вышло

такъ, что вмѣсто, осетра, я со своимъ челномъ попалъ въ татарскія сѣти.

— Ну, да и розумный-же ты, хлопче, ей Богу,—улыбнулся широкой улыбкой Ганджа, похлопывая Морозенка ладонью по спинѣ,— и какъ это только они изъ тебя, раба Божьяго, не наварили доброй „юшки“?

— То-то и дѣло, что едва Господь спасъ!—усмѣхнулся и самъ Олекса.—Разсердились они на меня здорово, сперва за то, что я имъ сѣти порвалъ, а потомъ, какъ увидали на мнѣ крестъ, да узнали, что козаки прорвались ночью въ Черное море, такъ и совсѣмъ мнѣ круто пришлось. Порѣшили всѣ, что я „шпигъ“ и что меня надо повѣсить, либо посадить на колъ, да и баста. Ужъ я и божился, и увѣрялъ ихъ въ томъ, что я природный татаринъ, что меня насильно крестили, что я отъ козаковъ изъ неволи къ нимъ и бѣжалъ— никто мнѣ не вѣрилъ; даромъ что я и по-татарски съ ними говорилъ—не вѣрятъ, повѣсить да и конецъ! Наконецъ таки зглянулся надо мной Господь, нашелся одинъ старый татаринъ, признался въ томъ, что зналъ моего отца: тогда порѣшили оставить меня въ живыхъ; но такъ, какъ мнѣ никто не вѣрилъ, то меня заковали по рукамъ и ногамъ, да такъ и гоняли съ другими плѣнниками на работы. Цѣлый годъ старался я добиться у надсмотрщика ласки, работалъ за трехъ, съ плѣнниками не говорилъ, держался природнымъ татариномъ,—ну и стали ко мнѣ мои хозяева поласковѣе, на другой годъ позволили руки расковать. Такъ прошло еще съ полъ года, а на седьмой мѣсяцъ, темной ночью роспилилъ я свои „кандалы“, взялъ у хозяевъ за свою вѣрную службу—поясъ съ дукатами, хлѣбъ, кожухъ, добраго коня, да и былъ таковъ!

— Эхъ молодецъ, ей Богу молодецъ!—вскрикнулъ шумно Ганджа,—будутъ изъ тебя люди!

— Только не думайте, что мнѣ это такъ легко удалось,—продолжалъ Олекса,—ге-ге! Сколько разъ уже я думалъ Богу душу отдавать! Зима, морозъ лютый, волки, звѣрье всякое, степь какъ море, а я весь тутъ, только и удалось одинъ ножъ съ собой захватить.

— Ну, ну говори, все говори!—подхватили окружающіе.

До самаго свѣта разсказывалъ Олекса о всѣхъ тѣхъ ужасныхъ приключеніяхъ, которыя ему пришлось перенести въ пути. Нѣсколько разъ принималась всхлипывать Оксана, слушая о страшныхъ случаяхъ, что грозили смертью ея любому Олексѣ. Находчивость и смѣлость хлопца приводили всѣхъ окружающихъ въ шумный восторгъ. Наконецъ, уже только свѣтомъ всѣ разошлись по своимъ угламъ.

Позднимъ утромъ вышли дивчатка въ общую свѣтлицу. На дворѣ стоялъ яркій зимній день; морозныя окна сверкали; въ печи трещалъ огонекъ; на столѣ уже былъ приготовленъ „снеданокъ“.

Оксана взглянула на Олексу и изумилась: передъ ней былъ не оборванный, промерзлый татарченокъ, а молодой статный козачекъ, съ густымъ пухомъ надъ верхней губой. Олекса подошелъ и поцѣловалъ Оксану, но сегодня Оксанѣ сдѣлалось почему-то неловко отъ этого поцѣлуя; костюмъ-ли такъ измѣнилъ Олексу, или причиной этому былъ густой пушекъ надъ губой козака, который она только теперь замѣтила,—но Оксана вся вспыхнула и опустила глаза...

Такъ пролетѣлъ незамѣтно цѣлый мѣсяцъ, а за нимъ и другой. Олекса разсказывалъ постоянно Катрѣ и Оксанѣ о всемъ пережитомъ имъ въ плѣну, объ Оксаниномъ отцѣ, котораго онъ нашелъ въ Сѣчи, о томъ, какъ они приготовлялись къ морскому походу... Дѣти были неразлучны, но несмотря на всю ихъ взаимную любовь и привязанность, между ними не было той безразличной дѣтской откровенности, которая была въ то время, когда Олекса возилъ Оксанкѣ вкусные гостинцы въ бѣдную хатку дьяка. Причиной всему былъ этотъ темный пушекъ надъ его губою, который смущалъ Оксану и дѣлалъ Олексу похожимъ на взрослаго козака.

Дни летѣли такъ незамѣтно, какъ только могутъ летѣть самые счастливые, беззаботные юные дни. Однако къ началу весны Олекса становился все озабоченнѣе и озабоченнѣе, и наконецъ объявилъ Оксанѣ, что такъ какъ неизвѣстно, когда вернется батько Богданъ, то Ганджа и Золоторенко совѣтуютъ ему ѣхать на Запорожье и приписаться къ какому-либо куреню, чтобы научиться козаковать. Оксана была страшно опечалена этимъ извѣстіемъ, только постыдилась уже, какъ прежде, излить тутъ-же сейчасъ при Олексѣ свое горе въ слезахъ; она только заморгала усиленно вѣками и спросила Олексу дрожащимъ голосомъ:—и ты поѣдешь?

— Что жъ дѣлать, Оксаночка, надо ѣхать! Не ходить же мнѣ за плугомъ, вѣдь я козакъ,—отвѣтилъ Олекса и хотѣлъ было поцѣловать Оксану, но она вырвалось отъ него и юркнула изъ комнаты. Цѣлый день искалъ Олекса встрѣчи съ Оксаной, но Оксана умышленно избѣгала его; только поздно вечеромъ, встрѣтивши Олексу въ сѣняхъ, она быстро подбѣжала къ хлопцу и сунувши ему въ руки какой-то предметъ, прошептала:—не снимай никогда, никогда: если ты умрешь—я умру.—Олекса раскрылъ свою руку, въ ней лежала надѣтая на шнурочекъ ладонка.—Любая моя,—прошепталъ Олекса, подымая голову, и хотѣлъ было поцѣловать Оксану, но дивчынки уже не было въ сѣняхъ.

Черезъ нѣсколько дней Олекса уѣхалъ. Сборы были недолгіе. Какъ не крѣпилась Оксана, но при прощаньи разразилась горькими слезами и снова повисла на шеѣ у Олексы, какъ и въ прежній разъ. Олекса тоже готовъ былъ расплакаться и, если-бы при этомъ про-

щаньи не случился Ганджа, передъ которымъ Олекса хотѣлъ уже показать себя козакомъ, онъ не поручился бы за себя.

Олекса уѣхалъ; въ Субботовскомъ домѣ стало снова тихо, дѣвочки еще чаще стали забиваться въ уголокъ и шептаться о чемъ-то между собой...

Въ началѣ третьяго года вернулся въ Субботовъ Богданъ. Первые дни промчались въ шумной радости и обоюдныхъ разспросахъ. Богданъ мало чѣмъ измѣнился, только движенія его сдѣлались элегантнѣе, сдержаннѣе, а выраженіе лица болѣе замкнутымъ. Пріѣхалъ онъ бодрый и энергичный, полный блестящихъ надеждъ. Въ разговорахъ съ Золотаренкомъ Богданъ сообщилъ о своихъ успѣшныхъ хлопотахъ при иностранныхъ дворахъ, особенно при Венеціанскомъ, о томъ, что многое поручено ему и что въ будущемъ готовятся великія событія. Впрочемъ, всѣ эти извѣстія Богданъ передалъ Золотаренкѣ съ глазу на глазъ, обязавъ его хранить все въ глубокой тайнѣ. Вѣсть о возвращеніи Богдана быстро облетѣла окрестность. Всѣ наперерывъ старались повидаться съ паномъ-сотникомъ, такъ долго и безвѣстно пропадавшимъ. Начались пышные пріемы, кутежи и попойки. Благодаря письмамъ Оссолинскаго, Богданъ сейчасъ по возвращеніи получилъ снова въ управленіе свою сотню, но дѣла службы мало занимали теперь пана сотника; съ какою-то непонятною страстью предавался онъ всѣмъ развлеченіямъ, стараясь прослыть непобѣдимымъ „запіякой“ на пирахъ, словно желалъ своимъ новымъ поведеніемъ замаскировать старыя связи и новую, скрытую роль. И дѣйствительно, вся окрестная шляхта, какъ русская, такъ и польская, наперерывъ зазывала къ себѣ симпатичнаго весельчака пана сотника, который сдѣлался теперь самою популярною личностью. Дома-же онъ бывалъ очень рѣдко; съ Ганной хотя и былъ ласковъ попрежнему, однако, несмотря на это, она чуткимъ женскимъ сердцемъ замѣчала въ Богданѣ непонятную еще ей самой перемѣну. Да, съ нею онъ былъ ласковъ попрежнему, но никогда уже не говорилъ онъ такъ тепло и открыто, какъ въ старое, доброе время; его разговоръ становился теперь и затемненнымъ, и уклончивымъ, да и вообще Ганна замѣтила, что онъ избѣгаетъ разговоровъ съ ней, касающихся его плановъ и положенія страны. Иногда впрочемъ Богдана охватывала какая-то мучительная тревога. Простившись съ Марылькою, онъ первое время часто вспоминалъ о ней съ болью и тоской. Его мучила неизвѣстность судьбы маленькой красавицы, оставленной имъ чужимъ людямъ. Часто справляясь онъ о ней въ своихъ письмахъ, но не получалъ на эти вопросы никакого отвѣта. Сначала эта неизвѣстность мучила его сердце, но вѣчные переѣзды, хлопоты, тонкія и опасныя политическія порученія, жизнь

при иностранныхъ дворахъ,—все это невольно отвлекало его вниманіе. Наконецъ, замѣтивши, что Оссолинскій умышленно въ своихъ письмахъ избѣгаетъ всякихъ частныхъ вопросовъ, Богданъ рѣшилъ, что и ему неудобно справляться о судьбѣ Марыльки и пересталъ упоминать о ней, и мало-по-малу образъ молодой красавицы какъ бы совсѣмъ исчезнулъ изъ сердца козака. Поджидая теперь гонца отъ Оссолинскаго, онъ и не вспоминалъ о ней: онъ весь былъ охваченъ какими-то великими, но тайными надеждами и, желая убить томительное время ожиданья, искалъ все новыхъ и новыхъ знакомствъ, пируя цѣлыми недѣлями, почти забывая о семьѣ. Когда же онъ бывалъ въ Субботовѣ, то предавался больше интересамъ хозяйства; то сидѣлъ въ млынахъ, или устраивалъ сукновальни, то пропадалъ въ лѣсу, наблюдая за новыми постройками, то вмѣстѣ съ „майстромъ“ Шаповаломъ сооружалъ на манеръ иноземныхъ, диковинный „витрякъ“ о четырехъ крыльяхъ, то охотился со своимъ сыномъ Тимкомъ, то по цѣлымъ днямъ пропадалъ въ пасѣкахъ.

Въ безоблачные, жаркіе дни любилъ онъ лежать въ тѣни на шелковистой травѣ или на мягкомъ коврѣ, слѣдя за пѣвучимъ полетомъ пчелъ, попивая холодное пиво или наливку. Здѣсь онъ предавался своимъ думамъ, затѣвалъ новые планы, обдумывалъ прошлыя предпріятія.

— О чемъ все, пане господаре, думу гадаешь?—спроситъ, бывало, подсѣвши къ нему дѣдъ.

— Да не поймаешь, дѣду, и думъ,—отвѣтитъ словно разбуженный Богданъ,—разлетѣлись по всѣмъ концамъ нашей Украйны...

— Охъ, и широкіе то концы,—закиваетъ уныло сѣдою головою дѣдъ,—да толку мало... Что наши-то „поробляютъ“?

— А что, гудутъ по ульямъ!

— Гудутъ! А роевъ не пускаютъ,—буркнетъ съ досадою дѣдъ, почесавъ свою сѣдую голову.

— Еще не вызрѣли,—улыбается Богданъ.—Придетъ часъ-пора, запоетъ, зазвонитъ крыльями матка, и вылетятъ съ шумомъ на яркое солнце безчисленные рои...

— Дай-то Боже!—вздохнетъ дѣдъ.

Такъ прошелъ годъ.

Чѣмъ дальше тянулось время, тѣмъ все тревожнѣе поджидалъ Богданъ какихъ-то гонцовъ изъ Варшавы. Каждое утро онъ встрѣчалъ Ганну однимъ и тѣмъ же вопросомъ: „А что, не прибылъ ли кто ночью“? Но вотъ уже годъ былъ на исходѣ съ тѣхъ поръ, какъ вернулся Богданъ, а ни гонцы, ни вѣсти изъ Варшавы не доходили до Субботова.

Шумное энергичное настроеніе начинало мало-по-малу покидать Богдана, мѣсто его занимало молчаливое и сдержанное недовольство.

Такъ начался и второй годъ.

Стояло знойное, душное лѣто. Уже около мѣсяца земля не получала дождя. Вялыя, пыльныя деревья опустили свои полумертвые листья. На поляхъ почти сожженные солнцемъ хлѣба не подымали своихъ колосковъ. Каждый вечеръ на горизонтѣ показывались смутные края отдаленныхъ тучъ; но утромъ яркое и жаркое солнце снова подымалось на сухомъ, безоблачномъ небосклонѣ.

Въ небольшой верхней горенкѣ субботовскаго дома сидѣли у раскрытаго окна, склонившись надъ большою книгой, двѣ женскія фигуры. Одна изъ нихъ была постарше и указывала той, которая была помоложе.

— Э, Оксано,—обратилась укоризненно старшая, покачивая головой,—ты сегодня „разлодарнычалась“—и въ книгу смотришь, и словно не видишь.

Смуглое личико молоденькой дѣвочки покрылось густымъ румянцемъ.

— Душно, панна Ганна,—отвѣтила она, не подымая глазъ.

— Ахъ ты-жъ, „лодарка“, а мнѣ развѣ не душно?—ласково улыбнулась Ганна, дотрогиваясь до черныхъ, какъ смоль, волосъ Оксаны.

— То панна, а то я.

— Ну, такъ что-жъ, что то я, а то ты?

Дѣвочка хотѣла было что-то отвѣтить, но вдругъ схватилась съ мѣста и, обвивши шею Ганны руками, начала быстро шептать ей на ухо: „потому что панна добрая, хорошая, гарная, любая, а я лодарка поганая, неслухьяная“.

— Ну, ну, годи, дивчыно!—перебила ее съ ласковою усмѣшкой Ганна, подымая съ лица дѣвочки изъ синя-черные завитки волосъ, изъ подъ которыхъ на нее глянуло смуглое, молоденькое личико съ черными глазами на синихъ бѣлкахъ и бѣлыми, блестящими зубками,—а можетъ ты и совсѣмъ не хочешь псалтыря читать?—заглянула она ей въ глаза.

— Хочу, хочу!—вскрикнула молоденькая „дивчынка“, снова обвивая руками шею Ганны.—Это только что лѣтомъ душно... а зимою, правда-жъ, панна Ганна, я лучше читала, правда-жъ лучше?

— Правда, правда.

— Съ меня „онде“ и всѣ „дивчата“ смѣются,—продолжала Оксана, не подымая глазъ,—говорятъ, что я для того учусь псалтырь читать, чтобы выйти замужъ за стараго пономаря и помогать ему на клиросѣ.

— А ты за стараго пономаря не хочешь?

— Ну-у!—провела Оксана широкимъ шитымъ рукавомъ сорочки по своему лицу.—За пономаря, да еще за стараго?—глянули лукаво изъ-за рукава ея глазенки.—Ни за что!

— А за кого-жъ ты хочешь?

Смуглое личико снова вспыхнуло.

— Отъ еще выдумали... ни за кого!—послышалось смущенно изъ-за рукава.

— Ну, добре, добре! А можетъ покуда еще почитаемъ немножко, вотъ хоть до этой каѳизмы?

Оксана быстро вскочила на ноги и усѣлась снова за книгой. Въ комнатѣ послышалось монотонное чтеніе славянскихъ словъ по слогамъ.

— А сегодня будетъ дождь... Вонъ какіе на небѣ „баранцы!“—замѣтила вдругъ Оксана, обрывая сразу чтеніе и высовываясь въ окно.

— Дай Господи!—Ганна взглянула въ ту сторону, куда показывала Оксана и гдѣ дѣйствительно словно выплывали изъ-за горизонта волнистою грядой облака.

Двери скрипнули, и въ комнату вбѣжала молоденькая дѣвушка, повидимому, годомъ или двумя старше Оксаны. У ней были мягкіе русые волосы, каріе глаза и хотя она была одѣта такъ-же, какъ Оксана, въ плахту, въ шитую сорочку и черевики съ мѣдными подковками, но тогда, какъ личико той носило какую-то своеобразную прелесть дикаго полеваго цвѣтка, въ наружности вошедшей былъ видѣнъ нѣкоторый оттѣнокъ шляхетности.

— Ганна, Оксана! Годи вамъ читать!—крикнула она весело съ порога.—Идите внизъ, во дворъ, тамъ тато съ Тимкомъ и съ козаками „герцъ“ устроили... Изъ „сагайдака“ стрѣляютъ, бьются на шаблюкахъ, скорѣй!

Не поджидая разрѣшенія Ганны, быстро сорвалась Оксана съ мѣста и бросилась къ вошедшей дѣвушкѣ. Вслѣдъ за ними спустилась и Ганна.

На широкомъ дворищѣ субботовскаго дома раздавались веселые возгласы и крики. Все мужское населеніе хуторка столпилось вокругъ небольшой группы, собравшейся въ концѣ двора. Оксана и Катря протолпились въ самый передъ. Среди широкаго круга разступившихся людей стоялъ съ обнаженною саблей Ганджа, а рядомъ съ нимъ и Золотаренко; оба тяжело дышали послѣ молодецкой схватки на саблякъ.

— Эхъ, были съ насъ люди!—махнулъ рукою Золотаренко,—а теперь отъ этой бабской жизни „отпасся“ совсѣмъ.

— А я, батьку, такъ застоялся,—улыбнулся широкою улыбкой Ганджа, оскаливая свои бѣлые волчьи зубы,—словно „барскій“ конь на конюшнѣ, такъ скажу тебѣ, кабы мнѣ теперь этихъ недолюдковъ штукъ пять, десять на руку—на „локшину“ бы покрошилъ... А ну, Тимошъ, подымай саблю, выходи на „герцъ!“—подмигнулъ онъ головой молодому хлопчику.—Покажемъ батьку, что у насъ и безъ него не даромъ время ушло!

Сжавши брови и едва преодолѣвая охватившее его смущеніе, выступилъ на средину круга въ одеждѣ для фехтованья Тимошъ.

— Да ну ихъ къ чортовому дядьку, эти панскія таци-цяци!—крикнулъ Ганджа, отстегивая ремни у латъ, и бросилъ ихъ съ силою на земь.—Только мѣшаютъ доброму козаку вольною грудью вздохнуть!—Ганджа широко распахнулъ воротъ своей сорочки и обнажилъ бронзовую мохнатую грудь.—Становись противъ меня, хлопче, да держись, не то разрублю!

А Тимко уже стоялъ съ обнаженною саблей въ рукахъ, закусивши губу и сверкая темными глазами изъ-подъ черныхъ бровей.

Сабля упала на саблю.

— Ой, Тимко, Тимко!—закричалъ со страхомъ Юрась, увидѣвъ, что сабля Ганджи засверкала надъ головой Тимка.

— Соромъ, Юрасю, развѣ ты не козакъ?—остановила его строго Ганна и взяла крѣпко за руку; мальчикъ замолчалъ, зажмуривая каждый разъ глаза, когда сабля Ганджи подымалась надъ Тимкомъ.

— Ловко, хлопче, ловко!—весело одобрилъ Тимка Ганджа, когда Тимку удалось дотронуться саблей до его руки.—Вотъ выучилъ себѣ на голову! Ну, подожди-жь ты у насъ! Мы тебѣ перцу, мы тебѣ съ макомъ, мы тебѣ и съ хрѣномъ!—приговаривалъ онъ, нападая то съ той, то съ другой стороны на хлопца; но Тимко, чувствуя на себѣ всеобщіе взгляды и взглядъ отца, казалось весь превратился во вниманіе и отбивалъ удачно всѣ удары.

— Славно, сынку, славно!—поддерживалъ сына Богданъ,—нападай на него, на вражьяго сына, смѣлѣй, смѣлѣй! Вотъ сюда съ лѣваго бока, съ лѣваго!

Наконецъ, Ганджа нанесъ Тимку ударъ по шапкѣ.—Ну, будетъ съ тебя!—остановился онъ, тяжело отдуваясь.—Заморилъ меня совсѣмъ: ишь вьется, какъ вьюнъ!

— Гораздъ, сынку, на первый разъ совсѣмъ гораздъ!—вскрикнулъ весело Богданъ.—Ужь если ты съ дядькомъ Ганджей рубился, такъ можешь смѣло противъ двухъ татаръ выступить!

Тимко весь вспыхнулъ отъ удовольствія и, проходя мимо дѣвочекъ, бросилъ на нихъ изъ-подлобья гордый, презрительный взглядъ.

— Ишь, чванится какъ—шепнула Оксана Катрѣ,—удивительное дѣло, что онъ можетъ противъ двухъ татаръ выступить, я бы тоже смогла двумъ татарамъ безъ всякой сабли выцарапать глаза...

— Ой, нѣтъ,—возразила Катря,—я ихъ боюсь; ночью, когда приснятся, такъ даже кричу во снѣ...

— Ухъ, душно!—вскрикнулъ Ганджа, проводя по головѣ рукой, и поднялъ къ верху глаза.—Ге-ге-ге! Да посмотрите, панове-молодцы, дождемъ запахло, ей-Богу.

Всѣ подняли головы; съ запада уже надвигалась медленно и плавно сѣрая ровная пелена.

— Дождь, дождь Богъ послалъ!—сбросили всѣ шапки и перекрестились на надвигающуюся тучу.

— А что, Ганджа, не хочешь-ли со мной помѣряться?—обратился къ черному козаку Богданъ,—можетъ, ты и батьку въ лобъ попадешь?

— Что-жь, коли и батька бить, такъ надо въ лобъ цѣлить!—разсмѣялся Ганджа.—Только ты вели, того, горло промочить, пересохло какъ Буджацкая степь!

— Ну, добре, добре!—разсмѣялся и Богданъ.

Ганджѣ поднесли полный „келехъ“ горѣлки. Не сморгнувши, осушилъ его однимъ залпомъ козакъ.—Ну, теперь хоть и сначала начинать,—отеръ онъ рукавомъ губы.

Богданъ расправился, махнулъ нѣсколько разъ саблею въ воздухѣ, отчего раздался рѣзкій свистъ, и, принявши твердую позу, поднялъ саблю на встрѣчу Ганджѣ.

Сабли встрѣтились. Всѣ затаили дыханіе; слышны были только удары клинка о клинокъ. Бой продолжался уже нѣсколько минутъ съ равной силой со стороны обоихъ, какъ вдругъ сабля Ганджи сверкнула, сдѣлала крутой прыжокъ и, описавъ въ воздухѣ большой полукругъ, перелетѣла черезъ его голову и, при общихъ восторженныхъ крикахъ, врѣзалась въ землю.

Ганджа стоялъ оторопѣлый, словно не понимая, что случилось и какимъ образомъ удалось батьку выбить саблю изъ его крѣпкой руки.

— Ну, да и батько,—почесалъ онъ, наконецъ, въ затылкѣ, разводя руками,—первый разъ въ жизни случилась со мной такая вещь!

— То-то-жъ,—усмѣхнулся Богданъ.

— Да какъ это ты умудрился? Рука у меня, какъ желѣзо...

— Штука, пане-брате! Мнѣ ее въ Волощинѣ одинъ майстеръ за сто червонцевъ открылъ. Видишь ли, сынку, на все наука!... Всему наука научитъ, а ты вотъ до нея не очень „припадаешь“, а батьку это обида.

— Козаку науки не надо!—буркнулъ несмѣло Тимошъ.

— Какъ не надо? Да развѣ козакъ чѣмъ хуже другого умѣлаго человѣка?

— То панское да монашеское дѣло,—поддержалъ хлопчика и Ганджа,—а козаку сабля да крѣпкая рука,—вотъ и вся наука!

— Съ одною саблей, да съ кулакомъ далеко не уйдешь!—отвѣтилъ съ едва скрываемою досадой Богданъ.—Медвѣдь на что силенъ, а его вотъ такою штукой,—указалъ онъ на пистолетъ,—и дитя малое повалитъ. А до такой хитрости разумъ дошелъ. То-то вы всѣ такъ размышляете, а пусти васъ въ панскую господу или въ сеймъ, такъ ни бе, ни ме... ни ступить, ни разумное слово сказать. А панство и радо скалить зубы да величать васъ хлопскимъ быдломъ.

— Коли скалятъ зубы, такъ мы ихъ имъ и посчитать сможемъ.

— Посчитать то легко, Ганджа, да однимъ этимъ дѣла не выиграешь: коли „неукъ“, все равно обзовутъ хлопскимъ быдломъ.

— А начхать я хотѣлъ на ихнія панскія „вытребеньки!“—плюнулъ въ сторону Ганджа.—Кто меня „быдломъ“ обзоветъ, тому я „вьязы“ скручу, а танцовать, какъ „цуцыкъ“, для ихъ лядскаго сала не буду!

— Кто говоритъ тебѣ—танцовать!—вспыхнулъ Богданъ.—Козаку ни передъ кѣмъ танцовать не надобно, а надо такъ держаться, чтобъ и самого „уродзоного“ шляхтича за поясъ заткнуть. Тогда только тебя всѣ поважать будутъ и за равнаго сочтутъ. И правъ своихъ сможешь разумомъ добиться, а что все зубы считать да ребра ломать? Нужно, не одними руками, а и разумомъ бить, вотъ противъ такой силы не сможетъ никто!

Богданъ повернулся и направился широкими шагами къ крыльцу дома. Ганджа стоялъ въ той же позѣ съ лицомъ, выражавшимъ полное недоумѣніе; Золотаренко задумчиво покручивалъ усъ, а на лицѣ Тимка, со сжатыми плотно губами лежало выраженіе такого упрямаго сопротивленія, которое ясно показывало, что сынъ не согласится въ этомъ съ батькомъ никогда.

Къ вечеру все небо затянуло сплошной сѣрою пеленой. Начали робко прорываться мелкія капли дождя, а потомъ онъ засѣялъ смѣло, какъ изъ частаго сита, теплый, ровный и благодатный. Воздухъ дохнулъ живительною прохладой и свѣжестью, навѣялъ на хуторянъ и проснувшіяся надежды на урожай, и сладкій, послѣ утомительнаго зноя, сонъ.

Нѣсколько разъ Оксанѣ чудились ночью какіе-то стуки въ ворота, какіе-то возгласы и топотъ чьего то коня, а Катря и Оленка спали, какъ убитыя, спокойно.

Утромъ, чуть солнце показалось надъ горизонтомъ, Оксана быстро вскочила на ноги и, опустивши „кватырку", выглянула въ окно. Утро стояло дивное, влажное, сверкающее. Омытые дождемъ деревья, цвѣты и кусты такъ и горѣли на солнцѣ крупными каплями росы; трава, казалось, гнулась подъ этими тяжелыми, прозрачными каплями, унизавшими ее. Весело чиликали ободрившіяся птицы. Оксана снова оглянулась въ комнату. Бабы уже не было, а Катря еще спала крѣпкимъ сномъ.

— Катря, Катруся, вставай!—бросилась она весело будить подругу.—Посмотри только, какое славное утро!

Катря приподнялась и сѣла на лавкѣ, протирая кулаками глаза.

— Что, что такое?—проговорила она сквозь сонъ, еще не понимая, въ чемъ дѣло.

— Вставай, вставай же, Катрусе!—тормошила ее Оксана.—Ночью кто-то пріѣхалъ къ намъ. Я слыхала, право! Вставай, скоренько побѣжимъ, посмотримъ!

— О?—отняла Катря отъ глазъ руки, совершенно очнувшись уже отъ сна.—Кто-жъ бы это былъ?

— Не знаю, а можетъ Олекса...—шепнула она и прибавила торопливо,—одѣвайся скорѣе, увидимъ.

Въ одно мгновеніе дѣвочки сорвались и начали поспѣшно одѣваться. Умывши лицо холодной водой изъ глинянаго кувшина, онѣ туго заплели свои косы; но, сколько ни мочила Оксана волосъ водою, непокорные завитки продолжали упрямо выбиваться и изъ-за ушей и надо лбомъ. Туалетъ былъ скоро оконченъ. Оксана и Катря взглянули мелькомъ въ большое мѣдное зеркалце, гладко отполированное, и выбѣжали во дворъ.

— Ой, боюсь росы!—вскрикнула Катря, ступая босою ногой на мокрую траву.

— А я такъ люблю! Ухъ, славно какъ!—бросилась Оксана нарочно по самой густой травѣ.—Побѣжимъ къ „гайку", можетъ, бабу встрѣтимъ, разспросимъ, а то къ шелковицѣ; еще рано: всѣ спятъ.

Дѣвушки побѣжали по утоптанной желтымъ пескомъ дорожкѣ. На душѣ ихъ было такъ весело и свѣтло, какъ и въ этомъ раннемъ, безоблачномъ небѣ. И свѣжее утро, и пріѣхавшій неизвѣстный панъ,—все это заставляло еще скорѣе биться ихъ молоденькія, полныя жизненной радости сердца. И потому все кругомъ казалось такимъ веселымъ, такимъ улыбающимся, такимъ смѣшнымъ.

— А какъ ты думаешь, Катря, кто-бы онъ былъ?—спрашивала Оксана, набивая себѣ полный ротъ шелковицей.

— Нѣтъ, не Олекса, вѣрно важный панъ какой,—замѣтила серьезно Катря,—когда-бъ только не старый...

— И „гарный!“... Я терпѣть не могу старыхъ, да еще поганныхъ... Ты-бъ, Катруся, хотѣла, что-бъ онъ былъ „билявый“, или „чорнявый?“

— Билявый.

— А я-бъ хотѣла, чтобъ онъ былъ чорнявый козакъ съ чорными вусами, съ чорными глазами, въ „аксамитномъ“ кунтушѣ,— щебетала Оксана.—Охъ, Боже-жъ мой, что ты надѣнешь Катря? Знаешь, я надѣну зеленый жупанъ и желтыя черевики. Хорошо будетъ, да?

— Да, а я надѣну голубой и новыя сережки, что мнѣ подарилъ тато. Ну-жъ бо, Оксано, довольно шелковицы, бѣжимъ, бѣжимъ скорѣе!..

— Господи! Да что-же это мы надѣлали?—всплеснула руками Оксана, смотря съ ужасомъ на свои черные пальцы и на чорные зубы Катруси.

— Да уже тамъ отмоемъ какъ-нибудь!

Дѣвушки взялись за руки и со звонкимъ хохотомъ бросились по направленію къ дому; какъ вдругъ изъ-за поворота аллеи прямо выросла передъ ними высокая мужская фигура.

— Ой!—вскрикнула Катря и бросилась въ кусты, а Оксана такъ и замерла на мѣстѣ.

Передъ ней стоялъ никто иной, какъ Олекса. Только-жъ, Боже мой, развѣ это былъ ея прежній, маленькій Ахметка? Предъ ней стоялъ высокій и статный молодой козакъ, не хлопчикъ, а настоящій козакъ, „высокій та стрункій, мовъ яворъ“, съ смуглымъ, мужественнымъ лицомъ, съ чорными, еще небольшими усами и чуть-чуть приподнятыми бровями. На немъ былъ красный жупанъ, дорогіе пистоли и сабля.

Оксана стояла, какъ вкопанная, не отводя отъ него глазъ, будучи не въ силахъ двинуться. И радость, и смущеніе, и неожиданность сдушили ея трепетавшее сердце.

— Оксана!—только и могъ вскрикнуть отъ того-же восторга Олекса, останавливаясь передъ нею, какъ вкопанный; онъ съ изумленіемъ заглядѣлся на прелестную, раскраснѣвшуюся молодую дѣвушку, такъ неожиданно появившуюся передъ нимъ.

— Оксана, да неужели это ты?

Но этотъ знакомый голосъ въ одно мгновеніе отрезвилъ Оксану. И ея босыя ноги, и растрепанныя кудри, и черныя отъ шелковицы руки и зубы,—все это въ одно мгновеніе предстало съ изумительною ясностью передъ ней:

„Господи, а она то такъ мечтала, такъ долго думала объ этой встрѣчѣ! Пропало, пропало все!“

— Ой!—вскрикнула Оксана, закрывая фартухомъ лицо, и бросилась опрометью по мокрой травѣ.

XXIV.

Много перемѣнъ за эти четыре года произошло въ Чигиринѣ. Старостинскій замокъ, угрюмо дремавшій надъ тихимъ Тясминомъ, въ послѣдній годъ обновился, принарядился и, открывъ свои сомкнутыя вѣки, глянулъ на свѣтъ. Отъ замка побѣжали внизъ между волнами густой зелени золотистыя сѣти дорожекъ; вокругъ него разостлались роскошными плахтами клумбы цвѣтовъ; съ боковъ пріютились красныя черепичныя крыши, разсыпавшіяся между садиками, вплоть до „Стараго мѣста“ (городской площади). Коронный гетманъ, староста Чигиринскій, рѣдко останавливался въ Чигиринскомъ замкѣ, а потому послѣдній и былъ прежде запущенъ. Но два года назадъ приглянулась старому магнату молодая красавица, дочь краковскаго воеводы князя Любомирскаго, и влюбленный старецъ переселился поближе къ своей желанной невѣстѣ, укрѣпивъ мѣсто Чигиринскаго старосты за своимъ сыномъ Александромъ, къ которому назначилъ подстаростой „дозорца“ своихъ „маетностей“, пана Чаплинскаго. Послѣдній успѣлъ заискать расположеніе у стараго Конецпольскаго, а молодому съумѣлъ залѣзть въ душу; онъ подмѣтилъ у юноши дряблую, падкую ко всякимъ вожделѣніямъ натуришку и сталъ потакать ей тайно во всемъ. Самъ, въ конецъ развращенный, онъ систематически развращалъ и гетманскаго сына, забирая въ свои руки его тряпичную волю: охоты, азартныя игры, кутежи, потѣхи. насилія, вальпургіевы ночи опьяняли изнѣженнаго магнатика чадомъ жизни и привязывали къ виновнику этихъ наслажденій, Чаплинскому. Когда же старый Конецпольскій удалился на Подолію, оставивъ сына самостоятельно хозяйничать въ Старостве, то Чаплинскій не сталъ уже стѣсняться въ виртуозности своихъ измышленій и закружилъ голову своего владыки въ безконечныхъ оргіяхъ и пирахъ... И Чигиринскій замокъ, и дворъ и самъ городъ закипѣли небывалымъ оживленіемъ, хотя это оживленіе принесло мѣстнымъ жителямъ много горя и слезъ.

Пониже стараго замка, на кручѣ, надъ самымъ Тясминомъ, въ тѣни садовъ чернѣло высокою крышей довольно большое и неуклюжее зданіе; за нимъ золотистыми ромбами выглядывали новыя гонтовыя крыши другихъ построекъ, надъ которыми, въ видѣ каланчи, высилась круглая башня; это была усадьба Чигиринскаго подстаросты Чаплинскаго.

Теперь подъ покровомъ мягкой украинской ночи и „будынокъ“, и садъ Чаплинскаго свѣтились огнями; на широкомъ, мигавшемъ отъ двигавшихся факеловъ дворѣ стояла сутолока и гамъ: стучали колымаги и „повозы“, фыркали кони, перебранивались кучера, суетилась прислуга, сновала туда и сюда придворная шляхта. Овдовѣвшій Чаплинскій, по истеченіи шестимѣсячнаго траура, праздновалъ сегодня свое новое кавалерство, задавалъ холостую пирушку—„хлопьяшникъ“...

За домомъ, въ саду, подъ охраной вѣтвистыхъ елей и сосенъ, пересаженныхъ искусственно на песчаный холмикъ, стояло обширное „гульбище“ (павильонъ); къ нему вела змѣйкой дорожка, окаймленная въ перемежку кустами папоротника и можжевельника. Самое „гульбище“ внѣшнимъ видомъ напоминало какое-то капище съ островерхою крышей; послѣдняя заканчивалась расплывшимся куполомъ, съ длиннымъ, торчащимъ шестомъ. Вокругъ этого купола шла узенькая, огражденная баллюстрадой, площадка, къ которой вела шаткая лѣстница, Съ этой площадки открывался чудный видъ на разлившійся озеромъ Тясминъ, на тающіе въ сизой мглѣ контуры праваго нагорнаго берега и на раскинутый гигантскій коверъ лѣваго. Внутри это „гульбище“ состояло изъ одной просторной свѣтлицы, къ которой примыкали съ двухъ сторонъ уединенныя бесѣдочки, густо обвитыя дикимъ виноградомъ и плющемъ. Внутренность ея была искусно отдѣлана березой: бѣлыя пластинки коры переплетались мозаикой съ темными фарнерами корня въ прихотливые узоры и словно коврами покрывали потолокъ и стѣны свѣтлицы, придавая ей необычайно оригинальный и кокетливый видъ. Незастекленныя, безъ рамъ, высокія окна, были полузавѣшаны извнѣ бахромою ползучихъ растеній, а внутри закрывались „матками“ (цыновками) изъ „осикняга“. При входѣ была во всю длину зданія широкая терраса. Мебель въ свѣтлицѣ состояла изъ свѣтлыхъ ясеневыхъ столовъ и плетеныхъ изъ краснаго „шелюга“ (родъ лозы) креселъ; но въ бесѣдкахъ стояли еще и широкія „канапы“ съ изголовьями, обитыя мягкими коврами.

Теперь всѣ столы были накрыты бѣлоснѣжными скатертями и гнулись подъ тяжестью канделябровъ, жбановъ, кувшиновъ, кубковъ и всевозможнѣйшихъ флягъ. „Матки“ на окнахъ и дверяхъ были подвернуты; внутренность свѣтлицы горѣла сотнями колеблющихся огней, а черезъ темныя отверстія оконъ врывались струи прохладнаго, напоеннаго смолистымъ запахомъ воздуха. Въ свѣтлицѣ и на террасѣ въ дорогихъ и пестрыхъ костюмахъ толпились группами гости; но у стола еще никто не сидѣлъ, видимо, ожидая прибытія какого-то важнаго лица. Самъ хозяинъ то и дѣло выбѣгалъ на террасу и разсылалъ на развѣдки своихъ казачковъ—„джуръ“.

У одного изъ открытыхъ оконъ стоялъ зять хозяина, Комаровскій, молодой еще блондинъ, съ свѣтлыми безцвѣтными глазами, широкимъ носомъ и толстыми, чувственными губами; онъ разсказывалъ собравшимся вокругъ него вельможнымъ панамъ игривыя „побреченьки“, заставлявшія всѣхъ покатываться со смѣху; особенно громко и съ засосомъ хохоталъ, поддерживая руками свою вмѣстительную утробу, откормленный на славу, съ бычачьей шеей, панъ Цыбулевичъ, пріѣхавшій изъ Волыни по личнымъ дѣламъ; за нимъ заливался звонкимъ и частымъ смѣхомъ худощавый и длинный, какъ жердь, „старшій“ (на основаніи масло-ставской ординаціи) надъ рейстровыми казаками, ополяченный нѣмецъ Шемброкъ; за этими фигурами то скрывался, то скромно выглядывалъ знакомый уже намъ панъ Ясинскій, втершійся какъ-то на-дняхъ, при посредничествѣ Чаплинскаго, въ свиту молодого старосты; онъ былъ одѣтъ просто, по шляхетски, и подобострастно хихикалъ, прищуривая свои красные, подпухшіе глаза и стараясь втянуть въ себя округлившееся за четыре года брюшко; за нимъ толпилось еще нѣсколько блестящихъ фигуръ молодой шляхты. У другого окна, яко-бы созерцая глубокое, усѣянное звѣздами небо, стоялъ его мосць панъ пробощъ и чутко слѣдилъ за разсказами, смакуя каждымъ словомъ въ тиши. Подъ елями прохаживались тоже нарядныя группы.

— Фу, пане... дай по́кой... отпусти душу!—почти задыхался панъ Цыбулевичъ.—Вѣдь лопну... „якъ маме ко́хамъ“! И безъ того духота, а ты еще поддаешь пару...

— „Пшепра́шамъ“, тутъ еще на духоту жаловаться нечего,—замѣтилъ худощавый Шемброкъ,—тутъ пышно, чудесно... вѣтерокъ, прохлада и этотъ боръ,—сказалъ онъ, махнувъ къ себѣ нѣсколько разъ рукою и стараясь вдохнуть благоуханіе ночи.

— Да, здѣсь восхитительно, очаровательно, ясное панство,—вмѣшался робко Ясинскій,—я во многихъ богатѣйшихъ „палацахъ“ бывалъ, но такого привлекательнаго уголка не находилъ нигдѣ.

Цыбулевичъ и Шемброкъ посмотрѣли небрежно на Ясинскаго.

— Ну, пане-тесте, здѣсь хвалятъ всѣ твое „гульбище“,—обратился ко входившему Чаплинскому Комаровскій,—и постройку, и борикъ, и твою фантазію находитъ панство прекрасными...

— Очень радъ, очень польщенъ, мои дорогіе, пышные гости,—подошелъ, самодовольно улыбаясь, хозяинъ,—для меня тоже здѣсь самый дорогой уголокъ въ моихъ владѣніяхъ: эти сосны и ели, этотъ песокъ и можжевельникъ, эта березовая отдѣлка напоминаютъ мнѣ, хотя слабо, мою милую Литву, и я здѣсь отдыхаю отъ трудовъ душою и тѣломъ.

— И предаюсь, добавь, тато, за ковшемъ добраго литовскаго меду, свободной нѣгѣ, услаждаемой нимфами...

— Что-жъ, зять?—вздохнулъ невинно Чаплинскій,—„vita nostra brevisest".

— Клянусь Бахусомъ и Венерою—правда!—воскликнулъ Комаровскій.

— А, панъ поклоняется только двуипостасному богу!—засмѣялся октавою Цыбулевичъ.

— Иногда еще, пане, признаю и третьего—Меркурія...

— Да... игра и всякія прибыли, гешефты... опять вмѣшался Ясинскій,—безъ нихъ и первые два бога имѣютъ мало значенія... Есть вотъ „баечка"...

— А что же, пане,—прервалъ Ясинскаго Цыбулевичъ,—будемъ-ли мы посвящены во всѣ прелести нѣги литовской?

Объ этомъ его мосць будетъ судить лишь послѣ завтра,—развелъ руками Чаплинскій и съ загадочною улыбкой подошелъ подъ благословеніе пробоща.

На террасѣ стоялъ Хмельницкій съ полковниками Барабашемъ и Ильяшемъ. Первый выглядѣлъ уже старикашкой, съ отвислыми щеками и такимъ же брюшкомъ; держался онъ нѣсколько сутуловато и не совсѣмъ твердо въ ногахъ; огромные сѣдые усы его спадали длинными прядями на грудь, а узкіе прорѣзанные глаза изобличали татарское происхожденіе. Второй же былъ болѣе бодръ и темнымъ цвѣтомъ лица да характернымъ носомъ напоминалъ армянина.

— За границу я ѣздилъ по королевскимъ личнымъ дѣламъ... съ письмами къ тестю,—говорилъ Богданъ,—чего мнѣ скрывать отъ своихъ? Мнѣ шляхетное мое товарыство дороже, чѣмъ кто бы ни былъ: съ панствомъ шановнымъ мнѣ вѣкъ и жить, и служить, а тамъ,—махнулъ онъ рукою—„съ Богомъ, цыгане, абы я дома"...

— Это ты гораздъ, пане сотнику,—буркнулъ Барабашъ, мотнувъ усомъ,—кому, кому, а тебѣ съ нами... и рука руку, знаешь...

— И моетъ и „бруднитъ" (грязнитъ),—засмѣялся Богданъ.

— Хе!—клюнулъ носомъ Ильяшъ, набивая съ длиннымъ чубукомъ трубку,—но любопытно знать... даже бы нужно... что стояло въ тѣхъ письмахъ?

— Нельзя-же было, пане полковнику, разламывать печатей,—отвѣтилъ, пожавши плечами, Богданъ,—хотя и „кортѣло"... Такъ, съ углышка только могъ дагадаться, что дѣло шло о приданомъ... „Грошей" просилъ его королевская мосць,—добавилъ онъ шепотомъ.

— Ага, именно!—обрадовался догадкѣ Барабашъ,—король вѣдь дѣйствительно бѣднякъ—„харпакъ"... Гдѣ ему намъ допомочь? Нѣкоторые у насъ надѣются на короля... Пустое! „Попыхачъ" онъ у золотого ясновельможнаго панства...

— „Якъ нема тата, то шукай ласки у ката“,—улыбнулся Ильяшъ, раскуривая трубку.

— Такъ ли, сякъ ли, а ѣсть надо...—засмѣялся и Барабашъ, а потомъ замѣтилъ Богдану:—скучали мы по тебѣ, пане, что рѣдко такъ жалуешь?

— Спасибо за ласку,—поклонился сотникъ:—боялся докучать, да и рои подоспѣли ..

— Пышное панство, прошу въ свѣтлицу къ столамъ!—крикнулъ на террасѣ Чаплинскій.—Его ясновельможная мосць уже ѣдетъ!

Длинною вереницей потянулись гости въ свѣтлицу. Хозяинъ торопливо началъ представлять ихъ другъ другу.

Хмельницкій страшно былъ озадаченъ появленіемъ своего врага, почти забытаго имъ за пять лѣтъ. Самъ Чаплинскій видимо чувствовалъ себя крайне неловко при представленіи своему свату Ясинскаго и пытался загладить эту неловкость ихъ примиреніемъ.

— Пана страшно грызетъ совѣсть за прошлое,—умильно заглядывалъ свату хозяинъ въ глаза,—онъ почти для того и пріѣхалъ, чтобы выпросить у тебя, друже, забвеніе ошибкамъ горячей и неразсудливой юности.

Ясинскій стоялъ во время этой тирады въ смиренной позѣ, съ опущенными долу глазами и поникшей головой.

— Что было, то минуло,—сказалъ небрежно Богданъ и, взявши подъ руку свата, отвернулся отъ Ясинскаго, сказавши:—я имѣю тебѣ, пане-брате, сообщить нѣчто важное.

Ясинскій проводилъ его злобнымъ, зеленымъ взглядомъ шакала.

Въ это время распахнули двери два козачка, и въ свѣтлицу быстро вошелъ самъ староста, молодой Александръ Конецпольскій, подъ руку съ княземъ Заславскимъ.

Не смотря на раннюю молодость, на лицѣ Конецпольскаго лежали уже слѣды отравы и пресыщенія, а вздернутый носъ и прищуренные глаза придавали ему нахальное выраженіе. Заславскій же былъ среднихъ лѣтъ и средняго роста, но необыкновенно тученъ; впрочемъ, лицо его дышало здоровьемъ и свѣжестью, а выраженіе его было крайне симпатично: и по одеждѣ, и по манерамъ можно было сразу признать въ немъ магната.

Въ свѣтлицѣ послышалось шумное движеніе: Чаплинскій бросился съ подобострастнымъ восторгомъ навстрѣчу; панство тоже понадвинулось привѣтствовать именитыхъ гостей.

— Вотъ я, пане,—обратился Конецпольскій къ хозяину,—привезъ къ тебѣ моего дорогого гостя, ясновельможнаго каштеляна Дубенскаго, князя Доминика Заславскаго,—прошу „ушановать“ его мосць.

— Падамъ до ногъ!—захлебывался, изгибаясь, Чаплинскій.— За великую честь, за счастье! Челомъ бью ясноосвѣщоному панству, прошу на почетное мѣсто!

Поздоровавшись съ нѣкоторыми гостями и познакомивъ съ ними Заславскаго, Конецпольскій привѣтствовалъ остальныхъ наклоненіемъ головы и занялъ первое мѣсто, усадивъ по правую руку Заславскаго.

Теперь уже хозяинъ обратился съ пріятнымъ жестомъ ко всѣмъ:

— Прошу, пышное панство, занимайте мѣста, кому гдѣ любо: сегодня мы празднуемъ вольное свято утѣхъ и радостей жизни, свободу нѣжныхъ страстей, а передъ ними—всѣ равны. Не будемъ же тратить дорогого времени.

Съ одобрительнымъ шумомъ размѣстилось многочисленное общество за столами.

— Для начала, панове,—произнесъ торжественно Чаплинскій, наливая изъ объемистой фляги всѣмъ въ кубки какую-то золотисто-зеленоватую жидкость,—прошу васъ отвѣдать этой литовской старки, настоянной на звѣробоѣ и можевельникѣ.

— Недурно,—попробовалъ староста.—Ты вѣдь, пане „подручный“, обѣщалъ угостить насъ сегодня всѣми роскошами Литвы, начиная съ яствъ и питей и кончая болѣе сладкими прелестями?

— Темные лѣса и глубокія озера моей родины, со всѣми ихъ обитателями, видимыми и таинственными, со всѣми чарами нѣги, будутъ у ногъ ясновельможнаго пана,—произнесъ съ низкимъ поклономъ, разводя руками Чаплинскій.

— Это мы съ паномъ-пробощемъ оцѣнимъ,—подмигнулъ Конецпольскій.

— „Non possumus“,—опустилъ глаза пробощъ.

— Го-го!—засмѣялся староста.— „Potencia potenciorum“!

— А пока знайте, панове,—обратился онъ ко всѣмъ,—что мой помощникъ празднуетъ сегодня свою холостую свободу и возобновленную молодость, такъ нужно намъ поддержать его подержанныя силы.

— „Edamus, bibamus, ametus!„—воскликнулъ, поднимая кубокъ, Хмельницкій.

— „Amen!“—чокнулся съ нимъ Барабашъ.

— Виватъ! Слава!—подхватили гости шумно, одобривъ литовскую старку. Судя по возросшему сразу шутливому говору и смѣху, она дѣйствительно заслуживала большой похвалы.

Между тѣмъ, гайдуки втащили на столы въ огромныхъ „полумискахъ“ медвѣжьи окорока, буженину изъ вепря, лосьи копченые языки, полотки изъ дикихъ гусей, а къ нимъ въ вычурныхъ „мисахъ“—вазахъ разнообразныя соленья и приправы изъ лѣсныхъ ягодъ и разнаго рода грибовъ, да всякіе еще литовскіе сыры. Без-

численное количество козачковъ засуетилось возлѣ гостей, то подавая, то принимая посуду, то ожидая другихъ приказаній.

Съ шумными одобрительными возгласами и жадностью накинулось панство на дары дремучей Литвы; цоканье ножей, усиленное сопѣніе и жеваніе неоспоримо доказывали, что гости отдавали имъ полную честь. Чаплинскій суетился, рекомендовалъ и самъ подкладывалъ лучшіе куски особенно почетнымъ для него лицамъ. Молча, кивками головъ да мычаніемъ, благодарила услужливаго хлѣбосола почтенная шлахта и только лишь вытирала платками, а то и бархатными „велётами“ своихъ роскошныхъ „кунтушей“ обильно выступавшій на подбритыхъ лбахъ потъ.

Послѣ первой смѣны, хозяинъ наполнилъ кубки гостей новою мудреной настойкой. На вторую скатерть поставлены были другія „полумиски“ и лохани съ разною маринованною, вареною, жареною, фаршированною рыбой, и все изъ литовскихъ озеръ, съ литовскими-же соусами и „потравками“.

Когда первый голодъ былъ утоленъ и съ меньшею жадностью стало набрасываться панство на снѣди, послышались за столами то тамъ, то сямъ короткія фразы.

— Да, у насъ новость, я и забылъ сообщить ясновельможному панству,—говорилъ замѣтно уже подогрѣтый старками панъ Чаплинскій,—у насъ вотъ въ Чигиринскомъ лѣсу, за Вилами, въ трущобѣ поселилась литовская вѣдьма, „чаклунка“, почище кіевской... вотъ такъ ворожитъ—не цыганкамъ чета! Кому изъ васъ, панове, желательно узнать свое будущее, такъ рекомендую: какъ на ладони увидите! А кромѣ того у нея найдутся вѣрнѣйшіе привороты и отвороты...

— Ну, этого намъ не потребуется,—скромно замѣтилъ панъ пробощъ.

— Очень самонадѣянно!—улыбнулся Заславскій.

— Гм, гм!—погладилъ усъ Барабашъ,—а мы такъ должны смирить свою гордыню.

— Хе? Намъ „подтоптаннымъ“ зѣло нужны „привороты“,—замѣтилъ Шемброкъ.

— А по-моему, пане-добродзѣю, найлучшій приворотъ—это дукаты!—пробасилъ князь.

— Святая истина!—пропѣлъ въ тонъ Ясинскій.

Всѣ захохотали. Сдержанное, натянутое настроеніе предъ лицомъ такихъ важныхъ магнатовъ, ослабленное нѣсколькими кубками доброй старки и другихъ настоекъ, теперь сразу упало, всякъ почувствовалъ себя развязнымъ и смѣлымъ.

— Въ какихъ это Вилахъ,—спросилъ неброжно Богданъ,—что на Татарскомъ току, или за Чортовымъ провальемъ?

— За Чортовымъ, за Чортовымъ, гдѣ крутится бѣсомъ „бурчакъ“,—отвѣтилъ Чаплинскій, наполняя свату вновь кубокъ,—а что, думаешь попытать свою долю?

— И спрашивать нечего: наша доля затылкомъ стоитъ.

Совершили третье общее возліяніе, подали новую перемѣну. На этотъ разъ въ глубокихъ вазахъ появились литовскіе колдуны.

— Пышное панство!—заявилъ торжественно хозяинъ,—и рыба, и колдуны любятъ плавать, такъ вотъ рекомендую легкія прохладительныя—толстыя фляги наливокъ, ратафій, запеканокъ, мальвазій. Чернайте изъ нихъ обильно и спѣшно, ибо съ появленіемъ царя питей, нашего стараго, сѣдого меда, всякія пустяковины будутъ убраны.

— Добрая „рада“!—зашумѣли гости и потянулись всѣ къ флягамъ.

— Не буду времени тратить, ясновельможный пане!—крикнулъ уже смѣло Ясинскій, опоражнивая кубокъ.

Начались межъ сосѣдями и въ разбивку потчиванья и чоканья.

— Слыхали-ли, панове,—заговорилъ одинъ изъ молодыхъ землевладѣльцевъ,—вновь начались хлопскіе бунты.

— Что? Гдѣ?—обратились многіе къ шляхтичу.

— Да вотъ, у моего брата за Кіевомъ былъ случай: не захотѣли „панщины“ отбывать хлопы, стали галдѣть, что прежнимъ владѣльцемъ имъ даны зазывныя льготы.

— Ишь, ты!—заволновались нѣкоторые.—Послушай ихъ, такъ и хозяйство все брось!

— Ну, и что-же, пане-добродзѣю?—заинтересовался Заславскій, да и другіе притихли.

— Братъ-то, ясновельможный пане, расправился съ ними по-шляхетски: написалъ имъ новыя условія на спинахъ.

Взрывъ хохота прервалъ разскащика.

— Да, панове, а одно село, которому такое рѣшеніе не понравилось, сжегъ онъ до тла.

— Съ хлопами? Такъ начадилъ сильно!—икнулъ Ясинскій.

— И убытки понесъ,—добавилъ мрачно Богданъ.

— Конечно,—загорячился панъ съ бычачьей шеей,—а что подѣлаешь? Вотъ и у меня въ сосѣдствѣ повѣсили экономa хлопы.

— Плохое предзнаменованіе,—отозвался Заславскій,—и многому виною мы сами.

— Конечно, ясноосвѣцоный княже,—подхватилъ развязно молодой шляхтичъ,—потворство, полумѣры, „паньканье“...

— Жестокость,—подсказалъ Шемброкъ.

— Соблазняются такими мыслями многіе,—промычалъ Комаровскій.

— „Аще око тебя соблазняетъ, вырви его и верзи вонъ“,—съ чувствомъ сказалъ пробощъ, поднявши набожно взоръ.

— Отвратительная слабость,—зарычалъ Цыбулевичъ,—не манерничать нужно съ этимъ быдломъ, а залить сала за шкуру...

— Какъ князь Ярема кричитъ: „огнемъ и мечемъ!“—улыбнулся насмѣшливо Заславскій,—только вотъ въ чемъ бѣда: послѣ огня и меча ничего не остается.

— Да, ясный княже, намъ, властителямъ, это невыгодно,—сказалъ, покраснѣвши, Хмельницкій.

— Я вотъ потому и рекомендую лучшее правило—„канчуками“ и лозой!—выпятилъ багровые глаза Цыбулевичъ.

— Виватъ, пане!—потянулись многіе къ толстяку съ кубками.

— Виватъ!—поднялъ свой и Богданъ.—Вы тамъ канчуками разгоните, а народъ и бросится къ намъ, вотъ тогда въ помѣстьяхъ вельможнаго нашего панства и будетъ сила рабочихъ.

— Слава нашему пану сотнику!—закричали одни, а другіе расхохотались.

— Слава свату, слава!—чокнулся съ Богданомъ Чаплинскій.—Только и съ нашимъ подлымъ народомъ нужно камень за пазухой держать. Предпочитая регламентъ пана Цыбулевича, я предлагаю въ дополненіе еще болѣе остроумныя мѣры, какъ, напримѣръ: жажду, голодъ, холодъ, зудъ...

— Воистину, претерпѣвшій на тѣлѣ душу свою соблюдетъ,—вздохнулъ пробощъ.

— Отецъ мой,—замѣтилъ иронически Конецпольскій,—очень ужъ этому быдлу потворствовалъ,—льготы давалъ, поборы бралъ ничтожные, а потому такіе-жъ и доходы.

— Ну, мы ихъ увеличимъ!—задорно крикнулъ Чаплинскій.

— Я вѣдь, свате, тоже за доходъ: чѣмъ больше его въ нашихъ помѣстьяхъ, тѣмъ лучше,—вмѣшался Хмельницкій, якобы небрежнымъ, веселымъ тономъ, но замѣтно было, что въ голосѣ его прорывалась сдерживаемая злобная хрипота, изобличавшая внутреннюю бурю. Только, по-моему, первая забота добраго хозяина, чтобъ „быдло“ его было въ силѣ и въ тѣлѣ, а если его изнурить голодомъ, да холодомъ, да „нужею“, такъ работы съ него не будетъ; значитъ, и выйдетъ: „ни Богови свичка, ни чортови кочерга!“ А на счетъ дохода, такъ его можно увеличить, либо выдавливая сильнѣе изъ одной „макухи“ (жомъ) „олею“, либо увеличивая число „макухъ“.

— Ловко, ловко, пане! Голова!—поддержали Богдана мѣстные шляхетные землевладѣльцы, а пьяненькій Барабашъ даже облобызалъ своего сотника.

— Теперь запугиваніе панства этимъ схизматскимъ хлопствомъ ., никчемно",—вмѣшался вдругъ въ разговоръ сильно охмелѣвшій Ясинскій.—У пана сотника все старое въ головѣ: минуло, прошло! Теперь, если бы что, такъ только мокрое мѣсто,—нагло онъ опрокинулъ свой кубокъ и разлилъ по скатерти драгоцѣнную влагу.

— Совершенно вѣрно,—поддержалъ и Чаплинскій.

— А если отъ пана Цыбулевича и его сосѣдей перебѣгутъ къ намъ всѣ хлопы,—добродушно засмѣялся сѣденькій старичекъ,—такъ чтобы не было волненія...

— У Рѣчи-Посполитой хватитъ на всѣхъ „канчука"!—крикнулъ заносчиво Комаровскій.

— У меня-то волненій не будетъ, ручаюсь,—высокомѣрно сжалъ брови молодой староста,—хотя я и сокращаю, и уничтожаю эти глупыя льготы... Я и съ паномъ сотникомъ не согласенъ: по-моему, и „макухъ" нужно больше завести, и выдавить кажду посильнѣе.

Богданъ заскрежеталъ зубами и выпилъ залпомъ огромный кубокъ наливки.

Чаплинскій, замѣтивъ желчное раздраженіе своего патрона, поторопился замять эту опасную тему, начавъ разливать въ ковши новые хмѣльные дары своей родины. На столахъ появилась грудами жареная дичь—лебеди, тетерева, глухари, рябчики. Панство потянулось тащить на тарелки руками жирное, обложенное саломъ мясо, но ѣло уже болѣе лѣниво, небрежно, какъ говорятъ, „ялозило" имъ руки и губы. Лица у большинства гостей были сильно возбуждены, глаза горѣли, потъ скатывался свободно ручейками по лоснящимся, краснымъ щекамъ.

— Нѣтъ, что ни говорите, панство,—началъ таки снова, тяжело отдуваясь, Цыбулевичъ,—а единодушія у насъ нѣтъ: если бы вся благородная шляхта постановила давить безъ потачекъ „псю кревъ", такъ давно бы эта сволочь и пищать позабыла...

— Не пищатъ только мертвые,—замѣтилъ тихо Богданъ.

— Ого!—подхватилъ нагло Ясинскій,—значитъ, панъ совѣтуетъ имъ всѣмъ снять „capita?"

— Я совѣтую пану,—улыбнулся презрительно тотъ,—просвѣтлить себя больше наливкой.

— Цо-о?—хотѣлъ было подняться Ясинскій, но не могъ. Сосѣди хохотомъ и говоромъ замяли эту неприличную выходку. Барабаша клонило ко сну, а другой сѣденькій старичекъ часто кле-

валъ носомъ въ тарелку. Шумъ все возросталъ: панство принимало болѣе непринужденныя позы, распускало пояса...

Чаплинскій, моргнувши сосѣдямъ на Ясинскаго, началъ поощрять всѣхъ къ выпивкѣ, угрожая, что, при появленіи на столахъ меду, это все будетъ убрано.

— По-моему,—поднялъ авторитетно голосъ, молодой Конецпольскій,—дикую бестію сначала нужно заморить, усмирить, чтобы потомъ на ней ѣздить.

— Коня и быка, но не хлопа,—отозвался пробощъ, открывая съ усиліемъ посоловѣвшія очи.—Вотъ мой коллега на Волыни вздумалъ было пріучить хлоповъ возить себя въ возкѣ по „парафіи“... ну, и возили... Только... что бы вы думали, пышное панство? Какой, эти схизматы, невѣрный народъ! Возили, возили, а потомъ загрузили возокъ въ болотѣ, въ лѣсу, и разбѣжались... Бѣдный капеланъ такъ и остался на мѣстѣ, въ добычу комарамъ и мошкѣ...

— Лайдаки! Шельмы!—закричали нѣкоторые, но большинство покрыло ихъ возгласы гомерическимъ смѣхомъ.

— Ха, ха, ха!—покатывался на стулѣ Заславскій.—Воображаю капелана въ болотѣ съ цѣлою тучей надъ нимъ всякой дряни...

— Забавно!—засмѣялся Конецпольскій.

— Да,—захихикалъ, подыгрываясь къ патронамъ, Чаплинскій,—вѣроятно, отмахивался и отчесывался долго...

— А и комары вѣрно долго „гулы“,—вставилъ Хмельницкій,—полакомившись на бѣломъ да хорошо откормленномъ тѣлѣ...

Новый взрывъ хохота покрылъ его слова.

Пробощъ поднялъ съ ужасомъ глаза вверхъ и сложилъ набожно руки...

Въ противуположномъ концѣ стола шелъ между двумя шляхтичами крупный споръ о собакахъ и держали пари, кто больше въ состояніи выпить. Ясинскій брался быть медіаторомъ... Справа какой-то „пидтоптаный“ панъ доказывалъ Шемброку, что нигдѣ нѣтъ такого матеріала для гарема, какъ въ этихъ мѣстахъ; но толстый, съ бычачьею шеей панъ все упорно стоялъ на своей темѣ:

— Нѣтъ, что ни толкуйте, панове, а единодушія у насъ „нема“: одинъ—сюда, другой—туда, а третій—чортъ знаетъ куда!

— Это-то, пане-добродзѣю, такъ!—отозвался Заславскій, вздымая свое шарообразное чрево.—Сенаторы и благоразумная шляхта не блюдутъ у насъ дружно Рѣчь-Посполиту ни въ „хатнихъ “интересахъ, ни въ „окольныхъ“... Замѣчается расколъ, грозящій повалить и нашу золотую вольность.

— Какъ? Что такое?—встрепенулся Конецпольскій, а за нимъ и другіе насторожили уши.

— Да вотъ,—послѣ долгой передышки началъ Заславскій,—былъ я у великаго литовскаго канцлера Радзивила, такъ до него дошли смутные слухи, будто-бы нѣкоторые наши магнаты—nomina odiosa sunt—затѣваютъ что-то съ королемъ, вредное для нашей свободы.

Всѣхъ ошеломило это извѣстіе. Богданъ поблѣднѣлъ: неужели такъ тщательно скрываемая тайна сдѣлалась извѣстной до осуществленія?

— Сто дьябловъ!—ударилъ по столу кулакомъ Конецпольскій.

— Мокрая вѣдьма имъ въ глотку!—ругнулъ Цыбулевичъ.

— Sancta Mater!—всплеснулъ руками панъ пробощъ.

— Что-жъ это? Дурманомъ напоилъ кто-либо эти головы?—отнесся сочувственно и Чаплинскій.

— Главное, король,—подчеркнулъ Заславкій:—онъ, кажется, хлопочетъ объ увеличеніи своей власти и ищетъ клевретовъ...

— А въ какой-же хвостъ, ясный княже, смотритъ сеймъ?—посинѣлъ даже панъ Цыбулевичъ.

— Еще, пане-добродзѣю, идетъ только смутный слухъ,—отвѣтилъ Заславскій,—а когда будетъ что-либо положительное въ рукахъ, то сеймъ, конечно, распорядится...

Богданъ усиленно наливалъ себѣ кубокъ за кубкомъ и пилъ, чтобы скрыть отъ другихъ свое замѣшательство; ему казалось, что глаза всѣхъ устремлены на него и что вотъ-вотъ сейчасъ начнется допросъ.

— Знаете... ясноосвѣщонное панство,—заговорилъ заплетающимся языкомъ Ясинскій:—Оссолинскій... у! это лисъ!.. Я только что изъ Варшавы... бывалъ тамъ вездѣ... у высшей знати... и слыхалъ... это изумительно...—„Якъ маме кохамъ“, пекельная штука!

— Какая?—поинтересовался Заславскій.

— Тонкая! Ваша яснѣйшая мосць!—нахально улыбался Ясинскій, бросая на Богдана вызывающій взглядъ,—я хорошо знаю Оссолинскаго... бывалъ у него...

— У ясноосвѣщоннаго пана канцлера?—воскликнулъ, пожавши плечами, Хмельницкій, желая осадить лжеца и подорвать къ нему довѣріе.

— Для козака это можетъ быть за диковинку,—прищурилъ презрительно тотъ глаза,—а для „уродзонаго“ шляхтича это „фрашки“ (пустяки)! А въ доказательство... я могу сообщить... что вотъ на дняхъ... у канцлера будутъ двѣ свадьбы...

— У него одна только дочь,—возразилъ Заславскій.

— Одна родная, ваша ясная мосць, а другая пріемышъ... да... просто пальцы оближешь!..

— Цацюня? Хе, хе, хе!!—засмѣялся Барабашъ, зажмуривъ глаза и покачиваясь изъ стороны въ сторону.

Словно молотъ тяжелый упалъ Богдану на голову.—Это Марылька!—сверкнуло у него молніей и молніей же ударило въ дрогнувшее сердце. Не получая никакихъ извѣстій о Марылькѣ, во время пребыванія своего заграницей, не получая отъ нея отвѣта на посланное ей письмо уже изъ Субботова, Богданъ порѣшилъ, что панянка забыла его, поглощенная волнами новой, увлекательной жизни, и что ему, козаку, не къ лицу носить какую-то „болячку“ на сердцѣ про несбыточное чортъ-знаетъ-что... и вдругъ, при одномъ извѣстіи, онъ почувствовалъ въ сердцѣ боль, и такую щемящую да досадную, что даже бросилась ему въ лицо кровь и глаза сверкнули дикимъ огнемъ.

— Ну, такъ что-же развѣдалъ тамъ „ващанъ“?—съ раздраженіемъ уставился староста на Ясинскаго.

— Что Осолинскій, ясноосвѣщонный задабриваетъ козачью старшину... О, это хитрая лисица... но и старшина тоже... ой, ой, ой!—не спускалъ онъ съ Хмельницкаго пьяныхъ глазъ.

— Это поклепъ и на Осолинскаго, и на старшину!—крикнулъ, вспыливши, Богданъ и отвелъ смущенно глаза.

— Старшина вѣрна Рѣчи-Посполитой!—добавилъ Ильяшъ.

— Предана, какъ собака.. какъ „скаженая“,—забормоталъ Барабашъ, вытирая усами тарелку.

— Какъ одинъ да одинъ—два!—выпрямился Шемброкъ.

— Но, панъ сотникъ,—подчеркнулъ Конецпольскій,—вѣдь ты бывалъ у Осолинскаго... и, кажется, канцлеромъ взысканъ?

— Да, ваша вельможная мосць, былъ разъ,—отвѣтилъ, нѣсколько оправившись, Хмельницкій,—но никакихъ милостей не удостоился... Да и вѣроятно-ли, чтобъ государственный мужъ, вельможа и вдругъ бы сталъ откровенничать съ казакомъ, котораго въ первый разъ видитъ? Другое дѣло—панъ Ясинскій, что съ его ясною мосцью за панибрата.

— Да, да, за панибрата,—заплеталъ непослушнымъ языкомъ панъ Ясинскій,—потому что я крикну „не позволямъ!“ и всѣхъ заставлю на сеймѣ молчать, а съ козакомъ не станетъ никто и говорить. Зась!—хотѣлъ онъ сдѣлать рукою какое-то движеніе и покачнулся на стулѣ; Чаплинскій бросился и помогъ Ясинскому дойти до открытаго окна. Конецпольскій только махнулъ рукою.

Подали на столы послѣднюю перемѣну; разныя медовыя сласти, пирожки, соты липоваго меду и фрукты.

— Панове!—торжественно возгласилъ Чаплинскій.—Теперь начинается великій часъ вождѣленій.

— Кохаймося!—крикнулъ Комаровскій.

— Виватъ!—подхватили другіе.

— Такъ я предлагаю, панове,—кричалъ хозяинъ,—скинуть жупаны и растегнуть пояса передъ появленіемъ нашего стараго литовскаго меду!

— Дѣло!—подалъ первый примѣръ Комаровскій, а за нимъ и другіе начали разоблачаться. Кто-то пошатнулся и упалъ, кто-то захрапѣлъ, съ кѣмъ-то сдѣлалось дурно...

— А гдѣ же твои литовскія нимфы?—обратился къ Чаплинскому захмѣлѣвшій староста.

— Не нимфы, ваша мосць, а „мавки"!

— Одинъ чортъ, лишь бы не духи, а осязаемыя; но онѣ, надѣюсь, прелестны и безъ нарядовъ?

— Совершенно,—покровы красоту оскорбляютъ. Я полагалъ бы, чтобы эти „мавки" прислуживали намъ теперь и наполняли нектаромъ кубки.

Одобрительное ржаніе поддержало это предложеніе.

Богданъ, воспользовавшись общимъ возбужденіемъ и суетой, незамѣтно вышелъ изъ свѣтлицы.

— Но какъ панъ пробощъ? Благословитъ ли?—замѣтилъ Заславскій.

— Невинныя удовольствія освѣжаютъ душу,—опустилъ тотъ смиренно глаза,—но, чтобы не смущать васъ, братіе, я удалюсь въ бесѣдку, а хозяинъ мнѣ туда пришлетъ съ нимфой кружечку меду.

Вся мужская прислуга была удалена; „матки" на окнахъ опущены. За дверью послышался хохотъ и визгъ дѣвичьичъ молодыхъ голосовъ, по среди нихъ доносились и тихія всхлипыванія да взрывы рыданій.

Началась безобразная оргія...

XXV.

Съ большимъ трудомъ удалось Богдану отыскать своего коня. На конюшнѣ и на дворѣ пана подстаросты шло такое-же повальное пьянство, какъ и въ покояхъ, только все здѣсь было еще проще. Выкаченная бочка водки была уже почти пуста, но два полупьяныхъ конюха еще трудились надъ нею, вставляя неумѣло ливеръ въ воронку; остальные по большей части уже храпѣли въ растяжку на зеленой травѣ и подъ „повозами" своихъ господъ. Изъ переполненной лошадьми конюшни слышались ржаніе, храпъ и стуки копытъ о твердую землю. Лошади, не умѣстившіяся въ конюшнѣ, были просто привязаны у дышелъ или около высокихъ, вбитыхъ въ землю

столбовъ. Полный мѣсяцъ съ самой вершины неба словно заливалъ всю эту пеструю картину ровнымъ зеленоватымъ свѣтомъ.

Наконецъ, Богданъ отыскалъ своего Бѣлаша, самъ осѣдлалъ его и вскочивши въ сѣдло, поскакалъ быстрымъ галопомъ по сонным чигиринскимъ улицамъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже въ ровной и безлюдной степи.

Конь Богдана, несдерживаемый рукой, летѣлъ вскачь; видъ самого Богдана былъ такъ растерянъ и встревоженъ, что, казалось, сотникъ спѣшилъ скрыться отъ настигающаго его врага. Весь хмель, какой былъ въ головѣ козака, разомъ выскочилъ отъ послѣднихъ словъ Ясинскаго. О, этотъ Ясинскій, опять онъ встрѣтился на его пути и, какъ черный воронъ, всегда каркаетъ ему бѣду! Проклятая ящерица, раздавить бы тебя ногою, чтобъ не наскудила бѣлый свѣтъ! Но и молодой панъ Чигиринскій староста слишкомъ мало смотритъ на старшихъ людей... Послѣ того, какъ князь Ярема выгналъ эту гадину изъ своихъ хоругвей и самъ старый Конецпольскій благодарилъ его за это, онъ смѣетъ принимать къ себѣ этого пса?.. О, это все штука пана-свата! Это онъ выволокъ Ясинскаго на свѣтъ! И съ какою радостью, съ какимъ ехидствомъ передавалъ этотъ выродокъ страшную вѣсть! Вырвать бы ему эти подкрученные усики и лживый, „облеслывый“ языкъ... Есть подозрѣніе на короля и на Оссолинскаго,—вспоминалъ отрывочно Богданъ,—думаютъ и на козацкихъ старшинъ. Да неужели же фортуна захочетъ такъ зло подсмѣяться надъ нами?... Кто дознался, кто додумался, кто?.. А можетъ и ложь?—Богданъ остановился.—Можетъ все выдумалъ онъ для того, чтобы прихвастнуть, чтобы уколоть меня? Ложь, ложь,—крикнулъ Богданъ почти радостно.—Говоритъ, что бывалъ у Оссолинскаго.. гдѣ ему у канцлера бывать? Однако, кто же могъ ему сказать о свадьбѣ? – Богданъ задумался.—Что-жъ дивнаго? Могъ быть въ Варшавѣ, искать мѣста, просилъ у канцлера, ну, и услыхалъ... вѣдь говоритъ—пріемышъ, а пріемышъ у канцлера одинъ...

Богданъ сбросилъ съ головы шапку и придержалъ разгорячившагося коня. Потонувшая въ лунномъ сіяніи степь вѣяла какою-то тихою, элегическою задумчивостью.—Марылька...—прошепталъ онъ тихо, опустивъ незамѣтно поводья и глянулъ, прищуря глаза въ мглистую даль, словно хотѣлъ разглядѣть тамъ въ туманномъ сіяніи дивный образъ, всплывавшій передъ нимъ.

— Четыре года назадъ, четыре года,—проговорилъ онъ задумчиво, незамѣтно для самого себя погружаясь въ волну какого-то сладкаго воспоминанія. Прошло нѣсколько минутъ. Богданъ очнулся.—Ясинскій говоритъ, что замужъ идетъ... Чтожъ, дай Богъ счастья! Лучшая доля!—Невольный вздохъ вырвался у него.—Эхъ, думаю, какой „красуней“ стала! Вѣрно и глазъ не оторвать! Тон-

кая, да гнучкая, бѣлая, какъ морская пѣна, а волнистые золотое волосы и тогда падали до колѣнъ... Что-жъ, и не написала про свою долю „тату“, вѣдь татомъ звала тогда,—усмѣхнулся ѣдко Богданъ.—Э. да что тамъ разбирать!—Нагайка его рѣзко свистнула въ воздухѣ.—Тато-ли, братъ ли, а хотя бъ и мужъ,—женская память до завтрашняго дня.—У Богдана вдругъ поднялась въ душѣ глухая обида.—И за кого идетъ? Вѣрно за какого-либо магната! О, каждый изъ этихъ псовъ радъ полакомиться такимъ ласымъ кусочкомъ! Чтожъ, пусть идетъ, дай Богъ счастья! — повторилъ онъ самъ себѣ нѣсколько разъ,—только названному батьку не мѣшало бы хоть словечко написать! Ну, да вздоръ!—крикнулъ вдругъ Богданъ сердито.—Какое мнѣ до того дѣло, кто за кого замужъ идетъ? Пусть тамъ хоть всѣ черти съ вѣдьмами „въ пеклѣ“ переженятся.—мнѣ наплевать! Вотъ канцлеръ, канцлеръ!—сжалъ онъ въ рукѣ нагайку.—Да и что знаютъ? Вѣрно только шальные слухи... А если довѣдаются о цѣли его поѣздки къ чужеземнымъ дворамъ?!—Ухъ,—заскрипѣлъ Богданъ зубами,—волки дикіе, собаки несытыя, наступили на горло, дохнуть не даютъ! Развѣдали уже и о королевскихъ планахъ! Да еслибы только узнать, кто выдалъ ихъ, колесовать его, четвертовать его, ирода, мало, живьемъ смолою залить! А въ случаѣ открытія заговора, что спасетъ его, Богданову, голову? Ужъ не охранная ли грамота короля?—Взволнованное лицо Богдана искривила ѣдкая, злая насмѣшка.—Нѣтъ, нѣтъ, вонъ тѣ „безглуздые“, саломъ заплывшіе, пьяные, жадные Чаплинскіе, Ясинскіе, Заславскіе,—перечислялъ онъ съ мучительною радостью всѣ знакомыя шляхетскія фамиліи,—они паны, они короли! Кинутъ тебѣ кусокъ — ѣшь и лижи панскую руку, какъ Ильяшъ, какъ Барабашъ, а толкнетъ панъ сапогомъ—притихни, молчи, чтобы крикомъ не разгнѣвать господина... да еще слушай ихъ рѣчи!

Передъ Богданомъ вдругъ встала сразу вся сцена у Чаплинскаго и свой неудачный отвѣтъ и замѣшательство; поздняя, безсильная злоба охватила его... О, что бы онъ далъ, чтобы вернуться теперь сейчасъ туда, чтобы отречься тутъ же, при всѣхъ, отъ своихъ словъ и бросить имъ всѣмъ въ лицо настоящій отвѣтъ! Ахъ, эти рѣчи!

Богданъ скрутилъ въ рукахъ нагайку и, изломавши ее съ сердцемъ на нѣсколько кусковъ, швырнулъ далеко въ степь.—Слушаютъ ихъ, слушаютъ козаки, а какъ сами заговорятъ, такъ попухнутъ чортовы панскія уши отъ козацкихъ рѣчей! А все канцлеръ, канцлеръ! Лисица хитрая, самъ не знаетъ, на какую ногу ступить! И будто за короля горой, и сейма боится, и намъ не хочетъ довѣриться и не открываетъ всего! Ужъ такъ тонокъ... Только забылъ вельможный панъ, что гдѣ тонко, тамъ и рвется. Охъ, тяжело!—вздохнулъ глубоко Богданъ, сбрасывая шапку,—тяжело такъ жить!

Каждый день на сторожѣ—дурить шляхту, дурить своихъ, шляхты бояться, своихъ „зрадцевъ“ остерегаться, да и отъ преданныхъ таиться, и не знать ничего о томъ, что дѣлается тамъ!—Онъ пристально глянулъ въ сторону Варшавы, точно хотѣлъ разглядѣть тамъ что-то за далекимъ горизонтомъ.—А что, если тамъ все порвалось?—Богданъ почувствовалъ, какъ кровь отъ его сердца отлила тихо, медленно и мучительно зазвенѣла въ ушахъ.—Что то готовится въ будущемъ? Что то ждетъ впереди?... Тьма... неизвѣстность. Futurum incertum est,—прошепталъ онъ тихо, опуская голову на грудь.—О, если бы знать, что скрывается тамъ за этимъ темнымъ, непрозрачнымъ покровомъ будущаго: слава, свобода или позоръ и униженіе?... О, если бы хоть на одно мгновеніе приподнять этотъ темный покровъ?—Богданъ перевелъ свои глаза на звѣздное небо.—Возможно ли узнать грядущее? Зачѣмъ судьба скрыла его отъ насъ?... зачѣмъ?... Съ какою звѣздою связана его доля? Съ этою ли крупной, что такъ ярко сіяетъ въ самыхъ лучахъ мѣсяца, или съ той, что робко мерцаетъ въ голубой глубинѣ? Какія таинственныя силы управляютъ ихъ ходомъ?—Богданъ оглянулся; но кругомъ на горизонтѣ лежала только серебристая мгла.—Но, есть же люди, которымъ извѣстны и эти темныя, невѣдомыя силы, что управляютъ ими и вліяютъ на долю людей...

Сердце Богдана забилось сильнѣй и сильнѣе. Давно ужъ съ самаго возвращенія изъ за-границы, всѣ эти мысли глухо волновали его. Постоянное неопредѣленное положеніе вызывало страшную жажду знанія исхода задуманныхъ предпріятій, а видѣнное имъ за-границей всеобщее увлеченіе астрологіей захватило и Богдана своею волной. Мысли о вліяніи звѣздъ, о таинственныхъ темныхъ силахъ, управляющихъ судьбою людей, съ тѣхъ поръ не покидали его. Смутная тревога охватила Богдана.—Такъ, такъ для нихъ нѣтъ тайны, продолжалъ онъ размышлять, вспоминая знаменитыхъ астрологовъ и предвѣщателей, видѣнныхъ имъ въ чужихъ краяхъ;—предъ ними все открыто, какъ на ладони... они держатъ всѣ эти нити, двигающія человѣческую жизнь.—Вдругъ въ головѣ его ясно встали слова Чаплинскаго о ворожкѣ, такъ изумительно предсказывавшей всѣмъ судьбу.—Она можетъ и „привороту“,—и „отвороту“ дать,—повторилъ онъ почему то его слова и тутъ же разсердился на самого себя.—Э, да что тамъ приворотъ? Она можетъ сказать ему, что его ждетъ впереди! Гдѣ же живетъ она?... Говорили на Чортовомъ Яру, въ литовскихъ Вилахъ?—вспоминалъ уже лихорадочно Богданъ, собирая поводья и стискивая шенкелями коня. Часъ ночной... дремучій лѣсъ... можетъ быть и нападеніе... кто знаетъ?—пролетали въ его головѣ обрывки осторожныхъ соображеній, но желаніе узнать свое будущее

сегодня же, сейчасъ же, такъ сильно охватило Богдана, что онъ рѣшительно повернулъ коня и поскакалъ по степи въ томъ направленіи, гдѣ долженъ былъ находиться огромный сосновый боръ.

Быстрая скачка не освѣжила его,— наоборотъ, съ каждымъ шагомъ коня сердце его стучало еще поспѣшнѣе и тревожнѣе. Кровь приливала къ головѣ и оглушительно шумѣла въ ушахъ. Вотъ вдалекѣ показалась темная полоса лѣса; вотъ она разростается еще шире, заняла весь горизонтъ. Еще нѣсколько минутъ и передъ Богданомъ ясно вырѣзались верхушки столѣтнихъ сосенъ, поднявшихся надъ общею линіей лѣса.

Гдѣ же искать колдунью?—соображалъ торопливо Богданъ.— Говорили, гдѣ-то недалеко отъ опушки, на старой мельницѣ, надъ глубокимъ „бурчакомъ“...

Лошадь въѣхала подъ густую тѣнь лѣса. Несмотря на лунную ночь, здѣсь было почти темно. Черныя, мохнатыя верхушки сосенъ медленно покачивались, издавая какой-то зловѣщій шумъ. Блѣдныя пятна луннаго свѣта, падавшія то здѣсь, то тамъ на обнаженные стволы, казались какими-то неопредѣленными, скользящими тѣнями, кивавшими изъ-за деревъ. Конь ступалъ медленно, вздрагивая и настороживая уши при каждомъ трескѣ вѣтки, попадавшейся подъ его ногу. Вскорѣ узенькая тропинка свернула налѣво, и Богданъ очутился на краю глубокаго песчанаго обрыва, въ глубинѣ котораго мчался мутный и быстрый ручей. Огромныя сосны съ обнажившимися корнями свѣшивались съ береговъ оврага, а нѣкоторыя, обвалившись, образовали висячіе мосты. Уже спустившійся къ горизонту мѣсяцъ освѣщалъ таинственнымъ, тусклымъ свѣтомъ дикую суровую мѣстность.

Вскорѣ оврагъ немного понизился, и Богданъ замѣтилъ невдалекѣ на разлившемся небольшимъ прудомъ ручьѣ ветхую, посѣрѣвшую отъ времени мельницу съ полуизломаннымъ колесомъ, торчавшимъ изъ воды, словно скорченные пальцы утопленника. Въ развалившейся крышѣ темнѣли тамъ и сямъ огромныя дыры. Пара огромныхъ летучихъ мышей то и дѣло влетали и вылетали изъ этихъ черныхъ отверстій. Ни малѣйшаго признака присутствія живого человѣка нельзя было замѣтить въ этой старой развалинѣ. Богданъ слѣзъ съ коня и осторожно спустился съ нимъ на развалившуюся плотину. Вода въ запрудѣ казалась черной, густой и глубокой; кругомъ все было тихо, мертво; черныя сосны не шевелились, только тонкія струйки воды, капая съ неподвижныхъ лотоковъ, издавали таинственный, зловѣщій звукъ, да иногда раздавался съ сосѣдней сосны мрачный крикъ пугача: „поховавъ! поховавъ!“

Богданъ осмотрѣлъ свои пистолеты, ощупалъ кинжалъ, саблю, крестъ на шеѣ и принялся стучать въ окно. Долго стучалъ онъ

безуспѣшно, наконецъ, внутри мельницы послышался тихій шорохъ,—дверь пріотворилась и на порогѣ показалось существо женскаго рода, но на столько отталкивающее и ужасное, что Богданъ невольно попятился назадъ.

Это было что-то невообразимо худое и костлявое, одѣтое въ рваные отрепья. Длинная птичья шея и руки старухи были обнажены; каждая кость, каждая жила выступали на нихъ рельефно изъподъ коричневой сморщенной кожи. Голову старухи покрывали сѣдые, всклокоченные волосы, спускавшіеся такими же запутанными узлами до самаго пояса. Одно вѣко ея было полуопущено, и изъподъ него глядѣлъ неподвижный зеленый глазъ; другой же, открытый, такъ и впился въ лицо Богдана.

— Ночь настала... Мѣсяцъ спустился... Пугачъ проснулся... Лѣшій не спитъ..,—зашипѣла она, вытягивая длинныя, костлявыя руки съ огромными черными ногтями.—Зачѣмъ ты ходишь, чего тебѣ нужно? Уходи, спѣши!

Но Богданъ уже овладѣлъ собою.

— Не трудись, старая вѣдьма, не испугаешь, не робкаго десятка!—остановилъ онъ ее смѣлымъ голосомъ.—Погадать пріѣхалъ; говорятъ, ты можешь каждому долю развѣдать.

Старуха, казалось, опѣшила сразу отъ такого смѣлаго обращенія.

— Пугачъ кричитъ... Лѣшій близко... Страшно, страшно! — завопила она снова, вытягивая свои руки къ Богдану и впиваясь въ него зрячимъ глазомъ.

Богдану сдѣлалось жутко.

— Что за вздоръ мелешь?—крикнулъ онъ на старуху.—Говори, можешь-ли долю мою разгадать? Скажешь,—онъ выбросилъ на руку нѣсколько червонцевъ,—твои будутъ, а будешь дурить, такъ и этимъ попотчую!—взялся онъ за прикладъ своего пистолета.

Колдунья бросила на него хищный взглядъ.

— Иди, иди!—проговорила она нараспѣвъ, выходя изъ мельницы и затворяя за собой дверь.

Однако, Богданъ пропустилъ ее изъ предосторожности впередъ, а самъ послѣдовалъ за нею. Ловко и легко, словно дикая кошка, начала она спускаться съ плотины подъ лотоки. Здѣсь внизу было и темно, и сыро, а вода казалась еще чернѣе и глубже, и словно притягивала къ себѣ козака. Богданъ едва поспѣвалъ за старухой, придерживаясь за выступы балокъ, покрытыхъ сырою и холодною плѣсенью. Нѣсколько разъ ему показалось, что изъ-подъ руки его выскользнуло что-то скользкое и холодное, не то ящерица, не то змѣя. Нѣсколько разъ онъ останавливался, и тогда старуха поворачивалась къ нему и, вытягивая костлявыя руки, повторяла своимъ

шипящимъ голосомъ: „Иди, иди, иди!“ Такъ достигли они противоположнаго берега и пошли вдоль него, подымаясь вверхъ по теченію потока. „Бурчакъ“, расширенный въ этомъ мѣстѣ плотиною, начиналъ кверху снова съуживаться, тѣснимый подступившими съ обѣихъ сторонъ крутыми и высокими берегами. Чѣмъ дальше подвигались они, тѣмъ выше подымались отвѣсные берега, а сдавленный потокъ ворчалъ все сердитѣй и грознѣй.—Наконецъ, старуха остановилась.

— Стой!—закричала она Богдану.

Богданъ оглянулся кругомъ. Ручей въ этомъ мѣстѣ круто подрѣзывалъ берегъ, образуя нѣчто въ родѣ пещеры; огромные корни вывороченной сосны, свѣсившіеся сверху, почти закрывали въ нее входъ, такъ что проскользнуть туда было довольно трудно. Сюда то, въ это темное логовище и вошла старуха.

— Стой, не шевелись!—продолжала она шипѣть, обводя Богдана таинственнымъ кругомъ, начерченнымъ на пескѣ.

— Дай саблю сюда!

Безпрекословно снялъ Богданъ саблю и отдалъ ее старухѣ.

Въ темнотѣ Богданъ услыхалъ только шипящій голосъ колдуньи, произносившій какія-то непонятныя заклинанія. Вдругъ раздался рѣзкій свистъ стали: старуха вырвала саблю изъ ноженъ, воткнула ее въ землю, а сама начала быстро кружиться вокругъ нея, издавая дикіе, непріятные звуки... Богдану сдѣлалось жутко. Что это ему показалось?... Но нѣтъ, нѣтъ... каждый крикъ старухи повторяли тысячи другихъ голосовъ, то близкихъ и рѣзкихъ, то отдаленныхъ и глухихъ. Между тѣмъ старуха носилась вокругъ сабли все быстрѣй; каждую минуту она взбрасывала вверхъ свои костлявыя руки, и Богданъ видѣлъ каждый разъ ясно пятна какого-то страшнаго зеленоватаго свѣта, вспыхивавшія вдругъ на рукахъ старухи и освѣщавшія на мгновенье ея искаженное лицо, сѣдыя космы, летающія вокругъ головы, и черныя стѣны пещеры... Онъ чувствовалъ, какъ волосы начинали тихо подыматься у него на головѣ. Между тѣмъ, крики и вопли старухи раздавались все громче и громче... Казалось, весь лѣсъ наполнился тысячью безумныхъ голосовъ. Испуганный этимъ шумомъ пугачъ разразился дьявольскимъ хохотомъ и покрылъ всѣ безумные голоса. Наконецъ, старуха остановилась: она дышала тяжело и отрывисто. Привыкшими къ темнотѣ глазами Богданъ замѣтилъ, какъ порывисто подымалась ея тощая грудь подъ грязными лохмотьями; зрячій, зеленый глазъ старухи казался какимъ-то горячимъ угломъ, воткнутымъ въ глубокую впадину, а мертвый—такъ и не отрывался отъ Богдана, тускло выглядывая изъ-подъ опустившагося вѣка.

На мѣсяцъ набѣжало облако, и въ пещерѣ стало совершенно темно. Старуха вырвала изъ земли саблю, провела по ней рукой и вдругъ вся сабля засвѣтилась какимъ-то зеленымъ, бѣлесоватымъ свѣтомъ, словно какой-то бѣлый дымъ заклубился надъ нею... Съ ужасомъ глядѣлъ Богданъ, а странный клубящійся дымъ то совсѣмъ заволакивалъ саблю, то подымался надъ нею, и тогда узкій клинокъ блестѣлъ страннымъ, невиданнымъ свѣтомъ.

— Вижу, вижу,—заговорила отрывисто старуха, то нагибаясь надъ саблей, то вглядываясь въ мужественныя черты Богдана, то снова переводя свои глаза на дымящуюся стальную полосу.

— Кругомъ тебя туманъ, туманъ... ничего не видно... боишься чего-то... ждешь большой бѣды... Такъ-ли я говорю?

— Коли назвалась колдуньей, тебѣ лучше знать,—отвѣтилъ сдержанно Богданъ; но въ душѣ его мелькнуло невольно:—правду, правду говоритъ, туманъ кругомъ... ничего не видно, боюсь бѣды...

— Знаю, знаю, все знаю!—крикнула старуха;-семь сестеръ—семь звѣздъ,—забормотала она тихо,—правая кривая, лѣвая глухая, помоги, помоги!...

— Помоги!—раздалось глубоко въ ущельѣ и то же слово повторилъ далеко, далеко еще разъ чей-то глухой, подземный голосъ. Богданъ почувствовалъ, какъ непріятная дрожь пробѣжала у него по спинѣ.

— На сердцѣ у тебя рана; думаешь, заросла?... Не заросла! нѣтъ, нѣтъ, вижу, сочится изъ нея кровь тоненькою струей,—продолжала старуха, не отрывая глазъ отъ Богдана.

— Марылька!—мелькнуло вдругъ у него въ головѣ и какая-то горячая волна залила его лицо.—Что-жь дальше?!—крикнулъ онъ нетерпѣливо.

— Тоскуешь, томишься,—продолжала старуха, вглядываясь въ клубы зеленоватаго дыма,—туманъ, туманъ, звѣзда твоя сіяетъ далеко, далеко, кругомъ много звѣздъ, и большихъ, и малыхъ. Жди, жди! Скоро она скатится къ тебѣ на „стриху“ и зажжетъ все.

Послѣднихъ словъ Богданъ не слыхалъ. „Марылька, Марылька,—это она!“—мелькало въ его головѣ.

— Туманъ разорвался!—продолжала лихорадочно старуха, хватая Богдана за руку.—Я вижу, вижу,—солнце всходитъ, блеститъ все кругомъ, загорается!—закричала она хриплымъ голосомъ. И весь лѣсъ огласился одушевленными криками: „Загорается, загорается!“

Богданъ почувствовалъ, какъ горячая кровь хлынула въ его лицо, уши и сердце. Оно билось такъ бурно, что, казалось, готово было лопнуть въ груди; шумъ наполнялъ его уши, а въ головѣ

подымались какимъ-то смутнымъ одуряющимъ чадомъ предсказанія старухи.

А старуха продолжала дальше, почти задыхаясь сама.—Всѣ звѣзды тухнутъ передъ солнцемъ, оно одно на ясномъ небѣ огнемъ горитъ высоко, высоко. Но вотъ, вотъ подымаются черныя хмары, сюда, сюда плывутъ, хотятъ скрыть блестящее солнце. Нѣтъ, нѣтъ, не скроютъ! Вѣтеръ примчался. Буря, буря! Громъ! Блискавица!—кричала она дико, подымая свои костлявыя руки.—Море запѣнилось! Встаетъ! Волны поднялись! Ужасъ!! Ужасъ!!—Старуха остановилась и отбросила съ лица сѣдыя космы волосъ. Грудь ея высоко подымалась, на губахъ выступила бѣлая пѣна, жилы на худой шеѣ надулись, словно веревки.

— А дальше, дальше что?—крикнулъ нетерпѣливо Богданъ.

— Довольно, больше не спрашивай!—прохрипѣла уставшимъ голосомъ старуха.

— Все, все, до конца хочу знать!

— Мѣсяцъ спустился, разсвѣтъ недалеко, мышь улетѣла, пугачъ скрылся... страшно, страшно!—прошептала старуха.

— Все говори, вѣдьма, все до конца!—схватился за пистолеты Богданъ и бросилъ ей въ руку два червонца.—Скажешь—еще дамъ, а не скажешь—убью!

Но старуха уже носилась вокругъ обнаженной сабли въ своей изступленной, безумной пляскѣ. Снова громкіе вопли и безсвязныя слова огласили весь воздухъ. Наконецъ, старуха нагнулась надъ саблей и вдругъ съ громкимъ воплемъ отшатнулась назадъ.—Кровь!—закричала она дикимъ, нечеловѣческимъ голосомъ.

— Кровь!—подхватилъ невидимый голосъ и раскатился по всему лѣсу одинъ изступленный крикъ.—Кровь! Кровь! Кровь!

Схватилъ Богданъ саблю и какъ безумный бросился изъ ущелья; какъ безумный мчался онъ вдоль берега, рискуя ежеминутно свалиться въ воду, а дикій крикъ все гнался за нимъ.

Добравшись до Бѣлаша, онъ вскочилъ въ сѣдло и, пустивши поводья, полетѣлъ напрямикъ. Вскорѣ деревья начали рѣдѣть, свѣтлыя полоски показались между нихъ, и черезъ нѣсколько мгновеній Богданъ очутился уже на опушкѣ лѣса. Степь дохнула ему въ лицо свѣжею живительною прохладой. Мѣсяцъ уже совсѣмъ спустился надъ горизонтомъ и казался теперь какимъ-то красно-золотымъ и тусклымъ. На блѣдномъ небѣ потухали звѣзды; только одна горѣла надъ востокомъ ярко и чисто, словно гигантскій изумрудъ. Вѣялъ прохладный предразсвѣтный вѣтерокъ.

Проскакавши около версты, Богданъ пришелъ, наконецъ, въ себя и оглянулся назадъ. Лѣсъ уже виднѣлся на горизонтѣ только

темною полосой. Богданъ бросилъ шапку, провелъ нѣсколько разъ рукой по головѣ и вздохнулъ широко, полною грудью.

— Ухъ!—вырвался у него облегченный, радостный вздохъ.

Сердце его стучало учащенно, бодро и сильно.—Что говорила, что обѣщала ему старуха?—старался онъ вспомнить обрывки предвѣщаній колдуньи.

— Да, да, она, звѣзда моя, скатится ко мнѣ, туманъ разорвется скоро, солнце засіяетъ, разгонитъ тучи, бурю... А дальше что говорила она? Кровь! Такъ, война, война! Чего-же бояться крови? Правда твоя, колдунья,—кровь впереди! Такъ, значитъ, всѣ эти панскіе набрехи—ложь; ложь и о заговорѣ и о ней! Колдунья знаетъ, ей все извѣстно, она не солжетъ!—Богданъ сжалъ рукою сердце.—О, когда-бы только поскорѣе, когда-бы хоть одна радостная вѣсть! Но тише, терпѣнье, терпѣнье... „Туманъ,—говоритъ она,—разорвется скоро и солнце засіяетъ, и погаснутъ всѣ звѣзды передъ нимъ!“

Богданъ поднялся въ стременахъ и глянулъ въ ту сторону, гдѣ находился Чигиринъ; тамъ уже опускалась за горизонтъ красная и круглая луна. Надъ Субботовымъ свѣтлѣло небо. Что то дѣлаетъ теперь пышное панство? Вѣрно лежатъ уже всѣ „покотомъ“ подъ лавами на коврахъ.—Что-же, пируйте, пируйте, ясновельможное панство,—улыбнулся смѣло Богданъ,—тѣшьтесь заморскими винами да сластями, издѣвайтесь надъ человѣкомъ, а мы—люди привычные, мы и ночь не поспимъ, а подумаемъ да потрудимся для васъ.

Впереди уже виднѣлись неясныя очертанія Субботова.

Богданъ потрепалъ Бѣлаша по шеѣ:

— Ну, сынку, собери силы, вотъ и домъ! Мало-ли исколесили за ночь!

Онъ пустилъ коню повода, и Бѣлашъ, замѣтивъ издали хуторъ, весело заржалъ и пустился вскачь.

Смѣлыя, бодрыя мысли толпою осаждали голову Богдана; но среди нихъ то и дѣло вырѣзывался дивный образъ Марыльки, такъ неожиданно воскресшій передъ нимъ.

Вотъ и Субботово. Богданъ остановился у воротъ и началъ стучать въ нихъ торопливо эфесомъ сабли.

Вскорѣ ворота отворились. Сопровождаемый радостнымъ визгомъ собакъ, Богданъ подскакалъ къ крыльцу и, бросивши поводья сонному козачку, хотѣлъ-было взойти на рундукъ и пройти на свою половину, какъ вдругъ двери быстро распахнулись, и на порогѣ показалась Ганна въ наброшенномъ на-скоро байбаракѣ.

— Что случилось, Ганна?—остановился въ изумленіи Богданъ.

— Не идите туда, дядьку, нельзя: вамъ постлано на томъ рундукѣ,—заговорила она торопливымъ шепотомъ.—Какой-то панъ пріѣхалъ къ дядьку изъ Варшавы. Мы постелили ему тамъ...

— Ко мнѣ! Изъ Варшавы?—только могъ вскрикнуть Богданъ, чувствуя, какъ отъ бурнаго прилива радостнаго волненія дыханіе захватило ему въ груди. „Туманъ разорвется скоро,—вдругъ вспомнились ему слова колдуньи,— а можетъ быть, просто заѣхалъ по дорогѣ знакомый, а у меня уже и радость затрепетала".

— Но откуда ты знаешь, что панъ изъ Варшавы? Кто говорилъ тебѣ, кто?

— Слуги панскіе. Они сообщили, что панъ ихъ ѣдетъ прямо изъ Варшавы.

— Господи! Не отринь!—перекрестился только Богданъ.

Встало блестящее солнце, зажгло сверкающимъ огнемъ крестъ на Субботовской церкви, позолотило верхушки вѣтвистыхъ липъ и стройныхъ тополей въ „гайкѣ" за „будынкомъ", окрасило яркимъ пурпуромъ бѣлыя трубы на хатахъ, разсыпалось лучами по скирдамъ и стожкамъ на гумнѣ, заиграло весело въ свѣтлыхъ струяхъ Тясмина и заглянуло, наконецъ, черезъ „гай" на широкій „рундукъ", гдѣ на коврѣ въ смѣлой позѣ спалъ непробуднымъ сномъ самъ господарь. Вчерашняя попойка, душевныя потрясенія, усилія воздержаться отъ вспышки, бѣшенная скачка и перечувствованный паническій ужасъ гаданья до того утомили Богдана, что онъ, несмотря на пріѣздъ интереснаго гостя, свалился въ одеждѣ на „кылымъ" и сразу заснулъ мертвымъ сномъ.

Уже Ганна сдѣлала всѣ распоряженія по хозяйству, приготовила „сниданокъ" и второй разъ подошла къ „рундуку" узнать, не проснулся-ли дядько? Но дядько, повернувшись прямо къ солнцу лицомъ, все еще богатырски храпѣлъ. Пожалѣла будить его Ганна и пошла въ пасѣку принести отъ дѣда свѣжихъ сотовъ къ „снеданку".

А прибывшій гость давно уже всталъ и гулялъ по „гайку", наслаждаясь и прохладною тѣнью роскошныхъ деревъ, и ясностью безмятежнаго утра, и легкостью воздуха, напоеннаго ароматомъ свѣжаго сѣна и меда.

Вышедши изъ „гайка", остановился онъ на пригоркѣ, откуда видна была свѣтлая лента рѣки, укрытая поникшими вѣтвями серебристыхъ вербъ, а дальше за Тясминомъ волновалось золотомъ море полей, обрамленное сизыми контурами дальнихъ лѣсовъ.

— Какая роскошь, какая прелесть!—восторгался мысленно гость.— Да, этотъ край одаренъ всѣмъ отъ Бога, потому то насиліе и алчность стремятся сюда съ обагренными руками въ крови, и не оста-

новится это преступное стремленіе ни передъ чѣмъ... Только могучая, вооруженная рука остановить его сможетъ!

Незнакомецъ снялъ шапку съ бобровой опушкой, провелъ рукою по шелковистымъ пепельнымъ волосамъ и призадумался. На видъ ему было лѣтъ сорокъ, не болѣе. Смуглое, мужественное лицо, съ выразительными голубыми глазами и смѣло очерченнымъ носомъ, дышало искренностью и прямотой; стройный, гибкій станъ и энергическія движенія изобличали силу и хорошо сохранившійся огонь юности.

Возвращаясь съ пасѣки, Ганна наскочила на пріѣзжаго пана и оторопѣла съ огромною миской въ рукахъ.

— Ой, на Бога! Вельможный панъ уже всталъ... Можетъ быть, была „невыгода“?

— Вояку то, панно? Да нашъ братъ и на „гарматахъ“ спитъ всласть, а на перинахъ и подавно.

— Отчего-жъ панъ такъ рано?—замялась она.—Такъ я разбужу „заразъ“ дядька...

— Не тревожь его, пышная панна,—улыбнулся гость,—мы—старые знакомые... Я прошелся въ проходку отлично. Здѣсь кругомъ такая утѣха для глаза—смотрѣлъ бы и не насмотрѣлся.

— Да, мѣста здѣсь пріятныя,—взглянула на свою ношу Ганна и вспыхнула,—а по „тотъ бокъ“ Тясмина еще лучше.

— Рай, эдемъ,—улыбнулся гость,—и обитательницы его такія же.

Панна Ганна еще болѣе вспыхнула и не нашлась что отвѣтить.

— Немудрено, что онъ привлекаетъ къ себѣ все наше панство,—продолжалъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ гость,—какъ обѣтованная евреямъ земля, сулитъ онъ и богатства, и радости.

— Если вельможному пану нравится,—нѣсколько оправилась Ганна,—то какъ же этотъ край дорогъ намъ!

— Понимаю и не удивляюсь, что ваши братья и отцы защищаютъ, какъ львы, каждую пядь.

— Какъ же свое, споконвѣчное да не защищать?—опустила Ганна рѣсницы, и стрѣльчатая тѣнь побѣжала по ея поблѣднѣвшимъ щекамъ,—тутъ и родились, и крестились, и выросли... что былинка, что кустикъ—родные.

— Мнѣ самому дороги эти чувства,—не сводилъ пріѣзжій съ Ганны очей,—и я презираю тѣхъ, кто посягаетъ на чужое добро и покой.

— Какъ? Панъ... католикъ, и такое?...—подняла она не него лучистые и свѣтлые, какъ утро, глаза.

— Къ сожалѣнію, этому панна имѣетъ право не вѣрить. Но между панами католиками есть все-жъ и такіе, что, кромѣ себя, любятъ другихъ и которымъ противно насиліе.

Недовѣрчиво покачала головой Ганна:

— Я что-то не слыхала.

— Клянусь паномъ Богомъ и карабелой!—воскликнулъ искренно гость,—есть и такіе, хотя ихъ и мало.

— Какъ-бы это было хорошо,—тихо про себя замѣтила Ганна.

— Да, перестала-бы литься кровь, намъ-бы „жолнерамъ“ былъ отдыхъ, братьями-бы стали...

— Охъ, нѣтъ! Полякъ не можетъ признать насъ за братьевъ,—грустно вздохнула Ганна.—Католикъ презираетъ и нашу вѣру, и насъ... Развѣ панъ не католикъ?

— Нѣтъ, панно, католикъ; но не презираю ни вашей вѣры, ни васъ.

— Кто-жъ такой панъ?— взглянула въ глаза ему Ганна и зардѣлась яркимъ румянцемъ.

— „Уродзонный“ шляхтичъ,—засмѣялся пріѣзжій,—полковникъ его королевской милости войскъ, Радзіевскій,—поклонился онъ, ловко брякнувъ длинными шпорами.

Въ это время показалась изъ-за густыхъ кленовъ статная фигура Богдана; торопливо и сконфуженно подошелъ онъ къ своему гостю, простирая издали руки.

— Простите, дорогой пане-полковнику... Заспалъ, какъ „дытына“... Сроду со мной не бывало такого... Ну, привѣтъ же вамъ и миръ!—привѣтствовалъ Богданъ своего гостя.

Радзіевскій обнялъ и поцѣловалъ Богдана, подставляя, впрочемъ, больше свои щеки.

— Какія тамъ извиненія? Я соблазнился панскимъ „гаемъ“ и всталъ рано, вотъ и все,—отвѣчалъ онъ.

— Кого, кого, а найпаче вельможнаго пана не ожидалъ,—искренно радовался гостю Богданъ.—Мнѣ и говорила Ганна, что кто-то пріѣхалъ, да я такъ былъ уставши, что мимо ушей пропустилъ... Просто и на думку не спадало, чтобъ мнѣ такая честь и радость... Такъ пойдемъ-же до „господы“... Милости прошу... Я такъ радъ.

— Спасибо, спасибо на ласковомъ словѣ,—пожалъ еще разъ руку Богдану полковникъ,—но у пана и здѣсь такая роскошь, что не оторвался-бы.

— Пріятно мнѣ это слышать... Нашему брату шатуну-„заволокѣ“ нѣтъ ничего отраднѣе, какъ свое гнѣздо... Вѣдь все это дѣло вотъ этихъ лопатъ,—развернулъ Богданъ свои мощныя длани,—батько построилъ только „будынокъ“ у этого „гаю“, а то все была пустошь... А я уже и самый „будынокъ“ перестроилъ, а потомъ и

все „дворище“, и всѣ хозяйскія постройки... Завелъ и садокъ, и „млынокъ“.

— Чудесно, пышно!—восторгался гость.—Просто такой уголокъ, что всякъ позавидуетъ.

— А поселокъ и другіе еще хутора, еслибъ панъ видѣлъ!—не удержалась похвалиться и Ганна.

— То уже дѣло этой головки,—указалъ съ радостною улыбкой на Ганну Богданъ,—и этихъ дорогихъ рукъ.

— Дядьку, что вы такъ хвалите,—вспыхнула она заревомъ,—что при вашей головѣ всѣ?

— Ишь,—дотронулся онъ ласково до ея плеча,—какъ она дядька расхваливаетъ!—и потомъ, обратясь къ Радзіевскому, съ чувствомъ сказалъ:—золотое сердце! Всѣхъ это она, гонимыхъ правды ради, здѣсь пріютила, призрѣла, и на ея ласковый зазовъ стали расти хутора и поселки... А какой это славный народъ мои „подсосѣдки!“ Душа въ душу живемъ! И Господь милосердный не оставляетъ щедротами ни ихъ, ни „властителя“.

Ганна вся зардѣлась отъ дядькиныхъ рѣчей и не могла произнести ни одного слова; грудь ея волновалась, трепетала, глаза были полны слезъ.

— Вотъ это бы и нашимъ въ примѣръ,—мотнулъ головой Радзіевскій,—только у насъ, бѣдныхъ, нѣтъ такихъ золотыхъ сердецъ, а черезъ то нѣтъ ни такого тихаго рая, ни такой душевной отрады.

— Эхъ, пане полковнику!—воскликнулъ тронутымъ голосомъ Богданъ,—если бы среди шляхты хоть сотая доля была такой думки...—и взглянувши на Ганну, готовую расплакаться, весело измѣнилъ тонъ:—э, да мы совсѣмъ застыдили мою „доню“... Знаете-ли что? Ужъ коли пану такъ нравится мое логовище, то я покажу его мосци еще мою пасѣку.

— Чудесно!—потеръ руки гость.—И утро, и воздухъ,—не надышался-бы.

— Такъ знаешь, что, Ганно?—положилъ ей на голову руку Богданъ.—Тащи-ка намъ весь снѣданокъ на пасѣку, да не забудь оковитой, наливокъ и холоднаго пива, а эту миску съ сотами давай мнѣ, чтобы два раза не таскать.

Ганна была рада скрыть захватившее ее волненіе и почти бѣгомъ бросилась исполнять волю дядька: стройная фигура ея только мелькала между изумрудною листвой, пронизанною золотыми лучами.

Въ пасѣкѣ, въ углу надъ кручей, подъ тѣнью разложистыхъ липъ, былъ разостланъ коверъ и положены мягкія сафьяновыя подушки; тутъ-же, на низкихъ турецкихъ столикахъ, разставили разныя горячія и холодныя кушанья да всевозможнѣйшія фляги и жбаны

напитковъ. Отсюда видъ былъ хотя и не такой широкій, но еще болѣе прелестный въ деталяхъ. За кручей игралъ жемчужно-пѣнистою чешуей Тясминъ; на другой сторонѣ черезъ рѣку шумѣлъ колесами млынъ; вода съ нихъ спадала алмазнымъ дождемъ и играла ломанною радугой въ глубинѣ рѣчки. Влажная пыль, насыщая воздухъ прохладой, доносилась даже до выбраннаго для завтрака мѣста; позади его тянулись подъ липами правильными рядами накрытые деревянными кружочками ульи; широко вокругъ пестрѣли душистыя медоносныя травы...

Насытившись солидными и вкусными блюдами, сотрапезники перешли къ „легуминамъ“ (сластямъ) и къ свѣжимъ сотамъ, запивая ихъ чудными наливками и холоднымъ пивомъ. Прислуга и Ганна оставили ихъ однихъ. Игривый, полусвѣтскій разговоръ, пересыпанный восторгами, комплиментами гостя и радушными припрашиваньями „господара“ съ Ганной, теперь сразу упалъ; чувствовалась необходимость перейти на болѣе серьезныя и интимныя темы, а Богданъ не рѣшался, боялся... А что, если Радзіевскій просто заѣхалъ къ нему по дорогѣ, какъ давній знакомый, безъ всякихъ дѣлъ, безъ всякихъ отъ кого-бы ни было порученій? И всѣ эти радужныя мечтанія и наполнявшія его сердце волненія окажутся глупыми недоразумѣніями отуманенной вѣдьмовскими чарами головы? Что, если такъ? И Богданъ съ трепетомъ приступилъ, потолковавъ вообще о козачьихъ дѣлахъ и о направленіи панской политики, къ нѣкоторымъ близкимъ его сердцу разспросамъ.

— Панъ изъ Варшавы ѣдетъ?

— Изъ Варшавы, изъ Варшавы,—отвѣтилъ коротко гость, смакуя сливянку.

— Должно быть, перемѣнилась, давно не былъ,—мялся Богданъ, раскуривая „люльку“.—Панъ былъ тамъ у кого-нибудь, или заѣзжалъ только?

— Да, былъ у Оссолинскаго; отъ него ѣду.

Стукнуло у Богдана сердце. Можетъ быть, порученіе какое-либо, или важное извѣстіе? Но при этомъ блеснула ему въ голову и мысль о Марылькѣ: пьяная болтовня Ясинскаго про канцлера и его семью, хотя и не заслуживала довѣрія, а все таки до сихъ поръ сидѣла гвоздемъ въ его сердцѣ.

— Его княжья мосць одинъ теперь въ Варшавѣ, или съ семьей?—спросилъ онъ робко.

— Нѣтъ, со всею семьей.

— Ахъ, да,—вздохнулъ невольно Богданъ и почувствовалъ, что у него по спинѣ поползли муравьи,—я слыхалъ, что канцлеръ будетъ двѣ свадьбы играть—дочери и пріемыша?...

— Ничего подобнаго не слыхалъ, а мнѣ бы онъ сказалъ, да и пани канцлерова никогда бы не скрыла.

— Такъ это брехня?—черезчуръ радостно изумился Богданъ, и, чтобы замять эту прорвавшуюся неловкость, началъ усердно угощать гостя ратафіей.

— Конечно,—посмотрѣлъ на него пристально Радзіевскій—я самъ ихъ при отъѣздѣ видѣлъ... Одна изъ нихъ, не помню уже которая, только удивительной красоты,—такъ даже просила передать пану поклонъ...

Богдану захватило духъ отъ волненія; онъ ощутилъ глубоко въ груди, въ тайникахъ, гдѣ зарождаются чувства, какую-то клокочущую радость, которая огнемъ подымалась по жиламъ и зажигала его дыханіе: правду, значитъ, говорила колдунья... Коли одно правда, то и все...

Чтобы скрыть свое волненіе, Богданъ порывисто всталъ, прошелся немного, осмотрѣлся кругомъ и потомъ, подсѣвши къ гостю поближе, рѣшительно уже спросилъ:

— Что же новаго привезъ намъ дорогой гость и чѣмъ можетъ панъ-полковникъ порадовать?

— Много и печальнаго, и весьма утѣшительнаго,—оглянулся подозрительно Радзіевскій.

— Здѣсь, пане-полковнику, безопаснѣй, чѣмъ въ запертой на засовъ свѣтлицѣ,—завѣрилъ Богданъ: —кромѣ глухого „пасишника“—вонъ въ томъ „куринѣ“—нѣтъ ни духа, да и видно далеко кругомъ...

— Это отлично,—успокоился Радзіевскій,—потому, что я съ паномъ хочу говорить откровенно, какъ воинъ съ воиномъ, по душѣ, и клянусь „найсвѣнтшимъ пацежемъ“, что въ моихъ словахъ не будетъ ни лжи, ни лукавства...

— Этому и безъ клятвы я вѣрю,—улыбнулся Хмельницкій,—стоитъ только взглянуть пану-полковнику въ очи, такъ по нимъ, что по книгѣ, можно читать всѣ думки и видѣть всю душу.

— Я не зналъ, что у меня такія болтливыя очи,—засмѣялся полковникъ,—а то бы надѣлъ „окуляры“.

— Не болтливыя, пане, а не лживыя, не такія, какъ у его княжьей мосци нашего канцлера,—откровенничалъ смѣло Богданъ, зная, что Радзіевскій не долюбливалъ Оссолинскаго за двуличность и стремился самъ поближе стать къ королю,—у тѣхъ-то ничего не прочтешь,—мутная слюда и только! Да онъ и рѣчью кудрявой завернетъ такъ свою думку, что и хвоста ея не поймаешь... Слушаешь, слушаешь, ловишь... вотъ, кажись, ужъ въ рукѣ... анъ „зыркъ“!—словно вьюнъ и выскользнулъ...

— Ха! Захотѣлъ панъ кого ловить! Его не поймаетъ и кіевская вѣдьма и не разгадаетъ литовскій колдунъ! Я бы даже и не довѣрился этому хамелеону, да что дѣлать: мало у насъ искренно преданныхъ королю и благу „ойчизны“ людей, выбора нѣтъ. Я говорю о стоящихъ у кормила государственнаго корабля, — Конецпольскій дряхлый, умирающій, Любомірскій князь, молодой Остророгъ вашъ Кисель, Казановскій да и обчелся... Ну, изъ меньшей братіи еще найдется.

— Эхъ,—вздохнулъ горько Богданъ,—если-бъ на эту меньшую братію да на „простолюдъ“ искренно положились, то плюнь мнѣ татаринъ въ усы, коли-бъ не имѣли такой опоры, такого „мура“, изъ-за котораго не страшно бы было не то „королятъ“, а и самого бѣса съ рогами.

— Я въ этомъ глубоко убѣжденъ и стремлюсь убѣдить короля, чтобы онъ пересталъ колебаться и гнуться то туда, то сюда съ Осолинскимъ, какъ въ краковякѣ.

— Какъ въ око влѣпилъ!—оживился Богданъ и наполнилъ кубки. — Только теряется время и довѣріе преданныхъ людей... Вѣдь привезъ же я тогда отъ иноземныхъ дворовъ добрыя вѣсти: Венеція готова была растегнуть свои набитыя дукатами „саквы“, лишь бы польскій мечъ разсѣкъ чалму турку,—вѣдь ей безъ этого все снится кривой ятаганъ... При вѣнскомъ дворѣ мнѣ передали, что для короля весьма отрадно усиленіе власти его зятя, а герцогъ Мазарини прямо таки сказалъ, что деспотія одного человѣка можетъ еще устроять государства, но деспотія одного сословія надъ всѣмъ ведетъ къ неминуемой гибели... Ну, что-жь? Король былъ „бардзо“ доволенъ, Осолинскій наговорилъ съ двѣ фуры красныхъ словъ и велѣлъ быть наготовѣ да ждать... Вотъ и ждемъ почитай третій годъ... да выходитъ на то, что „казавъ панъ, кожухъ дамъ, тай слово его тепле!“

— Нѣтъ, уже, кажется, ждать придется не долго: король и прежде былъ „персуадованъ“, а въ послѣднее время переписка съ Мазарини убѣдила его окончательно въ двухъ вещахъ: первое, что усиленіе своеволія сейма и „liberum veto“ влекутъ государство къ полной руинѣ, а второе, что только война можетъ взять своевольниковъ въ шоры, и что къ ней, къ войнѣ съ невѣрными, доброжелательны почти всѣ иноземныя панства.

— Да вѣдь и я тѣ же вѣсти изъ-за границы привезъ, а король еще раньше жаждалъ войны съ Турціей и на счетъ сеймоваго гвалту давно былъ въ „непокоѣ“,—замѣтилъ, раскуривая свою „люльку“ Богданъ.

— Все это такъ, да теперь „околичности“ подогнали бичемъ его осторожность,—сказалъ, Радзіевскій хлебнувъ сливянки.—Охъ, какая роскошь! Нектаръ!

— Это изъ „угорокъ“,—улыбнулся довольный Богданъ,—а вотъ еще я налью „дуливки“, пусть панъ-полковникъ отвѣдаетъ.

— Не забудемъ и „дуливки“,—смаковалъ онъ сливянку, почмокивая губами и прищуривая глаза.—Да, такъ „околичности“ и заставили короля перейти отъ думокъ къ дѣлу. Вотъ по этому то поводу я и пріѣхалъ.

— Слава Тебѣ, Боже, еже благовѣстителя намъ послалъ!—произнесъ съ набожнымъ чувствомъ Богданъ.

— Прежде всего сообщу пану печальную вѣсть,—снялъ шапку полковникъ,—королева наша волею Божіею отошла въ вѣчность.

— Эта ангельская душа?—поднялся Богданъ, глубоко тронутый, и перекрестился.—О, какая потеря!

— Да, незамѣнимая,—вздохнулъ Радзіевскій.—Она жаждала этой войны съ невѣрными, какъ спасенія своей души: все свое приданое, даже украшенія и драгоцѣнности она пожертвовала королю на наемъ иноземныхъ войскъ, она умоляла его поднять права козаковъ и на нихъ опереться...

— Господи! Упокой ея душу въ лонѣ праведныхъ!—вздохнулъ глубоко Богданъ, поднявши набожно взоръ.—Я ее два раза видѣлъ,—продолжалъ онъ растроганнымъ голосомъ.—Ея королевская милость съ такою кроткою довѣрчивостью спросила меня, будемъ ли мы защищать ее съ королемъ отъ всѣхъ враговъ? И я поклялся... Да,—опустился на коверъ Хмельницкій,—видно, уже такова наша доля, что все намъ доброе „до неба прямуетъ“, а все лихое—изъ болота ползетъ.

— „Богъ карае, Богъ и ласку дàе“,—замѣтилъ Радзіевскій и, присунувшись поближе къ Хмельницкому, началъ говорить ему тихо, оглядываясь по временамъ изъ предосторожности.—Король самъ хочетъ и вѣрные люди совѣтуютъ ему вступить во второй бракъ: и наслѣдника такому чудному человѣку нужно имѣть, и заключить новую связь... Намѣчена принцесса французская, дочь Людовика, а потому и готовится новое посольство въ Парижъ... Можетъ быть, и панъ опять поѣдетъ—это первое...

— Лестно, но утѣшенія въ томъ немного,—прижалъ пальцемъ пепелъ къ люлькѣ Богданъ и сплюнулъ осторожно на сторону.

— Погоди, козаче,—улыбнулся гость.—Тьеполо, нунцій изъ Венеціи, прибылъ въ Варшаву и привезъ королю благословеніе святѣйшаго папы—поднять мечъ противъ невѣрныхъ.

— За это и я готовъ поцѣловать святѣйшаго въ „черевикъ“,—ободрился Хмельницкій,—ей-Богу!

— Еще не все: Венеція не только совѣтомъ, а и „скарбомъ“ своимъ помогать обѣщается... Даетъ шестьсотъ тысячъ дукатовъ и уже отпустила часть въ задатокъ.

— На рукахъ понесемъ дожей!—воспламенялся Богданъ.

— Еще не все: король рѣшился уже не развѣдывать, а нанимать таки у иноземцевъ войска, и я для этого ѣздилъ въ нѣмецкія земли; добрые тамъ пѣшіе-вояки, здоровые, ловкіе и не заламываютъ цѣны, а на словѣ стойки и своему хозяину вѣрны... Такъ вотъ несомнѣнно поручено будетъ и пану-сотнику, навербовать въ Парижѣ конницу, а особенно артиллерію.

— На карачкахъ туда полѣзу, коли такъ.

— А можетъ быть, славнаго козака отправитъ король на Запорожье, потому что нужно тамъ снаряжать „чайки“ и готовиться уже не къ набѣгу, а къ настоящему морскому походу на общаго врага.

— Такъ это значитъ „до зброи“!—схватился Богданъ, весь объятый кипучимъ восторгомъ, съ сверкающимъ отвагою взоромъ.

— А, можетъ быть,—поднялся и Радзіевскій,—пану вручена будетъ и булава, такъ какъ потребуется увеличить вчетверо „лейстровиковъ“, а такое войско безъ гетмана быть не можетъ.

— Булава? Это слишкомъ... Чрезмѣрно... Не мнѣ, не мнѣ о ней мечтать!—Это чадъ! Но войско... снова зашумитъ наше „карамзинное“ знамя, заиграютъ вороные кони, загудутъ литавры, и людъ подыметъ голову изъ ярма! А?—отъ волненія задыхался почти Богданъ.—Дожить бы только до такой минуты и умереть у ногъ этого, Богомъ намъ посланнаго короля, умереть! Дожить бы только!—У Богдана блестѣли на глазахъ слезы.—Вѣдь это не шутка, пане, не шутка? Нѣтъ, твое благородное сердце на то неспособно, вѣдь это бы значило засадить пальцы въ рану и раздирать ее, рвать...

— Не поднялся бы у меня языкъ такія шутки шутить, мой дорогой по оружію товарищъ,—положилъ на его плечо свою руку полковникъ,—клянусь моею незапятнанною честью, моею любовью къ „ойчизнѣ“, что самъ король лично мнѣ то передалъ и поручилъ довѣдаться отъ тебя, потому что твоему слову вѣритъ король и тебѣ, какъ вѣрной персонѣ, ввѣряетъ свои завѣтные планы.

Такъ его найяснѣйшая мосць поручилъ узнать, можно ли положиться, что, по королевскому зову, станетъ тысячъ двадцать вооруженныхъ козаковъ, а на море—съ сотню „чаекъ“?

— Сто тысячъ!—крикнулъ азартно Богданъ,—бей меня сила Божья, коли лгу! Пусть мнѣ только дастъ свое слово король, такъ я подыму ему сотню тысячъ... и оружіе найдемъ, раздобудемъ!... Да я именемъ короля выверну всю Украйну... Вѣрь мнѣ, пане, вѣрь!

— Вѣрю,—обнялъ его горячо Радзіевскій,—вѣрю, что это можетъ сдѣлать Богданъ...

— Есть у насъ, пане-друже, и помимо меня горячія сердца и твердыя души!

— Такъ благо вамъ, а, можетъ быть, черезъ васъ и угнетателямъ вашимъ! Да, я глубоко убѣжденъ, что разнузданные наши сеймики и вольные сеймы, словно взбѣсившіеся безъ узды кони, помчатъ нашу Рѣчь-Посполиту къ обрыву и рухнутъ вмѣстѣ съ нею въ „провалье“.... Нашимъ вѣдь магнатикамъ что? Заботятся лишь о своей пресловутой золотой волѣ, а всѣхъ остальныхъ готовы подъ ноги топтать. Только власть въ сильной рукѣ можетъ смирить этихъ безумцевъ и удержать державную колесницу отъ паденія... Но вѣдь пану извѣстно, что у нашего короля нѣтъ ни власти, ни права. Езусъ-Марія!... Вѣдь онъ не вправѣ имѣть ни пяди земли, не можетъ ее дать никому, кромѣ шляхты, вѣдь земля считается достояніемъ всего государства! Какъ же ему, суди самъ, пане, защищать ваши земли отъ захвата и грабежа, коли онъ безсиленъ, коли онъ не имѣетъ права держать войскъ болѣе двухъ тысячъ... а „кварцяныя“ и надворныя войска въ рукахъ вѣдь магнатовъ? Ты же знаешь, пане, что король не имѣетъ права ни объявлять войны, ни вершить мира, ни заключать иноземныхъ союзовъ... Такъ пойми же, пане, что всѣ эти задуманные имъ „вчынки“ составляютъ преступленіе противъ „conventa pacta“, и король на себя поднимаетъ страшный рискъ, можетъ быть, даже расплату головой... Но, для спасенія отъ неминуемой гибели дорогой ему Польши, онъ готовъ жертвовать жизнью. Ваша доля, ваши права и королевскія тѣсно связаны: спасая его, вы спасаете и себя, поднимая выше его, вы добываете и себѣ счастье... Такъ, скажи мнѣ по чести, товарищъ, готовы ли вы стоять за короля?

— Головы положимъ всѣ до единаго, а не выдадимъ нашего батька! —обнялъ съ восторгомъ Богданъ Радзіевскаго.—Да если бы среди поляковъ были такія головы и сердца, какъ у пана, такъ болѣе преданныхъ братьевъ, какъ мы, не найти вамъ нигдѣ!... Эхъ, не стань между нами іезуиты, да не отумань вашихъ головъ гордыня, чтобы это была за мощь! Да пусть мнѣ вырветъ чуприну самая послѣдняя вѣдьма, коли-бъ не повалили подъ ноги всей Турціи, коли-бъ не раскинулись отъ моря до моря и не расправили-бъ крылъ отъ Карпатъ до Урала.

— Пышная думка!... Захватываетъ духъ! —воскликнулъ полковникъ,—и легко бы „справдиться“ могла, если бы на то ласка пана Бога.

Когда пришла Ганна звать панство къ обѣду, то она была поражена перемѣной въ дядькѣ: онъ словно выпрямился и помолодѣлъ, въ каждой жилкѣ его лица билась какая-то радость, глаза восторженно и бодро сверкали.

— Ганно,—обратился онъ къ ней,—завтра попроси отца Михаила утромъ отслужить намъ панихиду и благодарственный за-

здравный молебенъ... Загадай сосѣдямъ, чтобъ всѣ были въ церкви... Нужно молиться и благодарить Вседержителя за несказанную къ намъ, грѣшнымъ, ласку!

XXVI.

Послѣ многихъ скитаній и тщетныхъ хлопотъ о службѣ, Ясинскій получилъ, наконецъ, у Чигиринскаго старосты мѣсто дозорцы надъ частью его обширныхъ маетностей. Дозорца находился всецѣло во власти и распоряженіи подстаросты, отъ котораго зависѣли и назначеніе, и смѣна такого рода должностныхъ лицъ, утверждаемая всегда старостой, а потому Ясинскій, чувствуя безконечную благодарность къ Чаплинскому, клялся ему быть вѣрнымъ слугой и безпрекословнымъ исполнителемъ всѣхъ его желаній.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ громкаго „хлопьяшника“, не обошедшагося безъ человѣческихъ жертвъ, подстароста выѣхалъ вмѣстѣ съ Ясинскимъ осматривать чигиринскія владѣнія и сдавать въ вѣдѣніе дозорцы помѣстья. Ясинскій сразу же постарался выказать передъ патрономъ свои административно-экономическія способности въ изобрѣтеніи новыхъ доходныхъ статей, примѣняясь къ условіямъ каждой мѣстности. Съ полей хлопскихъ, за пользованіе ими, онъ предложилъ, кромѣ установленнаго отработка натурой, брать еще „до скарбу“ извѣстный процентъ съ ихъ урожая—„сноповое“, а съ общественныхъ выгоновъ и выпасовъ съ каждой штуки скота—„покопытное“; право строить свои мельницы рекомендовалъ онъ отобрать у хлоповъ; рыбную ловлю и охоту обложить тоже своего рода податью—„рыбное“, „пташиное“ и „звѣриное“; даровую же порубку запретить во всѣхъ лѣсахъ безъ исключенія, такое же запрещеніе наложить и на рубку тростника по озерамъ. Базары и торги въ мѣстечкахъ обложить особыми сборами, за вѣсы установить тоже плату. Кромѣ того, всѣ переправы на рѣкахъ обложить новымъ поборомъ: „поромнымъ“, а проѣзжія дороги—„шляховымъ“. Нѣкоторые изъ этихъ поборовъ, впрочемъ, уже существовали и здѣсь на практикѣ, но они взимались посессорами случайно,—нападеніемъ, грабежемъ,—а въ систему еще введены не были; Ясинскій же предложилъ ихъ регламентировать. Всю эту программу новыхъ доходовъ вывезъ онъ изъ Подоліи и Волыни, гдѣ она была уже введена и практиковалась успѣшно. Чаплинскій одобрилъ ее съ восторгомъ, но рѣшилъ вводить исподволь, пріучая къ новымъ порядкамъ этихъ хлоповъ-барановъ постепенно и незамѣтно; для болѣе же успѣшнаго процвѣтанія новыхъ экономическихъ началъ положено было усилить въ каждомъ селеніи надворныя команды. За собираніе этихъ мел-

кихъ доходовъ взялись корчмари-евреи, которымъ они, по мѣрѣ водворенія, и сдавались на откупъ.

Ясинскій предложилъ еще Чаплинскому сдать и хлопскія церкви, да схизматскія требы въ аренду, завѣряя, что таковыя, на основаніи его наблюденій, могутъ давать огромный доходъ; но Чаплинскій, несмотря на алчность и на соблазнъ угодить этой мѣрой католическому духовенству, побоялся до поры, до времени вводить ее въ этомъ гнѣздѣ бунтовщиковъ, а рѣшилъ, по осуществленіи всѣхъ экономическихъ преобразованій, приступить осторожно и къ этому источнику доходовъ.

Въ одномъ изъ поднѣпровскихъ селеній Чаплинскій и Ясинскій встрѣтились съ Пештою, который спѣшилъ, по его словамъ, на Запорожье. За эти четыре года Пешта только полысѣлъ немного и какъ-будто обрюзгъ. Тайнымъ образомъ Пешта страшно заискивалъ у всей шляхты, а особенно у Чаплинскаго. Пріѣзжая въ Чигиринъ, онъ считалъ за величайшую честь посѣтить пана-подстаросту, оказывая всегда ему глубочайшее почтеніе и неизмѣнную преданность. Чаплинскому нравились и лесть Пешты, и его всегдашняя готовность подѣлиться съ подстаростой новостями, добытыми среди мятежныхъ козаковъ. Ясинскій сразу узналъ помилованнаго плѣнника Яремой и, на основаніи рекомендаціи своего патрона, дружески протянулъ ему руку. Чаплинскій пригласилъ къ себѣ Пешту на „вечерю“. Послѣ опрокинутыхъ трехъ, четырехъ „келеховъ оковитой“, да нѣсколькихъ ковшей чернаго пива съ поджаренными въ салѣ сухарами, Чаплинскій обратился къ Пештѣ съ такимъ вопросомъ:

— Ну что, пане, какія мысли бродятъ въ буйныхъ головахъ этой рвани? Ты вѣдь тамъ межъ ними таскаешься, такъ не выудилъ-ли чего новаго, не поймалъ-ли какой зубатой „рыбины“?

— Поймать то еще не поймалъ, а ужь неводъ закинулъ,— сверкнулъ Пешта желтыми бѣлками въ сторону Ясинскаго.

— Смѣло при немъ говори, пане,—ободрилъ Пешту Чаплинскій.—Онъ мнѣ вѣрный и преданный слуга.

— Могила!—воскликнулъ Ясинскій, положивъ руку на сердце.

— Да, въ важныхъ „справахъ“ такое убѣжище необходимо,— повелъ рукою Пешта по лысинѣ, обнажавшей его сдавленную кверху голову.—Такъ вотъ что, вельможный пане: первое, что какъ ни кроются эти разжалованные „лейстровики“, а у нихъ одно только въ головѣ: бунтъ, месть и расправа.

— Еще не присмирѣли „лотры“?—ударилъ по столу кулакомъ Чаплинскій.—Кишки вымотать!

— Гдѣ жъ имъ присмирѣть,—захихикалъ ехидно Пешта,— коли ихъ постоянно „дурманятъ“ всякими обѣщаніями и надеждами?

Находятся и межъ старшиною такіе Іуды, что въ глаза „удаютъ“ святыхъ, а за глаза чортовымъ ладаномъ кадятъ.

— Первый Хмельницкій, — не утерпѣлъ прошипѣть новый дозорца.

— Мой сватъ?—якобы изумился подстароста.

— Простите, ясновельможный пане, на словѣ, — съежился униженно Ясинскій.—Но я правды не могу скрыть отъ моего покровителя, хотя-бы и подвергся за это мести сотника. Я для моего благодѣтеля готовъ кровь пролить!

— Спасибо, я правду тоже люблю, а еще болѣе тѣхъ, кто для меня выискиваетъ ее повсюду.

— Что правда, то правда, не скрою и я,—продолжалъ хриплымъ голосомъ Пешта.—Мутитъ таки мой пріятель довольно; только въ послѣднее время ему, кажется, нитка „урвалась“, и вотъ это въ моей рѣчи второе.

— До правды? Это любопытно!—промычалъ, набивая себѣ трубку Чаплинскій, а Ясинскій бросился за угольками.

— Подорвалъ, видимо, къ себѣ довѣріе постоянною „брехней“,—кивнулъ головою Пешта.—Все сулилъ имъ, и запорожцамъ, и черни, какія-то близкія блага и льготы. Заставлялъ ждать да ждать. Ну, а они и надѣялись, и ждали чего-то, какъ жиды Мессію, да вотъ ужъ, кажись, у всѣхъ „жданки“ лопнули, того и гляди, что обманутые подымутъ на своего Мессію каменья.

— Что-жъ онъ такое обѣщалъ? На кого заставлялъ „покладать“ надежды?

— У этой лисы добрый хвостъ!—сверкнулъ Пешта злобно зрачками.—Ловко заметаетъ слѣды! Изъ сбивчивыхъ розсказней я могъ уловить только то, что Хмельницкій будто-бы имѣетъ какую-то высокую руку, что съ нею онъ все можетъ сдѣлать.

— Это очень вяжется со словами Заславскаго,—подчеркнулъ дозорцѣ Чаплинскій.

— Іезусъ-Марія!—пропѣлъ тотъ.—Это подтверждаетъ мои догадки. Но, пане,—обратился онъ къ Пештѣ,—этотъ аспидъ „дуритъ“ и вашихъ, и нашихъ. Я не могу простить себѣ, что замедлилъ посадить его на колъ черезъ эту соблазнительную „венгржину“, а потомъ какой-то дьяволъ шепнулъ князю Яремѣ заступиться за этого пса; но будь я въ зубахъ Цербера, коли эта голова не надѣлаетъ бѣдъ.

— Вѣрно,—прохрипѣлъ Пешта,—и чѣмъ скорѣе козаки извѣрятся въ этой лисицѣ, тѣмъ лучше будетъ и для нихъ, и для шляхты, и всѣ эти мятежныя бредни живо-бы исчезли, какъ роса на солнцѣ, еслибы среди этой оборванной „голытьбы“ появилась

разумная голова, которая съумѣла-бы ихъ „забавить“ какими-либо цацками, примирить съ судьбою и успокоить на вѣки.

— Да вѣдь я тебѣ, пане, давно предлагалъ видный постъ,— замѣтилъ Чаплинскій,— стоитъ сказать старостѣ слово, а тотъ черезъ батька имѣетъ богатыя связи въ Варшавѣ.

— Цѣлую ручки,— поклонился Пешта,— но пока вамъ выгоднѣе держать меня, какъ вѣрнаго человѣка, въ тѣни, а когда опасность минетъ, тогда вельможный панъ меня на свѣтъ выведетъ.

— Слово гонору!—протянулъ руку Чаплинскій.

Пешта схватилъ ее и, дотронувшись до колѣна подстаросты, униженно поцѣловалъ свои пальцы.

— А теперь, пане,— злорадно продолжалъ Ясинскій,— вашъ знаменитый сотникъ плюнулъ уже на козацтво и хлопство: онъ подыгрывался и лгалъ, пока не заселилъ своего Субботова и Тясмина.

— Да, именно, заселилъ, какъ никто!—прервалъ дозорцу Чаплинскій, и въ его зеленыхъ зрачкахъ блеснулъ завистливый огонекъ.

— Такого хутора нѣтъ теперь и у вельможныхъ пановъ,— продолжалъ Ясинскій,—такъ-то! А теперь вотъ вельможный мой покровитель можетъ быть свидѣтелемъ,— у него на пиру Хмельницкій громогласно предлагалъ противъ всѣхъ козаковъ самыя ужасныя мѣры, не ограничиваясь даже ихъ истребленіемъ, потому что, по его словамъ, они замолчатъ только мертвые, а за хлоповъ такъ рекомендовалъ шляхтѣ давить съ нихъ побольше олеи, и вообще брался за усмиреніе „буйголовъ“.

— Наконецъ-то показалъ зубы!—заскрежеталъ даже отъ радости Пешта. Онъ всталъ и въ волненіи прошелся нѣсколько разъ по покою.— Да, да... необходимо сообщить, обрадовать друзей,— говорилъ онъ отрывисто, потирая радостно руки.— Теперь я, ясный пане,— остановился онъ возлѣ Чаплинскаго,—ѣду на Запорожье, и по дорогѣ туда и обратно еще кое-куда заверну, и клянусь чортомъ кривымъ, что „рыбина“ попадетъ теперь въ мой неводъ, да, можетъ быть, и не одна! За сомомъ послѣдуютъ и щучки, а ужъ послѣ хорошаго улова, надѣюсь, ясновельможный панъ вспомнитъ...

— Я и безъ того пана не забываю,— снисходительно улыбнулся подстароста,— и всегда тебя считаю самымъ вѣрнымъ моимъ помощникомъ.

— Пока только полезнымъ по доставкѣ свѣдѣній,— опустилъ скромно голову Пешта,— но, когда придетъ время, и я заполучу крылья, тогда только вельможный панъ увѣрится, на сколько я смогу принести пользы и рѣчи Посполитой, и особенно его мосци...

— Такъ выпьемъ за крылья,—поднялъ кубокъ Чаплинскій,— за широкія, за ястребиныя!

— Мнѣ бы и „шуликовыхъ“ было достаточно, если бы къ нимъ...—искривилъ ротъ улыбкою Пешта.

— Добавить когти и клювъ,—подсказалъ Ясинскій.

Всѣ расхохотались и осушили кубки.

А въ Субботовѣ жизнь текла тихо и мирно.

Въ первыя-же минуты пріѣзда въ Субботовъ, Хмельницкій узналъ, что Олекса спасся изъ плѣна и возвратился цѣлехонекъ домой, а потомъ отправился на Запорожье: радости Богдана не было границъ... а когда, наконецъ, увидѣлъ онъ живьемъ своего дорогого любимца, да еще такимъ ,,юнакомъ-низовцомъ“,—такъ онъ чуть не задушилъ Олексу въ своихъ мощныхъ объятіяхъ. Молодой запорожецъ отъ волненія и отъ восторженныхъ слезъ тоже не могъ произнесть ни слова, и на всѣ распросы своего батька только бросался къ нему порывисто съ новыми поцѣлуями и объятіями.

Дня два, или три передавалъ Богдану Морозенко въ отрывочныхъ разсказахъ о своихъ приключеніяхъ въ плѣну, о ласковомъ пріемѣ его ,,сичовиками“, о толкахъ на Запорожьѣ,—пока, наконецъ, теплая волна жизни не сгладила нервнаго возбужденія и не затянула всѣхъ въ прежнюю покойную, счастливую колею.

Имѣя въ виду новыя отлучки, Богданъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ дѣлъ и хозяйства.

Первые дни по пріѣздѣ Морозенка Оксана страшно конфузилась и стѣснялась его присутствіемъ, а потомъ и привыкла, только по утрамъ она еще болѣе мучилась со своими упрямыми завитками; но, несмотря на всѣ старанія, это удавалось ей плохо, и черные, какъ смоль, завитки задорно выбивались надъ лбомъ и около ушей. Баба журила часто Оксанку за проявившуюся вдругъ небывалую разсѣянность; иногда, возвращаясь съ чѣмъ-нибудь изъ погреба, она незамѣтно для себя останавливалась съ „глечикомъ“ среди двора, да такъ и стояла, пока веселый голосъ Катри или Олены не выводилъ ее изъ налетѣвшей вдругъ задумчивости. Сидя съ „гаптованьемъ“ въ рукѣ, она часто роняла его на колѣни и устремляла поволокнувшіеся туманомъ глаза куда-то вдаль. Вечеромъ, когда всѣ ложились спать, Оксана опускала „кватырку“ окна и, высунувши голову, долго не могла оторваться отъ усѣяннаго звѣздами неба. „Чего ты не ложишься, дивчино?—заворчитъ баба, подымая сонную голову,—звѣзды считать грѣхъ!—Рѣдко кто слыхалъ теперь беззаботный, дѣтскій смѣхъ Оксаны; она не была ни грустна, ни печальна, она просто притихла и притаилась, словно обвернулась отъ всего міра

тонкой пеленой, какъ обволакивается зеленой пленкой растеніе, тайно выращивая въ своихъ нѣдрахъ роскошный цвѣтокъ.

Большую часть времени Олекса проводилъ съ „дивчатками“. Онъ разсказывалъ имъ о томъ, что видѣлъ въ бусурманскихъ земляхъ, о тѣхъ стычкахъ, въ какихъ принималъ участіе на Запорожьѣ, о морскомъ походѣ, о бурѣ и гибели чаекъ.

Оксана слушала его, затаивъ дыханіе, а Олекса любовался невольно ея черноволосою головкой и зардѣвшимся личикомъ, и въ эти минуты онъ чувствовалъ какую-то необычайную близость и нѣжность къ этой молоденькой дѣвушкѣ, такъ робко льнувшей къ нему.

Когда же на дворѣ устраивались „герци“, Морозенко съ удовольствіемъ показывалъ всѣ тѣ хитрыя военныя штуки, какимъ научился на Запорожьѣ. Онъ умѣлъ на всемъ скаку прятаться лошади подъ брюхо, подымать съ земли самые мелкіе предметы. И красивъ же былъ молодой козакъ, когда съ дикимъ гикомъ мчался мимо всѣхъ по полю, почти припавши къ шеѣ коня! Иногда же они съ дядькомъ Богданомъ устраивали поединки на шпагахъ. Козаки это оружіе употребляли рѣдко, а потому и наблюдали такіе поединки съ большимъ интересомъ.

— Ну, да и славный же вышелъ изъ тебя, хлопче, козакъ,— говорилъ весело Богданъ Морозенку, хлопая его по плечу, когда одобрительные крики зрителей прерывали поединокъ,—кто бъ это и сказалъ?

А Оксана замирала отъ восторга и, сжимая свое сердце руками,—печально думала про себя: „Нѣтъ, что я противъ него! Черная, какъ „чобитъ“, растрепанная, какъ вѣникъ... ему королевну, магнатку нужно, а я... ни батька, ни хаты,—такъ себѣ сирота!“

У Оксаны навертывались на глаза слезы, она спѣшила скрыться незамѣтно изъ толпы и, какъ ни допрашивала ее Катря, она никогда не могла добиться истинной причины ея слезъ.

Былъ жаркій лѣтній день. Разостлавши подъ густыми яворами рядно, Оксана и Оленка набивали малиною большую сулею, приготовляясь наливать наливку. Олекса лежалъ тутъ же, пышно вытянувшись на зеленой травѣ и заложивши подъ голову руки. Дѣвушки напѣвали звонкими молодыми голосами веселую пѣсню. И пѣсня вилась, трепетала, то подымаясь, то опускаясь внизъ, словно блестящая бабочка въ яркій солнечный день. Иногда Олекса смотрѣлъ въ небо на плывущія облачка, но чаще взглядъ его останавливался на стройной молоденькой дѣвушкѣ съ черноволосою головкой...

— Эхъ, славно тутъ у васъ въ Субботовѣ!—вздохнулъ, наконецъ, Морозенко.—Кажется, никогда бы не выѣхалъ отсюда,никуда.

— А ты развѣ собираешься уѣхать?—спросила несмѣло Оксана, подымая на него испуганные глаза.

— А какъ же! Вѣдь я теперь, голубко, не вольный хлопецъ, а запорожскій козакъ. Я и то боюсь, какъ бы куренной нашъ атаманъ не сказалъ, что я обабился здѣсь совсѣмъ.

— И скоро ты думаешь ѣхать?

— Да въ томъ и досада, что надо ѣхать какъ можно поскорѣе: здорово замѣшкался я у васъ.

— А когда вернешься?

— Ну, это ужь одинъ Богъ знаетъ, когда,—махнулъ Олекса рукою.—Кошевой нашъ атаманъ строгій, баловства не любитъ, безъ особой „потребы“ не пустятъ.

Губы Оксаны задрожали; она быстро поднялась съ мѣста.

— Куда ты, Оксано?—приподнялся и Олекса.

— Я за горилкой схожу.

— Да ты погоди, я помогу тебѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—торопливо отвѣтила Оксана, не поворачиваясь къ нему лицомъ, и поспѣшными шагами пошла по направленію къ дому; но, обогнувши аллею и очутившись въ такомъ мѣстѣ, гдѣ уже Олекса не могъ ее видѣть, Оксана круто измѣнила направленіе и бросилась бѣгомъ въ темный гай...

Въ свѣтлицѣ, гдѣ спали дивчатки со старой бабой, было тихо и темно. У иконъ теплилась лампадка и освѣщала тусклымъ свѣтомъ спящія фигуры, расположившіяся кто на лавкѣ, а кто и на рядахъ на полу. Тишина прерывалась только громкимъ храпомъ старухи, да ровнымъ дыханіемъ спящихъ дивчатъ. Однако, несмотря на позднюю ночь, одна изъ фигуръ безпокойно поворачивалась и шевелилась подъ легкимъ рядномъ. Иногда оттуда слышалось сдержанное всхлипываніе или тяжелый вздохъ. Наконецъ, всклокоченная темноволосая головка осторожно приподнялась съ подушки и осмотрѣла всю комнату, затѣмъ приподнялась и вся фигура и, поджавши ноги, сѣла на своей постели.

— Катря, Катруся,—зашептала она тихимъ, прерывающимся голосомъ, склоняясь надъ лицомъ спящей невдалекѣ подруги,—я перейду къ тебѣ.

— Что, что такое?—заговорила полусоннымъ голосомъ Катря, приподнимаясь съ постели, но, увидѣвши заплаканное лицо Оксанки, на которомъ и теперь блестѣли слезы, она совершенно очнулась и спросила испуганнымъ голосомъ, обнимая подругу:—Оксано, Оксаночко, что съ тобой?

— Тише, тише, баба услышитъ,—зашептала сквозь слезы Оксанка.—Пусти меня, Катря, я лягу съ тобой.

Обѣ подруги улеглись рядомъ. Катря обняла Оксану, а Оксана прижалась головой къ ея груди.

— Ну, что-жъ такое, чего ты плачешь, голубко?—говорила тихо Катруся, гладя Оксану по спутаннымъ волосамъ.

— Катруся, серденько, ты знаешь,—съ трудомъ отвѣтила Оксана, запинаясь на каждомъ словѣ и пряча свое лицо на груди подруги,—Олекса уѣзжаетъ на Запорожье опять.

— Такъ что же?—изумилась Катря.— Вѣдь онъ снова вернется.

— Когда вернется?—всхлипнула Оксана.—Говоритъ, что куренный атаманъ строгій,—самъ не знаетъ когда.

— Ну, а тебѣ же что?—спросила Катря и вдругъ остановилась; все лицо ея внезапно освѣтилось какой-то неожиданно-вспыхнувшей мыслью: она отодвинулась отъ Оксаны, взглянула ей въ глаза и тихо прошептала съ выраженіемъ какого-то испуга, смѣшаннаго съ невольнымъ уваженіемъ:

— Оксана, ты „кохаешь его?“

Ничего не отвѣтила Оксана, а только заплакала еще громче и еще крѣпче прижалась къ груди подруги.

На лицѣ Катри такъ и застыло выраженіе изумленія, смѣшаннаго съ невольнымъ уваженіемъ. Она ничего не сказала, объятая вдругъ необычайнымъ почтеніемъ и трепетомъ передъ чувствомъ, проснувшимся въ ея подругѣ.

— Не плачь, не плачь, Оксаночко, все хорошо будетъ, голубка,—шептала она тихо, проводя рукою по головѣ подруги и еще не зная, что можно больше сказать.

Долго лежали такъ, вспугнутыя тихимъ появленіемъ новаго чувства, „дивчатка“, но, наконецъ, сонъ усыпилъ ихъ молодыя головки, и онѣ крѣпко заснули, тѣсно обнявшись вдвоемъ.

Рано утромъ всѣ были изумлены вѣстью о неожиданномъ, негаданномъ пріѣздѣ Богуна.

Онъ прискакалъ на разсвѣтѣ одинъ на взмыленномъ конѣ.

Еще всѣ спали въ будинкѣ, а они уже сидѣли съ Богданомъ, затворившись въ свѣтлицѣ.

Три года мало чѣмъ измѣнили Богуна, только лицо его стало темнѣе, да между бровей залегла рѣзкая складка.

Теперь, когда лицо его было взволновано и утомлено, она рѣзко выступала между сжатыхъ черныхъ бровей.

Несмотря на радостную встрѣчу, лицо Богуна было мрачно. Передъ козакомъ стоялъ жбанъ холоднаго пива, которымъ онъ утолялъ свою жажду.

Богданъ настолько обрадовался пріѣзду Богуна, что даже не обратилъ вниманія на его необычное настроеніе духа, на скрытую и

въ торопливомъ пріѣздѣ, и въ полуфразахъ тревогу. Онъ бѣгло разспрашивалъ Богуна объ его житьѣ-бытьѣ, объ удачахъ и „пригодахъ“, не замѣчая, что „побратимъ“ таитъ что-то недоброе на сердцѣ.

— Ну, радъ я тебя видѣть, друже, такъ радъ, что и сказать не могу,—говорилъ онъ радостно, всматриваясь въ лицо Богуна.— Цѣлыхъ три года и не видалъ, и не слыхалъ! Да, ты вѣрно уже знаешь о моихъ странствованіяхъ? Эхъ, постарѣлъ я, должно быть, какъ старый песъ, а ты молодецъ молодцомъ, еще „краще“ сталъ!

— Дѣло не во мнѣ, друже,—отвѣтилъ, наконецъ, угрюмо Богунъ,—а въ томъ, что на Запорожьѣ погано...

— Погано? А что же такое случилось?—спросилъ озабоченно Богданъ, тщательно притворяя дверь.—Набѣгъ татарскій? Ярема?... Или что же?

— Нѣтъ, не то, и не то, а пожалуй хуже... Ополчилось на тебя все Запорожье, батьку... гудутъ всѣ курени, словно вылетѣвшіе на бой рои, не хотятъ больше ждать ни одной „хвылыны“. Кривоносъ уже бросился въ Вышневетчину, не дожидаясь товарыства, курени готовятся къ походу и, не сегодня-завтра, затопятъ всю Украйну.

— Какъ?! Что?! Кривоносъ бросился? Запорожцы готовятся къ походу?! —вскрикнулъ бѣшено Богданъ, схватываясь съ мѣста.— Остановить! Остановить, во что бы то ни стало! Я скачу съ тобою! Они сорвутъ всю справу, испортятъ все дѣло! —лицо Богдана покрылось багровою краской.—Своихъ, своихъ остерегаться пуще враговъ! Ироды, душегубцы! Въ такую минуту! Да вѣдь одною своею безумною стычкой они надѣнутъ вѣковѣчныя цѣпи на весь край! Э, да что тамъ разговаривать! Ѣдемъ сейчасъ, каждая минута — погибель!

— Постой!—остановилъ Багдана Богунъ, подымаясь съ мѣста,—тебѣ теперь не годится туда ѣздить. Я повторяю: встали на тебя всѣ запорожцы, обвиняютъ тебя въ измѣнѣ козачеству и вѣрѣ... Голова твоя...

— Что-о?!—перебилъ его Богданъ, отступая, и лицо его покрылось мертвой блѣдностью, а черные глаза загорѣлись дикимъ огнемъ.—Меня обвиняютъ въ измѣнѣ козачеству и вѣрѣ?... Отшатнулись отъ меня запорожцы?... Да кто же смѣетъ?—крикнулъ онъ бѣшено,—кто смѣетъ это говорить, кто?

— Всѣ!

Словно пораженный громомъ, молча опустился Богданъ на лаву. А Богунъ продолжалъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ ты передъ своимъ отъѣздомъ прислалъ намъ изъ Каменца гонца, всѣ пріостановили свои дѣйствія. У меня въ Кіевщинѣ были собраны большіе загоны, въ Брацлавщинѣ еще большіе... Но мы бросили все и ждали тебя. Такъ прошло два года. Рейстровикамъ дали какую-то пустую поблажку... Когда ты вернулся изъ чужихъ земель и прислалъ къ намъ черезъ Ганджу извѣстіе о тайномъ наказѣ его королевской мосци ждать инструкцій тихо и смирно, пока ты не подашь „гасла“,—всѣ ожили на Запорожьѣ. „Заворушилось“ товарыство, начались толки, приготовленія, всѣ прославляли тебя. Но время шло, а отъ тебя не было никакихъ вѣстей. Горячка охватила товарыство. Съ каждымъ гонцомъ ждали „гасла!“ Такъ прошелъ и годъ, а отъ тебя все не было рѣшительныхъ извѣстій, а слалось только надоѣвшее всѣмъ слово „сидите смирно!“ Тѣмъ временемъ вороги твои приносили постоянно новыя розсказни о томъ, что ты братаешься со шляхтой, цѣлые дни и ночи гуляешь на пирахъ, пьешь съ нашими ворогами изъ одного ковша...

— Такъ, такъ... Я зналъ это... Своихъ остерегайся горше враговъ,—проговорилъ беззвучно Богданъ; на лицѣ его появилась горькая улыбка, а на лбу и возлѣ рта выступили словно врѣзанныя морщины,—вѣры нѣтъ ни у кого...

— Нѣтъ, нѣтъ!—горячо закричалъ Богунъ,—повѣрили этому не всѣ; Нечай, Чорнота, Кривоносъ, Небаба и другіе ребра обѣщали перетрощить тому, кто распустилъ такой слухъ! А несмотря на это, товарыство роптало все больше и больше. Уже четвертый годъ шелъ безъ всякаго дѣла, для харчей надо было затѣвать „наскоки“ и грабежи, а изъ Украйны съ каждымъ днемъ прибывали новые и новые рейстровики, которыхъ Маслоставская ординація повернула въ посполъство; они говорили о новыхъ утѣсненіяхъ, волновали все Запорожье и требовали возстанья, а отъ тебя не слыхать было ничего. Трудно стало сдерживать товарыство, тогда я послалъ къ тебѣ Морозенка сказать, чтобы ты торопился...

— Что могъ я сдѣлать тогда?—вырвалось у Богдана.

Оба помолчали.

— Передавать было нечего. Поквитоваться съ надеждами нельзя было, а благословить на бой было рано,—сказалъ угрюмо Богданъ, отошедши къ окну.

— Ну, а тутъ примчался на Запорожье Пешта. Не сношу я этого „хыжого“ волка,—сверкнулъ глазами Богунъ.—Онъ собралъ раду и объявилъ на ней, что ты хочешь всѣхъ поймать въ ловушку, что козаковъ ты усыпляешь „обицянками“, а самъ въ это время подсказываешь панамъ самыя жестокія противъ нихъ мѣры.

— Змѣя!—повернулся быстро Богданъ, весь блѣдный, съ наливши-мися кровью глазами,—это плата за жизнь!

— Да,—продолжалъ Богунъ,—онъ говорилъ, что былъ съ тобою на многихъ пирахъ, и всюду ты издѣвался надъ козаками, пѣлъ въ одну дудку съ панами, а на послѣдней пирушкѣ у Чаплинскаго,—онъ приводилъ въ свидѣтели еще какого-то шляхтича,—ты сказалъ молодому Конецпольскому, что до тѣхъ поръ, пока козаки будутъ живы, они все будутъ подымать головы, что только мертвые не пищатъ.

— А!—простоналъ Богданъ, опускаясь на лаву.

— Кіемъ хотѣлъ я расшибить ему голову!—продолжалъ еще болѣе запальчиво Богунъ,—но товарыство не допустило; тогда я головой своей поручился имъ, что все это ложь и клевета! Я просилъ ихъ обождать еще хоть недѣлю и бросился, сломя голову, сюда.

— Голова твоя пропала,—произнесъ медленно Богданъ, подымаясь съ мѣста.

Какъ окаменѣлый остановился передъ нимъ Богунъ.

— Голова твоя пропала, говорю тебѣ,—повторилъ глухимъ голосомъ Богданъ, съ лицомъ блѣднымъ, какъ полотно,—я говорилъ это, да!

— Ложь!—крикнулъ Богунъ, отступая отъ него и хватаясь за эфесъ сабли,—именемъ своимъ козацкимъ поклялся я, что голову отсѣку всякому, кто посмѣетъ повторить на Богдана эту клевету...

Ну, такъ вотъ она тебѣ, руби ее,—провелъ Богданъ рукою по шеѣ и гордо выпрямился предъ Богуномъ,—потому что все это я говорилъ.

Сабля съ громкимъ стукомъ выпала изъ руки Богуна.

Пролетѣла минута молчанія. Оба козака стояли одинъ передъ другимъ, окаменѣвшіе, неподвижные, словно готовились вступить въ бой; только Богданъ стоялъ теперь, смѣло выпрямившись, съ глазами горящими гордымъ огнемъ.

— Ты Одинъ мой Помощникъ и Покровитель,—произнесъ онъ, наконецъ, съ чувствомъ, подымая глаза на икону.—Одинъ Ты вложилъ мнѣ теперь въ руки возможность разбить эту черную клевету! Тебѣ, друже мой вѣрный и коханный,—обратился онъ къ Богуну, преодолѣвая подступившее волненіе,—я скажу все, а передъ другими, передъ тѣми, что могли повѣрить этой черной клеветѣ, не стану я говорить! Такъ, правда, я пилъ изъ одного ковша съ панами, я бывалъ на ихъ пирушкахъ, я смѣялся вмѣстѣ съ ними надъ козаками, спроси обо мнѣ любого шляхтича, и онъ скажетъ тебѣ съ вѣрой что Богданъ Хмельницкій—свой человѣкъ! Все это дѣлалъ я, принималъ на себя всяческій позоръ, слушалъ панскія шутки и, сдавивши сердце, вторилъ имъ на пирахъ, все это дѣлалъ я для того,

чтобы заработать имя „зрадцы козацкаго“, и я заработалъ его, но „зрадой“ честнаго имени своего не покрылъ! Вотъ,—проговорилъ онъ, отпирая въ стѣнѣ желѣзную дверцу и вынимая оттуда сумку съ золотыми и тайною инструкціей короля,—тутъ шесть тысячъ талеровъ, это только задатокъ, и приказаніе строить „чайки“ для участія въ предстоящей войнѣ. Вотъ это,—вынулъ онъ дальше серебряную булаву, перначъ и свернутое знамя,—передай отъ короля козакамъ и скажи имъ, что его найяснѣйшая мосць возвращаетъ имъ этими регаліями прежнюю свободу и призываетъ ихъ къ участію въ войнѣ.

Богданъ тряхнулъ рукою и съ шумомъ развернулось огромное малиновое знамя; знакомый шелестъ наполнилъ комнату и коснулся уха Богуна; передъ глазами его мелкнулъ золотой козацкій крестъ...

— Такъ!—гордо произнесъ Богданъ, высоко подымая козацкое знамя своею крѣпкою рукой,—все это я добылъ своимъ долгимъ стараніемъ, свези-же его на Запорожье и передай товариству, что „зрадникъ“ Богданъ Хмельницкій шлетъ запорожцамъ эту благую вѣсть!

— Друже, брате, батьку мой!—крикнулъ бѣшено Богунъ, заключая Богдана въ свои крѣпкія объятія.—Голову положу за тебя!

Послѣ перваго порыва бурнаго восторга, Богданъ усадилъ Богуна рядомъ съ собою и началъ передавать ему подробно весь свой разговоръ съ полковникомъ Радзіевскимъ, инструкціи и распоряженіи послѣдняго.

Между тѣмъ Ганна, изумленная и встревоженная неожиданнымъ пріѣздомъ Богуна, съ нетерпѣніемъ ожидала выхода дядька. Въ своей тревогѣ она даже ни разу не подумала о той неизбѣжной неловкости, которая ожидала ее при встрѣчѣ съ Богуномъ: она словно забыла все то, что произошло между ними, охваченная однимъ мучительнымъ сознаніемъ неизвѣстности.

„Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Откуда пріѣхалъ?—повторяла она сама себѣ, то подымаясь наверхъ, то отправляясь въ пекарню, то въ погребъ, то снова возвращаясь въ свою камнату.—Его загнанный конь, видно, безъ отдыху скакалъ... О чемъ говорятъ они тамъ такъ таинственно и тихо?... Ахъ, вѣрно, новое горе,—сжимала она руки,—новыя муки впереди!“

Оксана и Катря съ изумленіемъ слѣдили за напряженнымъ волненіемъ Ганны. Съ самаго пріѣзда Богдана, всѣ въ домѣ привыкли видѣть ее такой замкнутой и тихой, словно ее уже не занимало ничто, а между тѣмъ она таила въ себѣ глубокую душевную муку. Сознаніе полнаго равнодушія со стороны Богдана убило всѣ терзанія ея совѣсти, но вмѣстѣ съ тѣмъ наложило глубокую и тяжелую пе-

чать на все ея молодое существо. Къ тому-же рѣзкая перемѣна въ образѣ жизни Богдана не могла ускользнуть отъ внимательнаго взгляда Ганны. Сначала она еще не придавала этому большого значенія; но чѣмъ больше предавался Богданъ шляхетскимъ пирамъ и забавамъ, чѣмъ меньше обращалъ онъ вниманія на окружающую жизнь, тѣмъ тяжелѣе становилось у ней на сердцѣ. Ее оскорбляло до глубины души, когда онъ возвращался съ какой-нибудь пирушки на третій, на четвертый день съ лицемъ раскраснѣвшимся, неестественно возбужденнымъ, съ веселыми пѣснями на устахъ, когда онъ по цѣлымъ недѣлямъ пропадалъ изъ дому, не справляясь ни объ ужасныхъ слухахъ, доходящихъ отовсюду, ни о здоровьи жены и дѣтей; тяжело было ей выходить угощать надменную и пьяную шляхту, которая такъ часто наполняла теперь ихъ молчаливый угрюмый домъ, но всего ужаснѣе было слышать тѣ оскорбительныя шутки и разговоры которые держалъ съ шляхтою въ своемъ домѣ Богданъ. О, какъ невыразимо мучительно было ей видѣть своего когда-то гордаго и самолюбиваго батька въ такой унизительной, холопской роли! Казалось, за всѣ эти издѣвательства и насмѣшки надъ народомъ онъ долженъ былъ бы раскроить черепа этимъ наглымъ, пьянымъ панамъ, а между тѣмъ онъ, Богданъ,—Ганна сама слыхала не разъ,—онъ вторилъ имъ! И Ганна уходила наверхъ, запиралась въ своей свѣтлицѣ, чтобы не слышать, чтобы не видать этого ужаса; но пьяный хохотъ и крики достигали и туда.—Боже мой, за что ты оставилъ насъ?—шептала она, сжимая свою голову руками, и грудь ея надрывалась отъ горькаго, тяжелаго рыданья, а голова съ отчаяньемъ падала на подоконникъ. А снизу доносилась пьяная польская пѣсня, въ которой она ясно слышала могучій голосъ Богдана. Никто не зналъ, что переживала она въ эти томительныя ночи. Однѣ только звѣзды видѣли бѣдную, одинокую дѣвушку, сгибающуюся отъ горькаго рыданія у темнаго окна. И когда она, измученная и истомленная, подымала къ небу полные слезъ глаза, оно сіяло надъ ея головою такъ величественно и безмятежно, словно говорило ей о мимолетности земныхъ радостей и мукъ, и на душѣ ея становилось легче, свѣтлѣе; звѣзды казались ей добрыми и ласковыми глазами какихъ-то невѣдомыхъ друзей, глядящихъ на нее изъ той глубокой дали...

Между тѣмъ каждый день приносилъ все болѣе грустныя вѣсти, а Богданъ точно и не слыхалъ ихъ, точно и забылъ навсегда все то, чѣмъ жилъ до сихъ поръ. Нѣсколко разъ въ Ганнѣ пробуждалась мысль отважиться поговорить съ дядькомъ, но Богданъ держалъ себя теперь такъ далеко отъ нея, что она никакъ не могла рѣшиться на это. Ганна видѣла ясно, что дѣдъ хмурится, что братъ ея угрюмо отстраняется отъ Богдана, что кругомъ противъ

него растетъ недовольство, ропотъ и вражда, и она не могла сказать всѣмъ смѣло, что все это ложь и клевета. Иногда ей казалось снова, что все погибло, что спасенія не откуда и не отъ кого ждать, что они осуждены Богомъ на вѣчное рабство; но сила несокрушимой вѣры въ Богдана, а главное въ милосердіе Божіе подымалась изъ глубины души и укрѣпляла ее. Тревожное ожиданіе дядькомъ посла изъ Варшавы зарождало въ ней надежду на какіе-то тайные планы, хранимые имъ.

Пріѣздъ пана Радзіевскаго сразу ободрилъ ее, да встрепенулъ и Богдана. Онъ дѣятельно занялся распоряженіями по хозяйству, словно собирался въ далекій путь; но никто не слыхалъ отъ него ни слова ни о томъ, зачѣмъ пріѣзжалъ панъ Радзіевскій, ни о томъ, зачѣмъ это онъ старается такъ торопливо прикончить всѣ свои дѣла.

Теперь этотъ неожиданный пріѣздъ Богуна какъ-то невольно сопоставлялся въ ея воображеніи со всѣми дурными вѣстями, передаваемыми ей братомъ, и томительное предчувствіе чего-то недобраго сжимало ей сердце.

А время все шло и дверь изъ комнаты Богдана не отворялась. Уже и солнце поднялось высоко на небесномъ сводѣ, уже Ганна приготовила съ дивчатами весь „сниданокъ“ въ левадѣ, а Богданъ все еще не выходилъ изъ своей половины.

Наконецъ, волненіе Ганны дошло до такой степени, что она рѣшилась войти сама.

Покончивши всѣ раговоры съ Богуномъ, Богданъ собирался уже встать, какъ вдругъ дверь тихо пріотворилась и на порогѣ показалась Ганна.

— Можно, дядьку?—спросила она несмѣло, останавливаясь въ дверяхъ.

— Можно, можно, голубка!—отвѣтилъ тотъ радостно, подымаясь съ мѣста и расправляя свои могучія плечи, словно желая стряхнуть съ тебя послѣдніе остатки тяжелаго волненія, пережитаго имъ въ эти нѣсколько часовъ.—А посмотри, какого намъ гостя Богъ послалъ! Да что же это ты не витаешь пана? Или не рада ему совсѣмъ?

Уже по веселому тону Богдана Ганна поняла сразу, что свиданіе окончилось чѣмъ-то радостнымъ.

— Рада,—отвѣтила она просто, обдавая Богуна ласковымъ сіяніемъ своихъ кроткихъ лучистыхъ глазъ.

А Богунъ стоялъ молча, не говоря ни слова, не отводя отъ Ганны восхищенныхъ очей.

Ганна потупилась.

— То-то-жъ!—улыбнулся Богданъ.—Приготовь же намъ чего добраго на зубы. Шутка сказать, прискакалъ вѣдь изъ самой Сѣчи, не отдыхая нигдѣ.

— Я ужъ и то все приготовила,—отвѣтила Ганна.

— Ну, и ладно, а я достану самаго стараго меду, да разопьемъ его гуртомъ за здоровье нашего славнаго гостя. Ты-жъ опоряди здѣсь пана съ дороги.

Богданъ направился уже къ выходу, но остановился въ дверяхъ.

— Да приготовь еще мнѣ съ Морозенкомъ въ путь, что надо, а я пойду, да распоряжусь заранѣе лошадьми.

— Какъ въ путь?—отступила Ганна,—на долго ли? Куда?

— Намъ не надолго, на недѣльку, полторы, а ему,—указалъ онъ на Богуна,—ажъ до самой Сѣчи.

Дверь за Богданомъ затворилась.

Нѣсколько минутъ Богунъ еще стоялъ передъ Ганной молча, какъ бы не рѣшаясь заговорить. Восторженное выраженіе, вспыхнувшее на его лицѣ при видѣ Ганны, смѣнилось выраженіемъ какого-то грустнаго и глубокаго участія. Наконецъ, онъ подошелъ къ Ганнѣ, взялъ ее за руку и проговорилъ негромко:

— Какая ты стала тихая, Ганна!

— Тихая?—переспросила Ганна, стараясь улыбнуться, но улыбка у ней вышла болѣзненная и печальная.

— Тихая, тихая,—повторилъ настойчиво Богунъ, вглядываясь въ ея блѣдныя черты и большіе глаза.

Ганна почувствовала вдругъ, какъ отъ этого теплаго, ласковаго слова, давно не слышаннаго ею, какая-то безсильная слабость охватила ее. Ноги у ней задрожали; она оперлась рукою о столъ.

— Скажи мнѣ, отчего ты такъ „змарнила“ вся? Что сдѣлалось съ тобой?—продолжалъ Богунъ, не выпуская ея руки.—Можетъ, какое горе? Скажи мнѣ, Ганна, скажи!

— Такъ,—опустила глаза Ганна; тихій вздохъ вырвался невольно изъ ея груди,—тяжко, козаче... прошептала она.

— Можетъ, тебя „зневажаетъ“ кто?—крикнулъ запальчиво Богунъ.—Слово только скажи, и я ему, будь то мой наилучшій „пріятель“, голову „кіемъ“ разсажу!

— Нѣтъ, нѣтъ,—покачала головой Ганна.—Не то. Тамъ, у васъ, на Запорожьѣ, только слухи доходятъ, а здѣсь, когда сама своими глазами видишь все, что дѣлается кругомъ,—говорила она тихо, останавливаясь за каждымъ словомъ,—и нѣтъ ни откуда спасенья... то такъ станетъ тяжко, такъ тяжко, что не хотѣлось-бы и жить.

Слова Ганны прервались, словно угасли.

Богунъ угрюмо опустилъ голову. Наступило короткое молчаніе.

— Да не долго-жъ, Ганно, будемъ мы такой соромъ терпѣть,— вскрикнулъ онъ вдругъ, взбрасывая голову съ пробудившеюся энергіей,—чтобы „дивчата“ наши стыдились за насъ! Клянусь тебѣ, Ганно, когда бы насъ не уговаривалъ Богданъ, не сидѣли бы мы такъ тихо на Запорожьѣ, какъ бабы за веретеномъ. А теперь уже „годи!“ Вотъ только что передалъ онъ мнѣ счастливыя вѣсти...

— Боже мой!—захлебнулась отъ прихлынувшей радости Ганна, простирая къ иконѣ руки.—Ты не оставляешь насъ!

Все лицо ея освѣтилось такимъ вдохновеннымъ, восторженнымъ экстазомъ, что Богунъ невольно залюбовался ею.

— Ты говоришь, Ганна, что намъ хорошо было на Запорожьи, потому что къ намъ доходили только вѣсти?—заговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.— Нѣтъ, нѣтъ! Не знаю, какъ другимъ, но той тяжести, которую я выносилъ за эти три года въ сердцѣ, не сносить никому!—Онъ помолчалъ, какъ бы желая совладѣть съ охватившимъ его волненіемъ и затѣмъ продолжалъ снова съ возрастающею горячностью:—Я не зналъ, куда броситься, чтобы задавить свою „грызоту“-тоску. Очертя голову, бросался я въ самые опасные набѣги, пускался на чайкахъ въ самую жестокую бурю, и видишь: ни „хвыля“, ни пуля не тронули меня! Слово козацкое тебѣ, Ганна, что если бы не думы о нашей бѣдной Украйнѣ, давно бы насадилъ я эту постылую голову на татарскій „спысъ!“ А вѣсти изъ родины приходили и къ намъ одна другой грознѣе; каждая изъ нихъ „шматовала“ мое сердце, а Богданъ все слалъ листы, умоляя насъ ждать еще, обѣщая впереди большія льготы отъ короля. Но, если бы ты знала, Ганна, какая мука ждать бездѣйственно, когда вотъ тутъ, въ груди, цѣлое море кипитъ! Такъ шло время. Не слышно было ни слова о королевскихъ льготахъ, а о насиліяхъ и „утискахъ“ панскихъ слышали мы каждый день... Мало того, всѣ бѣглецы, наполнявшіе Запорожье, приносили съ собой страшные слухи о Богданѣ, всѣ называли его измѣнникомъ, предателемъ, Іудой!..

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—перебила его горячечно Ганна, хватая за руку.—Вѣрь ему, вѣрь хоть ты одинъ! Онъ не измѣнникъ, не предатель!—Глаза ея наполнились слезами, голосъ задрожалъ, спазма сжала горло.—Онъ таитъ отъ насъ что-то, прикидывается равнодушнымъ; но я вѣрю, вѣрю, что онъ нашъ спаситель, что онъ спасетъ насъ!

Послѣднія слова вырвались у Ганны съ такимъ страстнымъ восторгомъ, что Богунъ бросилъ на нее изумленный взглядъ.

— Дай Богъ! Только одному человѣку не поднять такого великаго дѣла. А росказнямъ о Богданѣ я не повѣрилъ,—произнесъ онъ медленно, слово по слову, не спуская съ Ганны потемнѣв-

шихъ глазъ,—я зналъ, что если ты здѣсь, Ганно, то всѣ разсказы объ измѣнѣ—ложь и клевета.

Онъ помолчалъ съ минуту и продолжалъ глухимъ голосомъ:

— Но другіе думали не такъ. Запорожье присудило Богдана къ смертной карѣ; но я головой своей поручился за него „товариству“ и бросился, сломя голову, сюда.

— Козаче, брате мой,—рванулась къ нему Ганна,—да есть-ли у кого въ свѣтѣ такое сердце? Есть-ли кто въ свѣтѣ благороднѣе тебя?—и вся она была въ эту минуту одинъ восторгъ, одинъ порывъ.

Богунъ окинулъ ее всю восхищеннымъ взглядомъ. Казалось, еще минуту онъ колебался, не рѣшаясь заговорить, но было уже поздно!

— Ганно, я не хотѣлъ сюда ѣхать, я не могъ сюда ѣхать,—заговорилъ онъ горячо и сильно,—для спасенія Богдана, для спасенія всего козачества надо было ѣхать—и я прискакалъ, но теперь уже не могу молчать! Что мнѣ дѣлать, Ганно,—не придумаю, не знаю: приворожила ты до смерти меня!

Ганна вдругъ вся поблѣднѣла и словно съежилась, голова ея опустилась низко и, закрывши руками лицо, она проговорила тихо:

— Не надо, не надо... не говори!...

Но Богунъ уже не слыхалъ ея словъ!

— Три года не видѣлъ я тебя, Ганно, а не проходило и дня, чтобы я забылъ о тебѣ! „Горилкою“ думалъ я затопить свое сердце, да что горилка! Не зальешь его и пекельною смолой! Куда я ни бросался, вездѣ ты была со мной. Среди рева бури, среди грома сѣчи, въ дыму и пожарѣ,—вездѣ твой образъ былъ со мною и не покидалъ меня ни на „хвылыну“, ни на мигъ! Что дѣлать мнѣ, Ганно, счастье мое? Люблю я тебя, „кохаю“, какъ „божевильный“, одну тебя,—одну на всемъ свѣтѣ люблю!

Ганна стояла молча, еще ниже склонивши голову, не отымая рукъ отъ лица.

— Ты молчишь, Ганно? Такъ скажи-жъ мнѣ хоть одно слово: чѣмъ я не любъ тебѣ, за что ты не любишь меня? Да не сыщется никого въ цѣломъ свѣтѣ, чтобъ „кохалъ“ тебя такъ, какъ „кохаю“ я! Слово скажи—на край свѣта полечу для тебя, голову свою вотъ тутъ, не задумавшись, возлѣ ногъ твоихъ положу! Скажи-жъ мнѣ, Ганно, счастье, жизнь моя, что мнѣ сдѣлать, что мнѣ придумать, чтобъ полюбила ты меня?

— Боже мой, Боже мой!—вырвалось тихо у Ганны, и Богунъ замѣтилъ, какъ ея плечи начали тихо вздрагивать.

— Что-жъ, если рѣчи мои простыя не по сердцу тебѣ, Ганно, прости меня, грубаго козака,—опустилъ голову Богунъ,—не скажу я тебѣ больше ни слова: видно, такая ужъ моя доля, таковъ мой таланъ! Только не отымай у меня послѣдней надежды: я могу ждать,

я буду ждать, пока „прокинется“ твое сердце, и съ радостью „порыну“ я отсюда на Запорожье, первымъ порвусь на врага, первымъ на смерть пойду, только-бы думка эта была у меня!...

Наступило тяжелое молчаніе. Видно было только, какъ плечи Ганны вздрагивали все сильнѣй и сильнѣй.

— Ганно, счастье мое, скажи-же мнѣ хоть одно это слово! — подошелъ къ ней Богунъ. — Не отымай этой надежды у меня!

Ганна опустила руки; по лицу ея медленно одна за другой катились крупныя слезы.

— Охъ, козаче мой! — начала она съ невыразимою тоской, заламывая свои тонкія руки, — что-же мнѣ дѣлать съ собою, какъ принудить свое сердце? Да если-бы сила моя была!... Мертвое оно, мертвое! — и губы Ганны непослушно задрожали, она остановилась, потому что рыданіе захватило ей духъ.

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! — вскрикнула она, прижимая руки къ груди. — Не въ силахъ я „дурить“ тебя! Люблю тебя, козаче, какъ „велетня“, какъ друга, а больше... больше... Богъ видитъ — не могу!

На красивомъ лицѣ козака не дрогнула ни одна черта, только черныя брови его сжались сильнѣе.

— Что-жъ? — произнесъ онъ, наконецъ, гордымъ тономъ, забрасывая голову назадъ, и горькая улыбка искривила его лицо. — Спасибо тебѣ, Ганна, хоть за правду. Не намъ, козакамъ-нетягамъ, думать о счастьѣ. Оно не для насъ. Выняньчили насъ метели, да громы. Э, — перебилъ онъ самъ себя, — да что ужъ тамъ и говорить! Прощай, Ганна! Обо мнѣ не думай! Дай Богъ тебѣ счастья!

— Охъ, козаче, — вырвалось горько у Ганны, — не смѣйся надо мной!

— Но если я узнаю, кто причиной твоему несчастью, если здѣсь кто хоть подумаетъ „скрывдыть“ тебя, — продолжалъ Богунъ, понижая голосъ, — слово скажи, съ конца свѣта примчусь, и пожалѣетъ онъ, что на свѣтъ родился!

— Прости меня, прости меня! — зарыдала Ганна, протягивая къ нему руки.

— За что прощать? — перебилъ ее горько Богунъ. — Разбила ты, безталанная, безъ воли мое сердце! Да что о немъ говорить! Носило оно много горя, такъ много, что уже и не подъ силу ему. Авось сжалится надъ нимъ, наконецъ, чья турецкая сабля, — вскрикнулъ онъ горько, направляясь къ выходу, — избавитъ отъ мукъ навсегда!

— Нѣтъ! Стой! Ты этого не говори! — вскрикнула лихорадочно Ганна, хватая его за руку. — Будущее въ рукѣ Божьей, твое сердце вѣдь не твое, а наше, и мы его не отдадимъ тебѣ, — слышишь? — не отдадимъ никогда! — Голосъ ея звучалъ твердо и сильно, сухіе

глаза горѣли какимъ-то горячимъ, вдохновеннымъ огнемъ. — Не намъ судилось счастье, правду ты сказалъ, не намъ! Но не для счастья мы живемъ! Развѣ ты не слышишь и днемъ, и ночью, какъ звонятъ наши цѣпи? Развѣ, ты не слышишь нашихъ слезъ и стоновъ, которые вотъ тутъ, въ этомъ сердцѣ безпрерывно дрожатъ? А! не говори о мукахъ и горѣ! Что значатъ наши муки передъ тою вѣковѣчною „зневагой", какая огнемъ зажигаетъ всю нашу кровь?

И по мѣрѣ того, какъ говорила Ганна, лицо Богуна озарялось другимъ, отважнымъ, восторженнымъ блескомъ. Грудь поднималась высоко и сильно, глаза вспыхивали огнемъ.

— Туда лети, — продолжала Ганна горячо, протягивая впередъ руку, — неси братчикамъ счастливую вѣсть. Подымайтесь бурею, хмарой.. О дайте-жъ намъ сбросить это ярмо позора! Дайте намъ стать рядомъ съ другими людьми!

— Ганно, жизнь моя! — вскрикнулъ порывисто Богунъ, склоняясь передъ ней. — Что ты дѣлаешь со мной?...

Уже совсѣмъ вечернѣло, когда къ крыльцу Субботовскаго дома подвели лошадей путникамъ. Лошадь Богуна замѣнили другой, сильной и привычной къ долгимъ переѣздамъ, къ которой на длинномъ поводѣ была привязана и другая, для перемѣны. Небо все заволокло сѣрыми тучами; склоняющееся къ западу солнце освѣщало все кровавымъ свѣтомъ.

Всѣ обитатели усадьбы собрались на крыльцѣ. Прощанье было короткое и сухое.

Богунъ подошелъ къ Ганнѣ.

— Помилуй Боже, — сказала она, крестя его склоненную голову.

— Бувай здорова! — проговорилъ твердо козакъ и, не взглянувъ ни на кого, подошелъ къ своему коню.

— Эй, не ѣхалъ бы ты на ночь, Иване, лучше бъ съ утра! — замѣтилъ серьезно дѣдъ, поглядывая на затянувшееся небо. — Что то погода нахмурилась... И не къ часу, славно осенью завыла...

— Нельзя, диду. Да это не бѣда: мыли насъ не мало дожди! — отвѣтилъ Богунъ, уже сидя на конѣ и собирая повода.

Богданъ попрощался со всѣми, перекрестилъ и поцѣловалъ дѣтей и, вскочивши въ сѣдло, крикнулъ громко, сбрасывая шапку и осѣняя себя крестомъ: „Съ Богомъ рушай!"

Лошади поднялись въ галопъ и понеслись со двора.

— Ты-жъ, друже, съ нами до самаго Чигирина? — спросилъ Богданъ Богуна, когда они подъѣхали къ греблѣ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ коротко Богунъ, не подымая глазъ, — я прямо на Золотарево, мнѣ надо еще и Золоторенка повидать.

45
69

Богданъ бросилъ на него долгій и внимательный взглядъ: ни угрюмый, молчаливый видъ козака, ни краткость его отвѣта, словно произнесеннаго съ большимъ усиліемъ надъ собой, не ускользнули отъ этого внимательнаго, какъ-бы прозирающаго насквозь взгляда. Какая-то смутная догадка шевельнулась въ головѣ Богдана.

— Ну, что-жъ, такъ прощай!—произнесъ онъ громко, придерживая коня.—Такъ мы сейчасъ и попрощаемся: тутъ намъ сейчасъ заворачивать— мнѣ черезъ греблю направо, а тебѣ все прямо на полдень.

Козаки остановились, сбросили шапки, перекрестились, поцѣловались три раза и повернули въ противоположныя стороны лошадей.

Небо заволакивалось все сильнѣе; вѣтеръ крѣпчалъ и стлалъ передъ собой волнами сѣдой степной ковыль; осенній сѣрый полумракъ спускался надъ безбрежною степью; становилось холодно и темно.

Подъ нависшимъ сѣрымъ небомъ мчались теперь по безлюдной степи кони Богуна. Встрѣчный вѣтеръ подымалъ ихъ густыя гривы и развѣвалъ по вѣтру длинные хвосты. Богунъ надвинулъ на голову шапку и набросилъ на плечи керею. Вѣтеръ свистѣлъ у него надъ ухомъ, но онъ не слыхалъ его. Казалось, онъ былъ настолько погруженъ въ свои мысли, что не видалъ ничего передъ собою. Каждый шагъ коня уносилъ его все дальше и дальше отъ Субботова, отъ этого спокойнаго, уютнаго уголка, къ которому онъ всегда стремился душой. Но сожалѣнія уже не было въ душѣ козака: онъ снова мчался туда на югъ, на встрѣчу этому буйному вѣтру, подъ дождь и бурю, въ темноту и неизвѣстность, на встрѣчу опасностямъ и смерти. Тамъ, за нимъ, въ сомкнувшемся уже туманѣ, стояли двѣ женщины; онѣ указывали ему на Запорожье, онѣ толкали его. И одна изъ нихъ подымалась, величественная и прекрасная, словно мраморная богиня, въ золотистой одеждѣ, опоясанная синею лентой Днѣпра, но прекрасное лицо ея было строго и печально, а въ глазахъ, синихъ и глубокихъ, какъ небесная лазурь, стояла горькая слеза. Другая казалась совсѣмъ маленькой рядомъ съ величественною богиней, но тонкая рука ея указывала туда же, а сѣрые лучистые глаза смотрѣли съ восторгомъ на Богуна, и голосъ шепталъ, задыхаясь: „О, дайте-же намъ сбросить это ярмо позора, дайте намъ стать рядомъ съ другими людьми!“

Ночь наступала. Вѣтеръ свистѣлъ. Кони летѣли быстрѣй и быстрѣй. И вдругъ на встрѣчу бурному вѣтру раздалась среди наступавшаго мрака громкая смѣлая пѣснь козака:

„Ой, любивъ козакъ та дивчиноньку, якъ той батько дитыну,
А теперъ такъ и покидае, якъ на морѣ хвылыну!“

М Старицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка [1]).

V.

Формированіе восьми козачьихъ полковъ въ 1831 г.—Ходатайства князя Н. Г. Репнина о возвращеніи малороссійскимъ козакамъ ихъ прежнихъ правъ и вольностей.—Обсужденіе этого вопроса въ особомъ комитетѣ; отдѣльное мнѣніе князя Н. Г. Репнина; его письмо къ графу А. Н. Чернышеву; опасенія сепаратизма.—Указъ 25 іюня 1832 г., регулирующій отбываніе малороссійскими козаками воинской повинности.—Переселенія козаковъ на Кавказъ.—Противники взглядовъ князя Н. Г. Репнина князь В. П. Кочубей.

Когда вспыхнуло польское возстаніе 1830—31 гг., поразившее своею казавшейся неожиданностью и даже внезапностью [2]) и побудившее высшее правительство озаботиться изысканіемъ разнаго рода мѣръ къ скорѣйшему его подавленію, то одной изъ такихъ мѣръ въ самый тяжелый моментъ польской кампаніи 1830—31 гг., когда императоръ Николай Павловичъ былъ крайне недоволенъ бездѣятельностью тогдашняго главнокомандующаго графа Дибича [3]), былъ запросъ малороссійскому генералъ-губернатору князю Н. Г. Репнину о томъ, можно-ли сформировать изъ малороссійскихъ козаковъ, по примѣру 1812 года, въ самомъ скоромъ времени нѣсколько полковъ и выслать ихъ на театръ военныхъ дѣйствій для оказанія содѣйствія къ подавленію возстанія.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 6.

[2]) Кн. Щербатовъ. Ген.-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. С.-Пб. 1894. Т. IV, стр. 3 и приложеніе № 3.

[3]) Ibidem. Стр. 9—22.

Князь Н. Г. Репнинъ со свойственной ему горячностью отозвался въ благопріятномъ смыслѣ на сдѣланный ему запросъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 20 апрѣля 1831 года, живо характеризующемъ взгляды Репнина и заботливое отношеніе его къ интересамъ мѣстнаго населенія:

„Вашего Императорскаго Величества призывомъ малороссійскихъ козаковъ къ вооруженію, для содѣйствія къ прекращенію мятежа неблагодарныхъ поляковъ, оказываете имъ величайшее довѣріе, коего драгоцѣнность они въ полной мѣрѣ восчувствуютъ. Народъ сей, сохранившій доселѣ воинственный духъ предковъ своихъ, сохранилъ и древнюю ненависть къ ляхамъ, подъ игомъ коихъ стеналъ край сей болѣе трехъ вѣковъ. Предки оставались непоколебимы въ Православіи, при всемъ усиліи введенія уніи, и вѣрными Престолу, несмотря на ухищренія и прельщенія Виговскаго, Дорошенка и Мазепы. Таковыми будучи и потомки ихъ, нынѣ покоющіеся подъ мощнымъ, правосуднымъ и отеческимъ скипетромъ Вашимъ, я смѣло ручаюсь, что малороссійскіе козаки съ радостью поставятъ изъ себя поборниковъ за престолъ и отечество. Таковыя чувствованія одушевляютъ и дворянство здѣшнее, и живущіе на родинѣ легко поймутъ, что безъ содѣйствія ихъ невозможно будетъ вооружить и поставить въ скоромъ времени конные полки. Ни дворянство, ни козаки не помышляютъ о какомъ-либо вознагражденіи, ибо вѣрность и усердіе ихъ неограничены; но милосердное и отеческое сердце Ваше навѣрно не осудитъ меня за вѣрноподданническое донесеніе, что теперь предстоялъ-бы случай исполнить преднамѣреніе Вашего Императорскаго Величества, оказавъ помощь малороссійскимъ козакамъ, ограничивъ подати, ими вносимыя, суммою, изъясненною въ Высочайшемъ указѣ, данномъ здѣшнему гражданскому губернатору 11-го іюня 1816 г.[1]) и потомъ отмѣненныя указомъ 10-го декабря 1819-го года[2]). Уменьшеніе подати за право винокуренія ниже однимъ рублемъ дворянству низшему была-бы благодѣтельная помощь при нынѣшнихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и сіе казалось-бы тѣмъ

[1]) П. С. З., № 26309.
[2]) П. С. З., № 28021.

удобнѣе учинить, что, по возстановленіи спокойствія въ отечествѣ, необходимо должно будетъ ириступить къ соображенію о перемѣнѣ сего акциза, столь, смѣю сказать, неосновательно и даже несправедливо обращеннаго въ поголовную подать. Простите, Всемилостивѣйшій Государь, дерзость мою, и примите ее, какъ новый залогъ непоколебимой вѣрноподданической приверженности моей. Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный, князь Н. Репнинъ. 20 апрѣля 1831 года" [1]).

По полученіи такого благопріятнаго отвѣта на сдѣланный запросъ, 6 мая 1831 г. воспослѣдовалъ рескриптъ на имя малороссійскаго генералъ-губернатора о сформированіи изъ малороссійскихъ козаковъ восьми кавалерійскихъ полковъ [2]).

Въ этомъ рескриптѣ говорилось между прочимъ:

„Князь Николай Григорьевичъ! Признавая необходимымъ имѣть въ составѣ вновь образуемой резервной арміи достаточное число легкой кавалеріи, повелѣваю Вамъ, на точномъ основаніи утвержденныхъ мною и при семъ препровождаемыхъ положенія и штата, сформировать изъ малороссійскихъ козаковъ, въ двухъ ввѣренныхъ Вамъ губерніяхъ живущихъ, восемь полковъ легкой кавалеріи, и по мѣрѣ сформированія отправлять ихъ въ резервную армію, по назначенію главнокомандующаго оною генерала отъ инфантеріи графа Толстаго. Я увѣренъ что *воинственное сословіе малороссійскихъ козаковъ* ревностно воспользуется симъ случаемъ, дабы явить новый опытъ той непоколебимой вѣрности и того пламеннаго усердія къ Престолу и Отечеству, коими они всегда отличались".

Въ награду за скорое сформированіе полковъ снимались съ козаковъ недоимки по всѣмъ податямъ и, вмѣсто оброчной подати, налагалась подушная, „съ 1832 года впредь во все время существованія означенныхъ восьми полковъ", по 4 рубля съ ревизской души.

Далѣе, было обѣщано, „по минованіи нужды въ служеніи сего войска, относительно людей, въ ономъ бывшихъ, сдѣлать *особое* распоряженіе".

---

[1]) Чтенія въ И. О. И. и Др. Р. 1853. I, стр. 176—177 смѣси.

[2]) П. С. З., № 4536. Срв. „Кіев. Стар." 1897 г., апрѣль, стр. 157.

Объ исполненіи этого указа ближайшій свидѣтель, И. И. Сердюковъ,—служившій въ это время въ канцеляріи князя Н. Г. Репнина, разсказываетъ въ своей „автобіографической запискѣ“ [1]) слѣдующее:

... „Въ 1830 году (читай—1831 г.), во время возстанія Польши, въ Малороссіи формировались козачьи полки по манифесту (?) императора Николая Павловича на такомъ основаніи, какъ было это въ 1812 году. Имъ обѣщанъ по окончаніи кампаніи возвратъ въ дома, а поступившимъ изъ гражданскихъ чиновниковъ въ офицеры—переименованіе въ военные чины. Въ такой надеждѣ все закипѣло и менѣе нежели въ мѣсяцъ полтавская и черниговская губерніи выставили восемь полковъ, по тысячѣ каждый, а дворяне купили лошадей и сбрую. Козаки шли всѣ охотно, между ними много было такихъ, которые оставили женъ, дѣтей и довольно значительное состояніе. Полки пошли, стали на границахъ (?) и по случаю скораго окончанія кампаніи [2]) послѣдовало распоряженіе возвратить ихъ домой [3]). Кажется, въ концѣ 1831 года уже нѣкоторые возвратились въ объятія родины“...

Пользуясь благопріятнымъ моментомъ благосклоннаго отношенія высшаго правительства къ малороссійскимъ козакамъ, князь Н. Г. Репнинъ, всегда горячо отстаивавшій интересы населенія, входившаго въ составъ малороссійскаго генералъ-губернаторства, принося глубочайшую признательность Государю за оказанныя малороссійскимъ козакамъ льготы, счелъ удобнымъ напомнить во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 31 іюля 1831 года о тягости крѣпостнаго права для большинства помѣщичьихъ крестьянъ, обращенныхъ во многихъ случаяхъ въ несвободное состояніе изъ числа вольныхъ козаковъ, оплакивавшихъ свою

[1]) „Кіевск. Стар.“ Т. LV, стр. 193.

[2]) Манифестъ объ окончаніи польской кампаніи 1830—31 г.г. былъ обнародованъ 6 октября 1831 г. Кн. Щербатовъ, l. c. Приложенія, стр. 139—141.

[3]) Ген. Пузыревскій, авторъ изслѣдованія—Польско-русская война 1831 г. (Т. I, П. Спб. 1890 г.), при подробномъ перечисленіи русскихъ войскъ, участвовавшихъ въ кампаніи, упоминаетъ о 18 козачьихъ полкахъ (стр. 33 сл.), но у насъ нѣтъ данныхъ для того, чтобы опредѣлить, входили ли въ составъ этихъ полковъ и восемь малороссійскихъ, или это были исключительно великороссійскіе козаки.

свободу, и тѣмъ самымъ давалъ понять, что слѣдовало бы возвратить этимъ случайнымъ рабамъ свободу, а вообще малороссійскимъ козакамъ ихъ вольности, отчего государственные интересы нисколько не пострадали бы, а скорѣе выиграли, такъ какъ козаки представляли бы всегда готовое войско, которое являлось бы по первому призыву отстаивать интересы общаго отечества, какъ они доказали это быстрымъ сформированіемъ восьми полковъ, по тысячѣ человѣкъ въ каждомъ.

„Я утверждалъ, говоритъ князь Н. Г. Репнинъ въ своей запискѣ, что малороссійскіе козаки, племя народа воинственнаго, съ восторгомъ вооружатся на защиту престола отъ оскорбленія и, къ счастію моему, событія истекшаго полугодія оправдали ручательство мое...

... Ваше Императорское Величество услышали мольбу подданнаго, истинно Вамъ приверженнаго, козакамъ простили милліоны и уменьшили подати ихъ на будущее время. Отеческое желаніе Ваше, Всемилостивѣйшій Государь, исполнилось: полмилліона Вашихъ подданныхъ счастливѣе и съ радостнымъ восторгомъ благословляютъ священное имя Ваше...

... Прежніе малороссійскіе земледѣльцы (посполитство) мало чѣмъ различествовали отъ козаковъ, и коль скоро пріобрѣтали собственность, поступали въ сіе сословіе, покуда пользовались правомъ вольнаго перехода до 1783 года, но въ сіе время порабощены они происками тогдашнихъ царедворцевъ, клевретовъ ихъ и нѣкоторыхъ малороссійскихъ старшинъ, пожертвовавшихъ счастіемъ родины для собственной корысти. Каждый шестидесятилѣтній поселянинъ пользовался всѣми выгодами свободы, и память разсказовъ объ ней есть главнѣйшая причина ропота крестьянъ на ихъ помѣщиковъ и зависти ихъ къ козакамъ“...

Настойчиво добиваясь осуществленія своихъ завѣтныхъ мыслей по отношенію къ малороссійскимъ козакамъ, князь Н. Г. Репнинъ, обратившись въ сентябрѣ 1831 г. въ главный штабъ съ просьбой испросить разрѣшеніе Государя на роспускъ малороссійскихъ козачьихъ полковъ по домамъ, послѣ того какъ они пробыли въ строю около трехъ мѣсяцевъ, сдѣлалъ опять попытку напомнить высшему правительству объ обѣщанной еще указами

предшествовавшаго царствованія реорганизаціи быта малороссійскихъ козаковъ, въ смыслѣ возвращенія имъ нѣкоторыхъ прежнихъ вольностей, а главное, обращенія ихъ въ особое военное сословіе. Князь настаивалъ на полной своевременности подобной мѣры, въ виду того, что малороссійскіе козаки и по своимъ воинскимъ доблестямъ и по своимъ національнымъ традиціямъ могли бы составить хорошій оплотъ со стороны мятежныхъ поляковъ, которые и на будущее время, быть можетъ, станутъ дѣлать попытки къ возстановленію своей политической самостоятельности, какъ это и случилось дѣйствительно въ 1863 году.

4 октября 1831 года, за два дня до изданія манифеста объ окончаніи польской кампаніи, князь Н. Г. Репнинъ обратился съ нижеслѣдующимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ о полной готовности малороссійскихъ козаковъ возвратиться къ ихъ прежнему военному быту и о своевременности проведенія подобнаго рода реформы:

„Всемилостивѣйшій Государь! Испрашивая черезъ посредство г. управляющаго главнымъ штабомъ Вашего Императорскаго Величества Высочайшихъ повелѣній Вашихъ касательно временнаго роспуска резервныхъ эскадроновъ малороссійскихъ козачьихъ полковъ, уже сформированныхъ, я думаю сими строками донести, что и при семъ послѣднемъ случаѣ малороссійскіе козаки вполнѣ доказали воинственный духъ предковъ своихъ. Готовность и усердіе, съ которыми они стремятся отъ сельскихъ занятій своихъ къ обязанностямъ и трудамъ военной службы, превосходятъ по истинѣ мѣру всякаго ожиданія и я счастливымъ себя почитаю, имѣя право ручаться Вашему Императорскому Величеству, что столь благородныя чувства малороссійскихъ козаковъ сливаются въ нихъ съ нелицемѣрною преданностью, вѣрностью и пламеннымъ усердіемъ къ Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь! Съ гордостью можно сказать, что добрый народъ сей, не взирая на тягостныя событія протекшаго времени, поколебавшія его благосостояніе, памятуетъ токмо вѣрноподданническій долгъ свой къ Государю и любовь къ родинѣ своей. Я не ошибусь, если заключу, что чувствъ ихъ достаточно для составленія вѣрнаго и надежнаго воинства.

Благотворная мысль Ваша, Всемилостивѣйшій Государь, обратить малороссійскихъ козаковъ къ первобытному ихъ воинственному состоянію предупредила цѣль нынѣшняго всеподданнѣйшаго представленія моего; но, руководствуясь опытомъ долговременнаго пребыванія моего въ краѣ семъ, доставившемъ мнѣ возможность изыскать къ таковому преобразованію сего народа надежный способъ, сообразный съ его нравами, мѣстнымъ положеніемъ и выгодами общими, я осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить у Вашего Императорскаго Величества дозволенія представить къ Высочайшему благоусмотрѣнію Вашему новый проэктъ, мною по сему предмету нынѣ составленный.

Я льщу себя надеждою, что приведеніе предположенія моего было бы не невозможно.

Къ рядамъ побѣдоноснаго воинства Вашего присоединится значительный отрядъ вѣрныхъ и усердныхъ поборниковъ; на стражѣ у Днѣпра стоялъ бы противъ легковѣрія польскаго народъ воинственный, и благоденствіе полмилліона Вашихъ подданныхъ упрочится на долгія времена. Ходатайствуя о семъ, я долгомъ поставляю обратить прозорливое вниманіе Вашего Императорскаго Величества на событія и послѣдствія времени. Въ 1812 году подобное же вооруженіе малороссійскихъ козаковъ встрѣтило въ семъ воинственномъ племени таковое же усердіе, ту же готовность и то же самоотверженіе. Побужденіемъ къ сему наиболѣе было торжественное обѣщаніе постояннаго учрежденія малороссійскихъ полковъ. Послѣдовавшая вскорѣ потомъ отмѣна и обращеніе сихъ ревностныхъ воиновъ опять въ казенные поселяне и къ рекрутскому набору повергло въ уныніе всѣхъ козаковъ и внушило имъ недовѣрчивость, свойственную народу мало образованному. Сіе то время должно рѣшительно почесть причиною упадка благосостоянія малороссійскихъ козаковъ, ибо они для вооруженія своего пожертвовали тогда десятками милліоновъ, когда нынѣ и одного не издержано. Безполезная трата сія, соединенная съ утратой семействъ, лишившихся подпоры и надежды своей, какъ слѣдствіе политической и нравственной ошибки правительства, очевидно, содѣйствовали совершенному разоренію козаковъ, и даже понынѣ многія семейства изъ нихъ

съ стѣсненнымъ сердцемъ вспоминаютъ невозвратныя потери свои и *неисполненный обътъ правительства.*

Но чувства огорченія мгновенно исчезли при первомъ воззваніи Вашего Императорскаго Величества къ вооруженію. Козаки снова ополчились въ надеждѣ на благость Вашу: въ ней находятъ они залогъ общаго своего благоденствія. Они забыли всѣ труды, пожертвованія и самыя чувствительныя утраты, въ твердомъ упованіи, что милосердіе Ваше оградитъ отъ сиротства семейства ихъ, что они возвратятся въ домы свои, продолживъ срочное служеніе. На семъ то послѣднемъ основываю я проектъ преобразованія малороссійскихъ козаковъ [1]). При составленіи онаго, я руководствуюсь благотворнымъ предначертаніемъ Вашего Императорскаго Величества и нынѣшнее время почитаю самымъ удобнымъ къ приведенію онаго въ исполненіе, ибо значительное количество малороссійскаго войска уже составлено, остается только привести войско сіе въ надлежащую соразмѣрность съ цѣлымъ народонаселеніемъ и положить основаніе къ прочному основанію и положенію онаго" [2]).

Изъ настоящаго доклада видно, что „мысль обратить малороссійскихъ козаковъ къ первобытному ихъ воинственному состоянію" и такимъ образомъ исполнить прежде данныя имъ обѣщанія, повидимому, продолжала держаться въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и, какъ говоритъ князь Н. Г. Репнинъ, какъ бы „предупредила" цѣль этого самаго доклада, но такъ какъ она вполнѣ соотвѣтствовала его взглядамъ и задушевнымъ желаніямъ, то онъ поспѣшилъ представить проектъ военной организаціи малороссійскихъ козаковъ. Къ сожалѣнію, приходится повторить слова О. И. Бодянскаго, что „проектъ сей неизвѣстенъ"—среди бумагъ князя Н. Г. Репнина въ Яготинскомъ архивѣ его не нашлось, но за то сохранилась слѣдующая писанная рукою князя Н. Г. Репнина черновая безъ даты всеподданнѣйшаго рапорта, къ которому былъ приложенъ, повидимому, вышеупомянутый проектъ:

---

[1]) Редакторъ „Чтенія", покойный проф. О. М. Бодянскій, дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „къ сожалѣнію, проектъ сей мнѣ неизвѣстенъ."

[2]) Чтенія въ И. О. И. и Др. Р. 1863. I, стр. 193—194 смѣси.

„Всемилостивѣйшій Государь! Имѣя счастье представить Вашему Императорскому Величеству при всеподданнѣйшемъ рапортѣ моемъ проектъ положенія объ обращеніи малороссійскихъ козаковъ къ первобытному ихъ воинственному состоянію, составленный мною на основаніи благотворныхъ правилъ Вами, Всемилостивѣйшій Государь! предначертанныхъ, я смѣло ручаюсь предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, что приведеніе положенія сего въ исполненіе чрезвычайно улучшитъ нынѣшнее стѣсненное состояніе козаковъ. Они и позднѣйшіе потомки ихъ съ восторгомъ будутъ благословлять имя августѣйшаго благотворителя своего и Войско Малороссійское, конечно, докажетъ, что оно достойно вниманія, коимъ Ваше Императорское Величество оное осчастливили.

При составленіи сего проэкта, я твердо старался наблюсти два главныхъ правила: улучшить нынѣшнее положеніе козаковъ и вмѣстѣ, сколько возможно, сохранить пользу казны. Я льщу себя надеждою, что достигъ предположенной цѣли. Взносимыя нынѣ козаками подати значительно уменьшаются, а казна не только ничего изъ доходовъ своихъ не теряетъ, но пріобрѣтаетъ еще ежегодно значительную въ оныхъ прибыль. Уповаю твердо, что и прозорливое сужденіе Ваше оправдаетъ предположеніе мое, ибо оно основано не на какомъ либо поверхностномъ соображеніи, но на точномъ исчисленіи. Со всѣмъ тѣмъ я долженъ сознаться Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь! что прочное и на твердыхъ основаніяхъ улучшенное благосостояніе малороссійскихъ козаковъ зависитъ отъ усовершенствованія ихъ внутренняго управленія. Предметъ сей не входитъ въ проектъ ихъ военнаго преобразованія, а потому я составилъ особыя правила, относящіяся къ улучшенію нынѣшняго устройства волостныхъ и сельскихъ правленій и вообще всѣхъ частей внутренняго управленія, основанныя на опытѣ долговременнаго пребыванія моего въ здѣшнемъ краѣ, доставившемъ мнѣ случай съ достовѣрностью наблюсти недостатки нынѣшняго по сему предмету устройства и изыскать средства къ полезному исправленію оныхъ. Я буду имѣть счастіе представить правила сіи на благоусмотрѣніе Ваше,

если удостоюсь получить на сіе Высочайшее соизволеніе Вашего Императорскаго Величества.

Благо народа Вашего есть постоянная цѣль всѣхъ трудовъ и попеченій Вашихъ, а потому я твердо убѣжденъ, что усердіе мое содѣйствовать благотворнымъ желаніямъ Вашего Императорскаго Величества пріймете Вы, Всемилостивѣйшій Государь! какъ пламенный порывъ вѣрноподданнаго, коему ввѣрили Вы устроеніе благосостоянія вѣрнаго и добраго народа Вашего" [1]).

Проектъ князя Н. Г. Репнина и вообще весь вопросъ о реорганизаціи быта малороссійскихъ козаковъ былъ переданъ на обсужденіе особаго комитета, къ каковому способу предварительнаго разсмотрѣнія болѣе сложныхъ и важныхъ государственныхъ вопросовъ любилъ прибѣгать императоръ Николай I [2]).

Повидимому, члены комитета не вполнѣ сочувственно отнеслись къ проекту князя Н. Г. Репнина, такъ что ему пришлось выступить въ защиту предлагаемыхъ имъ мѣропріятій съ отдѣльнымъ мнѣніемъ отъ 13 апрѣля 1832 года:

„Совершенно раздѣляю заключеніе прочихъ гг. членовъ комитета, что для блага Имперіи, сохраняющей цѣлость и могущественное величіе свое подъ благотворною сѣнію Самодержавія, не должны быть терпимы въ оной отдѣльныя самостоятельныя части или, лучше сказать, федеральныя соединенія провинцій на особыхъ правахъ, какъ то дѣлалось во время царствованія блаженной памяти Государя Императора Александра Павловича со всѣми пріобрѣтеніями.

Но сія самостоятельность измѣнилась уже въ Малороссіи съ учрежденіемъ 16 мая 1722 года коллегіи въ Глуховѣ, а потомъ совершенно уничтожилась 10 ноября 1764 года прекращеніемъ гетманскаго званія.

Истекаетъ уже 110-й годъ, какъ Малороссія не составляетъ особой части въ государствѣ: судъ и расправа подчинены съ сего времени Правительствующему Сенату; власти духовныя зависятъ отъ Святѣйшаго Синода; доходы поступаютъ въ Государеву казну; жители ея производили работы для общей пользы государ-

[1]) Рукопись Яготин. арх. князей Репнинныхъ.

[2]) Сборникъ И. Р. И. О. Т. 98, стр. 102.

ства внѣ своихъ предѣловъ, какъ-то: ладожскаго канала, крѣпости св. креста, пограничныхъ линій и другія; изъ малороссіянъ, въ разныхъ губерніяхъ обитающихъ, составлялись регулярные полки: ландмилицкіе, пикинерные, гусарскіе, карабинерные и легкоконные, также корпусъ пѣшихъ стрѣлковъ и особый гренадерскій полкъ, наконецъ, малороссіяне въ 1797 году подвержены всѣ безъ исключенія общимъ рекрутскимъ наборамъ и во всѣхъ родахъ воинской службы отличаютъ себя усердіемъ, повиновеніемъ и мужествомъ.

При всѣхъ сихъ измѣненіяхъ малороссіяне, непоколебимые въ Православіи, пребыли вѣрными Престолу. Ни несчастія, Провидѣніемъ на нихъ посылаемыя, ни отягощенія и притѣсненія, ни смуты, вблизи бывшія, не нарушили съ 1709 года спокойной покорности властямъ, отъ Самодержавія надъ ними поставленнымъ. Они все переносили, ища только помощи и защиты у Государей или собственнымъ моленьемъ, или ходатайствомъ ихъ начальниковъ.

Не послужитъ ли сіе какъ яснымъ доказательствомъ, что память бывшей самостоятельности совершенно исчезла въ Малороссіи, такъ и залогомъ для будущаго, что оная не возродится.

Тѣмъ менѣе обращеніе меньшей части малороссіянъ, составляющихъ сословіе тамошнихъ козаковъ, къ прежнему ихъ воинскому положенію можетъ возстановить между ними какую-либо самостоятельность, ибо они, бывъ разсѣяны на пространствѣ 61,000 квадратныхъ верстъ, не составляютъ даже ни одного цѣлостнаго изъ себя селенія, а вездѣ перемѣшаны въ оныхъ съ дворянами, разночинцами и крестьянами-казенными и помѣщичьими—слѣдственно и бытъ ихъ гражданскій долженъ остаться на общемъ положеніи.

По истинѣ малороссіяне суть совершенно русскіе и они подтвердили сіе событіями прошедшаго лѣта. Нарѣчіе, обычаи, одежда различествуютъ, но вѣра, Царь и Русь, есть для нихъ святыня нераздѣльная и неприкосновенная, а наслѣдственная вражда къ смежнымъ съ ними католикамъ—ляхамъ образуетъ изъ нихъ еще вѣрно на столѣтіе лучшихъ стражей противъ легкомыслія польскаго.

Конечно, желательно, чтобы всякая разница исчезла между единоплеменнымъ „народомъ, но вѣра, климатъ, законы и правила, принятые въ основаніе отъ правительства, примѣры дѣлъ прешедшихъ, нравы и обычаи", по словамъ Екатерины II, „господствуютъ надъ человѣками", и она же сказала, „что худая та политика, которая то предписываетъ законами, что надлежитъ перемѣнить обычаями" (Наказъ Коммиссіи, ст. 45 и ст. 60).

Сіи истины должны руководить насъ при предлежащемъ намъ дѣлѣ.

Всемилостивѣйшій Государь нашъ, желая, чтобы полмилліона Его вѣрноподданныхъ сдѣлались счастливѣе, благоволилъ указать способы на сіе:

1. Обращеніемъ козаковъ на бытъ и повинность болѣе сходные съ ихъ нравами и обычаями.

2. Уменьшеніемъ податей до той степени, которую могутъ платить они безъ отягощенія.

3. Подтвержденіемъ правъ сихъ свободныхъ владѣльцевъ-поселянъ и поддержаніемъ чрезъ то въ семъ воинскомъ племени того „славолюбія", которое тоже, по словамъ Екатерины II, „служитъ твердой опорой правленій", (Наказъ, ст. 306).

Сими мѣрами подъ начальствомъ начальниковъ посторонихъ, постоянно дѣйствующихъ къ улучшенію благосостоянія малороссійскихъ козаковъ и къ образованію воиновъ, изъ нихъ набранныхъ, перемѣняются и нравы, и обычаи сего народа, ибо возвращающіеся изъ службы въ семьи свои, бывъ еще во всей силѣ возмужалости, дадутъ собратіямъ своимъ примѣры большаго трудолюбія, лучшей дѣятельности, нежели они нынѣ имѣютъ, слѣдственно они, по желанію Государя, сдѣлаются счастливѣе [1]).

Повидимому, къ этому же времени относится и сохранившаяся собственноручная, безъ даты, черновая письма князя Н. Г. Репнина къ графу Александру Ивановичу Чернышеву [2]), участвовавшему, конечно, по званію генералъ-адютанта и това-

[1]) Рукопись Яготин. арх., съ надписью сверху—„подано въ засѣданіе Комитета 13 апрѣля 1839 г.".

[2]) А. И. Чернышевъ пожалованъ графскимъ достоинствомъ 22 августа 1826 г., княжескимъ 16 апрѣля 1841 г.

рица начальника главнаго штаба, въ совѣщаніяхъ о реорганизаціи малороссійскихъ козаковъ и относившемуся къ нимъ, какъ видно, благосклонно, съ просьбой ходатайствовать предъ Государемъ объ освобожденіи дѣтей малороссійскихъ козаковъ, прослужившихъ узаконенные сроки въ гвардіи и арміи, отъ поступленія въ кантонисты:

„Милостивый Государь, графъ Александръ Ивановичъ! Многими Высочайшими постановленіями, въ послѣдніе годы исходатайствованными Вашимъ Сіятельствомъ у Государя Императора въ пользу малороссійскихъ козаковъ, упрочено навсегда благосостояніе сего сословія. Имя ваше, нераздѣльное въ чувствахъ козаковъ съ возстановленнымъ и имѣющимъ возрастать благосостояніемъ ихъ, передается позднѣйшему потомству, какъ перваго ходатая за нихъ у Всемилостивѣйшаго монарха. Въ числѣ сихъ милостей одной изъ ближайшихъ къ сердцу имъ понятно есть оставленіе въ семьѣ дѣтей поступающихъ впредь на службу.

Нынѣ многіе изъ малороссійскихъ козаковъ, прослужившіе съ отличіемъ узаконенные сроки въ гвардіи и арміи, возвратясь на родину и найдя сыновей своихъ записанными въ баталіоны военныхъ контонистовъ, являются ко мнѣ съ прошеніями о возвращеніи дѣтей ихъ въ семейства для поддержанія старости ихъ и вообще семействъ своихъ и хозяйственнаго быта.

Принимая въ соображеніе съ одной стороны, что съ обращеніемъ малороссійскихъ козаковъ къ прежнему воинскому состоянію и съ учрежденіемъ вслѣдствіе того отдѣльнаго съ нихъ ежегоднаго набора на службу, сословіе сіе должно со временемъ сдѣлаться совершенно воинственнымъ и не подлежитъ уже всѣмъ постановленіямъ для другихъ сословій, а съ другой стороны, что отмѣненіемъ поступленія въ военные кантонисты сыновей козаковъ, состоящихъ на службѣ, какъ по незначительному числу оныхъ, такъ и по новому образованію набора, никакого ущерба въ поступающихъ воинахъ послѣдовать не можетъ и что напротивъ того оставленіемъ въ домахъ поступающихъ нынѣ въ кантонисты будетъ умножаться народонаселеніе козачьяго сословія, и въ особенности, поддержатся малыя семейства и общество чрезъ то получитъ существенную пользу.

Я осмѣливаюсь представить о семъ на уваженіе Вашего Сіятельства, не благоугодно ли будетъ исходатайствовать у Его Императорскаго Величества, чтобы сыновья малороссійскихъ козаковъ, состоящихъ и имѣющихъ поступить на военную службу, были вовсе уволены отъ поступленія въ военные кантонисты и тѣ, которые записаны въ баталіонахъ, но по недостиженію предписаннаго возраста еще не поступили въ оные, были исключены изъ списковъ и оставлены при семействахъ своихъ“ [1]).

Мнѣніе князя Н. Г. Репнина, поданное въ особый комитетъ, не было принято во вниманіе императоромъ Николаемъ Павловичемъ и онъ присоединился къ мнѣнію тѣхъ членовъ комитета, которые придерживались того убѣжденія, что „для блага Имперіи, сохраняющей цѣлость и могущественное величіе свое подъ благотворною сѣнію Самодержавія, не должны быть терпимы въ оныхъ отдѣльныя самостоятельныя части, или федеральныя соединенія провинцій на особыхъ правахъ.“ Конечно, это были ни на чемъ неосновательныя опасенія, такъ какъ князя Н. Г. Репнина ни въ какомъ случаѣ нельзя было упрекнуть въ проведеніи сепаратистическихъ взглядовъ, въ виду того, что онъ самъ заявлялъ, что „малороссіяне суть совершенно русскіе“ и что „вѣра, Царь и Русь есть для нихъ святыня нераздѣльная и неприкосновенная“; онъ лишь желалъ итти на встрѣчу правительству въ осуществленіи вопроса о военныхъ поселеніяхъ на болѣе гуманныхъ началахъ, каковой являлся отчасти потребностью времени, и хлопоталъ объ устраненіи излишнихъ респрессій по отношенію къ совершенно безобидному въ политическомъ отношеніи сословію малороссійскихъ козаковъ, только способствовавшихъ ихъ экономическому раззоренію.

25 іюня 1832 г. послѣдовалъ указъ сенату, опредѣлявшій обязанности козаковъ въ отношеніи военной службы и другихъ повинностей [2]), являвшійся, повидимому, тѣмъ „особымъ распоряженіемъ“, которое было обѣщано рескриптомъ отъ 6 мая 1831 г. Въ этомъ указѣ говорилось между прочимъ слѣдующее:

---

[1]) Рукоп. Яготин. арх.

[2]) П. С. З. № 5458.

„Малороссійскіе козаки, въ полтавской и черниговской губерніи обитающіе, по особому снисхожденію къ разстроенному положенію ихъ, происходящему отъ недостатка земель и неимѣнія промысловъ, разновременно облегчаемы были въ платежѣ государственныхъ повинностей. Между тѣмъ, при дѣйствіи сихъ же причинъ, временная льгота, малороссійскимъ козакамъ дарованная, не могла существенно улучшить ихъ состояніе. Оно, напротивъ того, годъ отъ году болѣе разстраивалось, и нужды козачьяго сословія означенныхъ двухъ губерній постоянно возрастали въ той же мѣрѣ, въ какой само оно умножалось."

Желая облегчить козаковъ въ отношеніи уплаты податей, а также „утвердить въ военномъ состояніи, коимъ они, при пламенномъ усердіи, ревности и преданности къ Престолу, всегда отличались, особенно же въ послѣднее время, при столь быстромъ, по случаю мятежныхъ движеній въ западныхъ губерніяхъ, сформированіи изъ нихъ восьми кавалерійскихъ полковъ", императоръ Николай Павловичъ повелѣвалъ:

Учредить ежегодный наборъ по пяти человѣкъ съ тысячи, обращая рекрутовъ на укомплектованіе армейскихъ кавалерійскихъ полковъ, съ назначеніемъ пятнадцатилѣтняго срока службы. Ежегодный срокъ набора устанавливался съ 15 января по 15 февраля, съ учрежденіемъ особыхъ присутствій, согласно правилъ рекрутскаго устава. По истеченіи пятнадцатилѣтняго срока службы, козаки могли возвращаться по домамъ.

Первый наборъ, согласно этому уставу, долженъ былъ быть произведенъ въ январѣ 1833 года.

Этимъ же указомъ повелѣвалось не отчуждать ни подъ какимъ видомъ козачьихъ наслѣдственныхъ земель, подтверждалось право питейной торговли „въ домахъ своихъ" и налагалось, вмѣсто всѣхъ прежнихъ податей, по два рубля въ годъ съ каждой ревизской души, включая въ это число 55 копѣекъ за право продажи вина.

Любопытныя свѣдѣнія о приведеніи въ исполненіе отчасти этого указа и позднѣйшаго, отъ 8 ноября 1832 г., нѣсколько его видоизмѣнявшаго, сообщаетъ очевидецъ, г. М. Номисъ, въ своихъ „замѣткахъ къ автобіографической запискѣ И. И. Сер-

дюкова“ [1]). Изъ этого сообщенія видно, какъ оба указа поразили своей неожиданностью козаковъ и какъ они шли въ разрѣзъ съ желаніями князя Н. Г. Репнина.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы возможно болѣе разрѣдить вольнолюбивый элементъ, мечтавшій о возстановленіи старинныхъ вольностей и обращеніи козаковъ въ ихъ прежнее воинственное состояніе, 30 сентября 1832 г. послѣдовало высочайшее утвержденіе положенія о переселеніи малороссійскихъ козаковъ, вмѣстѣ съ однодворцами и прочими казенными поселянами для поступленія въ кавказскія козачьи линейныя войска и полки [2]).

Для облегченія козакамъ переселенія, еще въ 1831 г. были изданы два указа, въ одномъ изъ которыхъ отъ 18 февраля [3]) дозволялось совершать акты, представленные въ малороссійскія присутственныя мѣста отъ козаковъ, на продажу или залогъ ихъ земель, по дѣламъ, вчатымъ до полученія указа отъ 25 ноября 1828 г., которымъ воспрещалась дальнѣйшая распродажа козачьихъ земель; въ другомъ указѣ, отъ 21 февраля [4]), дозволялось переселяющимся въ Анапу козакамъ продавать собственныя ихъ земли, кому они желаютъ, кромѣ тѣхъ участковъ, которые со всѣхъ сторонъ граничатъ съ владѣніями другихъ козаковъ, каковые должны быть переуступаемы или сосѣднимъ владѣльцамъ козакамъ, или причисляемы къ общественнымъ или казеннымъ землямъ, съ назначеніемъ владѣльцамъ безобидной платы отъ казны.

Ко времени этого усиленнаго переселенія малороссійскихъ козаковъ на Кавказъ нужно отнести, вѣроятно, любезно сообщенный намъ проф. В. Б. Антоновичемъ, изустный разсказъ одной старухи, слышанный имъ въ 1878 г. въ станицѣ Ардонской Терской области о „дивочомъ наборѣ“. Старуха эта родомъ изъ м. Переволочной полтавской губерніи попала на Кавказъ въ 1832—34 гг., именно,вслѣдствіе „дивочого набора“:—по ея разсказу тогда приказано было въ государственныхъ имѣніяхъ пол-

[1]) „Кіев. Стар.“ 1897 г. апрѣль, стр. 158—161.
[2]) П. С. З. № 5630.
[3]) П. С. З. № 4371.
[4]) П. С. З. № 4763.

тавской и черниговской губерній набрать 500 „дивчатъ“ и доставить по этапу на Кавказъ; распоряженіе это было исполнено и „дивчата“ были перевѣнчаны съ козаками, два полка которыхъ были командированы изъ малороссійскихъ губерній, послѣ участія въ усмиреніи польскаго возстанія, на Кавказъ и поселены тамъ станицами.

Главнымъ противникомъ взглядовъ князя Н. Г. Репнина относительно обращенія малороссійскихъ козаковъ въ ихъ „прежнее воинственное состояніе“, въ видѣ особой сословной единицы, былъ тогдашній предсѣдатель государственнаго совѣта и комитета министровъ (съ 1827 г.), возведенный въ 1831 г. въ княжеское достоинство, Викторъ Павловичъ Кочубей, боявшійся призраковъ сепаратизма и подсказывавшій императору Николаю Павловичу о необходимости принятія немедленныхъ мѣръ къ полной ассимиляціи малороссійскихъ козаковъ съ прочимъ населеніемъ края.

Н. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма Н. И. Костомарова къ В. М. и Н. М. Бѣлозерскимъ.

Извѣстно, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ находился Н. И. Костомаровъ къ семьѣ Бѣлозерскихъ въ тѣ годы, когда постигла его бѣда, окончившаяся ссылкой въ Саратовъ въ 1848 году. Особенно близокъ къ семьѣ Костомаровыхъ (къ матери и сыну) былъ Викторъ Михайловичъ Бѣлозерскій, помогавшій несчастной матери въ дѣлѣ хлопотъ ея у начальства о судьбѣ сына и составлявшій ей всѣ письма къ такимъ высокимъ особамъ, какъ гр. Орловъ и Дубельтъ. Во время пребыванія своего въ Саратовѣ Н. И. Костомаровъ велъ переписку съ В. М. Бѣлозерскимъ, и письма его, конечно, могутъ представлять большой интересъ для насъ, какъ свидѣтели тѣхъ настроеній, какія переживались изгнанникомъ въ его томительномъ уединеніи. Изъ Саратова-же переписывался онъ и съ Николаемъ Мих. Бѣлозерскимъ, какъ съ человѣкомъ, интересовавшимся тѣми-же вопросами науки, которые близки были и нашему историку. Часть этихъ писемъ, сохранившаяся у вдовы покойнаго Н. М. Бѣлозерскаго, любезно доставлена ею въ редакцію нашего журнала, за что мы приносимъ ей глубочайшую благодарность, а самыя письма помѣщаемъ тутъ-же, какъ интересные матеріалы для біографіи Н. И. Костомарова.

I.

Саратовъ іюля 16-го 1848 г.

Любезнѣйшій, незабвеннѣйшій Викторъ Михайловичъ! Не въ добрый часъ выѣхалъ я изъ С.-Пб. Вообразите, что маменьки до сихъ поръ нѣтъ, и извѣстія никакого... Если бъ я

зналъ, что дѣлается на Руси, то ни за что бы не отпустилъ ее. Но проѣхавши 1500 верстъ пространства, тамъ и сямъ зачумленнаго холерою, да въ добавокъ проживя три недѣли въ городѣ, также не лишенномъ этой проклятой гостьи, я въ отчаяніи. Увѣдомите меня, пожалуйста, когда она выѣхала, если Вы сами здравствуете. Мнѣ же отвсюду скорбь и тѣснота велія: съ одной стороны грозитъ мнѣ потеря матери, потеря, которую я едва ли вынесу, ибо вслѣдъ за нею меня ожидаетъ ужаснѣйшее сиротство,—съ другой стороны матушка послала Мазуровой билетъ съ рыцарскою довѣрчивостью;—вмѣсто того, чтобы получить этотъ билетъ съ первой почтой, я не имѣю объ немъ увѣдомленія и черезъ пять почтъ; здѣсь же томитъ меня такая убійственная грусть, которую описать не возможно. Заняться нечѣмъ; читать нечего. *Горе мнѣ на чужинѣ* и только.

Сдѣлайте милость напишите ко мнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомите меня: что стоитъ Allgemeine Zeitung за настоящій годъ; я попрошу Васъ, принявъ отъ меня деньги, выписать для меня этотъ журналъ, ибо мнѣ очень хочется систематически изучить перевороты 1848 года, а какъ этотъ журналъ, во-первыхъ, отличается обширностью, а, во-вторыхъ, придерживается консервативнаго духа, болѣе сообразнаго съ идеями нашего правительства и потому менѣе подверженъ проскрипціи, то кажется я не ошибусь, выбравши его за главный источникъ въ этомъ дѣлѣ.

Если будете писать Кулешу и Василію Михайловичу, передайте обоимъ отъ меня искреннѣйшее желаніе всякаго земного счастья и нравственнаго совершенства, да сверхъ того Кулешу совѣтъ мой заняться древними языками, въ особенности греческимъ; П. А. безспорно созданъ для изящной литературы, слѣдовательно лучше не можетъ онъ употребить времени своего изгнанія, какъ на образованіе вкуса, который ничѣмъ такъ не улучшается, какъ правильнымъ изученіемъ антическаго міра и чтеніемъ вѣковыхъ изящныхъ произведеній, заслужившихъ справедливое удивленіе народовъ.

Прощайте.—Желаю Вамъ всякаго благополучія. Вамъ преданный на всегда Н. Костомаровъ.

Узнайте, сдѣлайте милость, о Федорѣ Андреевичѣ Владиміровѣ и куда писать ему. Душевно уважая этого человѣка, я лишенъ возможности съ нимъ бесѣдовать до тѣхъ поръ, пока мнѣ будетъ извѣстенъ адресъ его. Губернаторъ опредѣлилъ меня переводчикомъ при своей канцеляріи, я получаю 1200 р. асс. жалов., но къ сожалѣнію, ничего не перевожу, и жажду дѣла!

II.

Саратовъ: іюля 20 1848 г.

Любезнѣйшій Викторъ Михайловичъ!

Недавно я отправилъ Вамъ письмо, теперь посылаю другое, съ покорнѣйшей просьбой:

Такъ какъ у Васъ остается маленькая сумма, которую я (сумма-то собственно моя) предоставляю Вамъ или оставить на продолжительный срокъ, или заплатить по частямъ, или какъ угодно, но во всякомъ случаѣ *главное то, что у Васъ есть мои деньги. Это-то* меня побуждаетъ просить Васъ о слѣдующемъ: сходите въ магазинъ Исакова, подпишитесь за меня на Брюссельское изданіе Revue des deux mondes и предоставьте Исакову высылать его въ Саратовъ на мое имя. Газета эта стоитъ 12 р. съ перес. въ годъ.

Маменька пріѣхала и свидѣтельствуетъ Вамъ свое почтеніе.—Я доволенъ, что она передала Вамъ моего Отца Анастасія.

Вамъ предан. на всегда Н. Костомаровъ.

Холера, слава Богу, наконецъ прекратилась въ мѣстѣ моего изгнанія.

III.

Саратовъ. февраля 16-го, 1849 г.

Почтеннѣйшій Викторъ Михайловичъ!

Я не знаю, что за причина, что Вы меня совершенно забыли, но не чувствую ничего за собою, потому и приписываю знаятіямъ Вашимъ по службѣ и разнымъ хлопотамъ то, что я

не имѣлъ еще удовольствія получить отъ Васъ ни одной строчки за цѣлый годъ. Признаюсь, я думалъ даже, не постигла ли Васъ эпидемія и это меня очень безпокоило, но къ счастью знакомый мой, Герещенко, увѣдомилъ меня, что Вы живы, и прислалъ свѣдѣніе о мѣстопребываніи Вашемъ.

Я обращаюсь къ Вамъ съ слѣдующею просьбою: изъ суммы денегъ, которую Вы заняли, употребите—если это Васъ не обременитъ при Вашихъ обстоятельствахъ,—24 руб. сер. и отдайте ихъ въ газетную экспедицію, дабы оная мнѣ высылала за цѣлый 1849 годъ Allgemeine Zeitung; сдѣлайте для меня это одолженіе, какъ можно поскорѣе. Вы очень меня этимъ обяжете, а если не можете, то увѣдомите меня, чтобъ я иначе заблаговременно распорядился по этому предемту. Мнѣ очень было бы пріятно услышать вѣсть о Василіи Михайловичѣ и о Кулешѣ: здоровы ли они и гдѣ они?

Примите увѣреніе въ искренней моей къ Вамъ преданности, готовый къ услугамъ Н. Костомаровъ.

Матушка моя Вамъ передаетъ свое глубочайшее уваженіе.

P. S. Сдѣлайте милость—не забудьте объ Allgem. Zeit. Я вамъ очень, очень благодаренъ за прошлогодній.

IV.

19 генваря 1851 г. Саратовъ.

Милостивый Государь
Викторъ Михайловичъ!

Благодарю за письмо и желаніе мнѣ добра! Въ извѣстіи Вашемъ о дѣлѣ матери моей мнѣ то кажется необъяснимымъ: почему дѣло приняло характеръ уголовный, когда на второй билетъ хозяина не явилось? Не должно ли бы послужить это скорѣе къ пользѣ матери моей и благополучнѣйшей развязкѣ дѣла. Если бы явился хозяинъ на второй билетъ, тогда казалось бы, было хуже, ибо тогда уже непремѣнно кто-нибудь изъ двухъ тяжущихся есть владѣлецъ спорнаго билета, а когда два билета, то можетъ быть одинъ изъ нихъ принадлежитъ матери моей, а другой Правдину. Потрудитесь, почтеннѣйшій Викторъ

Михайловичъ, объяснить мнѣ это и скорѣе, потому что это ужасно томитъ и мучитъ. Мнѣ ужасное горе: меня обворовали въ ноябрѣ и украли билетъ Опек. Сов. на 8200 р. сер., однако именной, но тѣмъ не менѣе идетъ теперь публикація, а я сижу въ стѣснительномъ положеніи. Вотъ новая бѣда. Цѣпь горестей вяжетъ всю жизнь мою. Въ добавокъ я просился жениться, но меня не пустили въ Кіевъ. Ни за что. Горе! горе! горе! со всѣхъ сторонъ горе!

Извѣстіе объ освобожденіи Пант. Алек. доставило мнѣ истинное удовольствіе. Я желаю ему всякаго добра и благополучія, и надѣюсь, что Богъ дастъ ему по кратковременномъ страданіи.

Свидѣтельствую истинное уваженіе моей матери Вамъ и супругѣ Вашей Ульянѣ Павловнѣ, и всему семейству ея. Примите отъ меня истинное желаніе Вамъ всѣхъ благъ, съ которымъ, при глубочайшемъ моемъ уваженіи и полной признательности за Ваше ко мнѣ участіе, пребываю Вамъ преданнымъ Костомаровъ.

Сегодня получилъ письмо Ваше; сегодня и отвѣчаю. Боюсь пропустить почту, чтобъ получить отъ Васъ скорѣе извѣстіе о дѣлѣ, а потому спѣшу и пишу такъ скверно.

Нѣкоторымъ разъясненіемъ къ этому дѣлу о пропажѣ билета служатъ сохранившіяся у вдовы Н. М. Бѣлозерскаго: довѣренность Т. П. Костомаровой на веденіе этого дѣла, письмо ея къ В. М. Бѣлозерскому, а также письмо къ нему-же—студента А. Г. Тихменева. Все это мы находимъ нужнымъ помѣстить здѣсь-же.

Довѣренность Т. П. Костомаровой на имя Г. Г. Сребдольскаго.

Милостивый Государь
Григорій Григорьевичъ!

Имѣя надобность ѣхать въ г. Саратовъ и лишаясь чрезъ это возможности лично наблюдать за дѣломъ о ломбардномъ билетѣ въ 1500 р. сер., присвояемомъ крестьяниномъ Правди-

нымъ, я покорнѣйше прошу Васъ принять на себя трудъ слѣдить за этимъ дѣломъ вездѣ, куда бы оно ни поступило, а также подавать просьбы, если укажетъ надобность, выслушивать рѣшенія, объявлять довольство или недовольство, получать деньги и вообще поступать такъ, какъ Вамъ покажется найлучшимъ и, что бы Вы или довѣритель Вашъ по этому дѣлу законно ни учинили, я спорить и прекословить не буду.

Вашею покорнѣйшею ко услугамъ вдова капитана Татьяна Петрова дочь Костомарова.

2 іюня 1848 года.

Письма Т. П. Костомаровой къ В. М. Бѣлозерскому.

I [1]).

Милостивый Государь
Викторъ Михайловичъ!

Извините меня, что я осмѣлилась васъ безпокоить. Уже другой годъ я выѣхала столицы; отъ васъ не получаю ни одной строчки. Сынъ мой писалъ вамъ четыре письма, вы не дали отвѣту ни на одно письмо. Богъ знаетъ, что съ вами сдѣлалось такая перемѣна. Я чувствую ваше доброе расположеніе ко мнѣ, чувствительно благодарю васъ за ваше стараніе. Прошу васъ покорнѣйше увѣдомить меня о моихъ деньгахъ, я уже никакого свѣдѣнія не имѣю, что тамъ дѣлается; неизвѣстность меня мучитъ. Я отчаялась уже ихъ получить. Я совсѣмъ было собралась ѣхать въ Петербургъ, сынъ мой заболѣлъ въ іюнѣ, до сихъ поръ лѣчится. Уже семь тысячъ прожили въ Саратовѣ; Богъ знаетъ, что будетъ съ нимъ, никуда не годится. Горькая наша жизнь! Прошу и умоляю васъ, добрый благодѣтель мой, увѣдомите меня о билетѣ; будьте такъ добры! Вы на дѣлѣ доказали мнѣ свою добродѣтель, и теперь надѣюсь на васъ. Я писала два письма Авдотьѣ Матвѣевнѣ: одно изъ Москвы, другое—Саратова, но забыла тотъ домъ, гдѣ онѣ жили; писала прямо Букуновой.

Прошу васъ покорнѣйше Авдотьѣ Матвѣевнѣ и всему ихъ доброму семейству засвидѣтельствуйте мое душевное почтеніе.

[1]) Съ сохраненіемъ стиля, но безъ сохраненія орфографіи.

Благодарю ихъ за ихъ ласки и за доброе ко мнѣ расположеніе.

Прошу васъ, ежели можно, пришлите денегъ по векселю сколько можете; мы разоряемся въ конецъ за болѣзнію Николая.

Остаю, свидительствую вамъ мое душевное почтеніе, желаю вамъ всѣхъ благъ, милостивой государь, покорная къ услугамъ Татьяна Костомарова.

Адресъ: первой части въ домѣ Василія Степановича Смирнова.

1849 ноября 16. Саратовъ.

II [1]).

Саратовъ. генваря 22 1850 года.

Милостивый Государь
Викторъ Михайловичъ.

Получивъ почтеннѣйшее письмо Ваше съ пятьюдесятью рублями серебромъ, я приношу Вамъ искреннюю благодарность, а еще болѣе за Ваше доброе расположеніе, оказанное благосклоннымъ принятіемъ на себя ходатайства по моему дѣлу съ Правдинымъ. Я написала на векселѣ, что нужно. Относительно того, сколько Вы можете тратить изъ той суммы, которую остались мнѣ должными, я совершенно предоставляю это на Ваше усмотрѣніе и прошу покорнѣйше не жалѣть этихъ денегъ, лишь бы была возможность скорѣе избавиться отъ халепы! Я только прошу Васъ покорнѣйше, если это Васъ не затруднитъ, прислать для моего сына отъ Белгизара итальянскую книгу Opera complete de Manzoni, которая стоитъ по каталогу 3 р. сер., и италіанскую грамматику, которая стоитъ 1 р. 70 (Martelli cour de langue italienne), что выйдетъ съ пересылкою не болѣе пяти рублей серебромъ, чѣмъ много одолжите моего сына, душевно Васъ уважающаго и искренно Вамъ преданнаго со дня знакомства съ Вами. Посылаю при этомъ довѣренность, совершенную въ Саратовской Гражданской палатѣ. Прошу покорнѣйше передать глубочайшее уваженіе мое почтеннѣйшей Вашей супругѣ Ульянѣ Павловнѣ и всему многоуважаемому семейству Вашему. Сынъ

[1]) Писано рукою сына.

мой Вамъ кланяется и сердечно благодаритъ Васъ за участіе въ немъ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ и искреннею преданностью имѣю честь пребывать Вашею, Милостивый Государь, готовая къ услугамъ Татьяна Костомарова.

III [1]).

4-го декабря. Саратовъ.

Милостивый Государь
Викторъ Михайловичъ.

Позвольте мнѣ воспользоваться для обращенія къ Вамъ съ просьбою. Со времени отѣзда моего изъ Санктпетербурга, я рѣшительно не знаю ничего о моемъ дѣлѣ, въ которомъ Вы, по добротѣ Вашей, принимали участье. Хотя сынъ мой не разъ писалъ Вамъ, но не получалъ отвѣта: вѣроятно, Вы имѣли на то свои достаточныя основанія. Теперь ѣдетъ въ Санктпетербургъ добрый нашъ знакомый Александръ Васильевичъ Герещенко. Сдѣлайте милость примите на себя трудъ объяснить ему, въ какомъ положеніи мое дѣло о билетѣ и не предстоитъ ли мнѣ необходимость самой отправиться въ Санктпетербургъ?

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ къ Вамъ уваженіи и совершенной преданности. Вамъ, милостивый Государь, готовая къ услугамъ Татьяна Костомарова.

IV [2]).

Добрѣйшій Викторъ Михайловичъ.

Покорнѣйше васъ прошу пришлите мнѣ денегъ, не откажите въ моей просьбѣ. Я больна цѣлую зиму: ревматизмъ въ обѣихъ рукахъ, нарывъ на правой рукѣ, на ладони два раза рѣзали, теперь едва пальцы перо держутъ; свело пальцы, никуда не гожусь. Николай безъ должности, мѣста не даютъ ни въ одномъ университетѣ; теперь безъ жалованья, больной, постарѣлъ, посѣдѣлъ.

---

[1]) Писано рукою сына.

[2]) Съ сохраненіемъ стиля.

Меня доктора посылаютъ на сѣрныя воды въ Самару отъ ревматизма. А денегъ нѣтъ. Рука болитъ, не могу писать. Я на васъ надѣюсь, не оставьте безо вниманія моей просьбы, пожалѣйте меня безрукую.

Остаюсь съ моимъ уваженіемъ Татьяна Костомарова.

Апрѣля 25-го.

Письмо студента СПБ. Унив. Алекс. Григ. Тихменева (безъ даты; д. б. въ концѣ 1851 года) къ В. М. В.

Милостивый Государь
Викторъ Михайловичъ.

Осмѣливаюсь обратитися къ Вамъ, хотя и не имѣю чести быть знакомымъ съ Вами, по дѣлу Татьяны Петровны Костомаровой о пропажѣ 1500 р. сер., по дѣлу, по которому Вы когда-то здѣсь хлопотали. Въ 1850, кажется увѣдомили Вы Татьяну Петровну, что дѣло о фальшивомъ предъявленіи права крестьянина Правдина на $1^1/_2$ тыс. сер., положенныя г-жею Костомаровой въ ломбардъ,—перешло въ уголовную палату. Съ тѣхъ поръ о положеніи этого дѣла Тат. Петр. ничего не знаетъ; когда я отправлялся въ Петербургъ изъ Саратова, то она поручила мнѣ справиться о немъ. Лишнее будетъ говорить Вамъ, какъ трудно это сдѣлать въ Присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ такое безконечное множество дѣлъ, въ которыхъ такъ копотно отыскивать требуемое, тѣмъ болѣе для меня, потому что я не болѣе, какъ неопытный студентъ. По этимъ то причинамъ и вдобавокъ на основаніи общаго знакомства нашего съ Татьяной Петровной и почтеннымъ Николай Ивановичемъ,—я рѣшился писать къ Вамъ и просить Васъ о сообщеніи мнѣ всевозможныхъ подробностей дѣла, бывшаго въ Вашихъ рукахъ; кѣмъ и гдѣ производилось слѣдствіе? въ чью пользу оно кончилось? за какимъ номеромъ и когда поступило это дѣло въ уголовную палату, если только у Васъ сохранился этотъ номеръ? Неизвѣстно-ли Вамъ хода его въ уголовной палатѣ? Если невозможно Вамъ отвѣчать съ точностью на эти вопросы, то по крайней мѣрѣ приблизительно.

Пантелеймонъ Александровичъ, знакомствомъ котораго я имѣю честь пользоваться, и Василій Михайловичъ, котораго я на дняхъ имѣлъ удовольствіе видѣть у Пант. Александ., ободрили меня и заставили рѣшиться написать это письмо къ Вамъ, увѣривъ меня, что Вы благосклонно примете его и почтите меня

Вашимъ отвѣтомъ, оживленнымъ участіемъ къ Николаю Иванов. и къ Тать. Петров.

Я увѣрился въ этомъ такъ, что начинаю безъ сомнѣнія ожидать отъ Васъ отвѣта на мои вопросы, отвѣта, котораго я смѣю просить у Васъ въ наискорѣйшемъ времени.

Затѣмъ имѣю честь остаться Вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугой А. Тихменевъ.

Адресъ мой. Въ С.-Петербургъ Студенту Петербургскаго Университета Александру Григорьевичу Тихменеву, въ Университетъ.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличаются два сохранившіяся письма Н. И. Костомарова къ Ник. Мих. Бѣлозерскому: тутъ ужъ мы находимъ не вопросы житейской суеты, но темы, соприкасающіяся съ наукой и литературой.

I.

(Получено изъ Саратова въ Хуторѣ Мотроновкѣ, Черниг. губ. Борзенскаго уѣзда 23 ноября 1856 г.)

Милостивый Государь
Николай Михайловичъ.

Я получилъ письмо Ваше нѣсколько поздно и спѣшу послать Вамъ „сказаніе о гетманахъ до Богд. Хм.“, списанное съ рукописи XVIII вѣка. Благодарю Васъ отъ всей души за южно-русскія лѣтописи; я уже составилъ разборъ ихъ, который будетъ напечатанъ. Я покорнѣйше прошу позволить имѣть съ Вами постоянную переписку, тѣмъ болѣе, что мы занимаемся однимъ и тѣмъ же предметомъ. Я намѣренъ издать критическое обозрѣніе источниковъ для исторіи Южной-Руси и пріостановился по причинѣ глазной болѣзни, оторвавшей меня отъ занятій; если мнѣ не будетъ хуже, я уѣду въ Петербургъ продолжать мое дѣло и прошу Васъ не лишить меня тогда Вашего добраго расположенія и совѣтовъ въ этомъ предпріятіи. Не знаю, сообщилъ ли Вамъ Пантелеймонъ Александровичъ то, что я ему писалъ относительно одной важной думы, но какъ Вы занимаетесь и собираніемъ народныхъ памятниковъ, то я не считаю излишнимъ извѣстить Васъ о слѣдующемъ. Одинъ малороссіянинъ, служащій въ Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ, говорилъ, что онъ слышалъ въ Украинѣ думу, описывающую замурованіе гетмана Косинскаго въ каменный столбъ;—фактъ этотъ, какъ Вамъ извѣстно, находится у одного подозрительнаго Конисскаго.

Такъ какъ Вы живете въ Украинѣ, то Вамъ легко постараться отыскать ее, если она существуетъ, особенно при Вашемъ знакомствѣ съ этимъ дѣломъ.

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи и совершенной преданности, съ которыми навсегда пребываю Вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою Николай Костомаровъ.

Саратовъ. октября 21 1856 г.

II.

Получено (изъ Саратова?) въ Мотроновкѣ 1857 г., апрѣля 6-го.

Милостивый Государь
Николай Михайловичъ!

Причиною медленности посылки то, что она было затерялась, однако отыскалась.

Изъ источниковъ, о которыхъ Вы пишете, Львовская лѣтопись напечатана въ Ж. М. Н. Пр. 1839 г. Списокъ лѣтописи Грабянки не заключаетъ важныхъ отличій, и хуже напечатаннаго списка; въ собраніи реляцій и пр... хотя были любопытныя вещи, какъ напримѣръ, Универсалъ гетмана Богдана Хмельницкаго, гдѣ онъ запрещаетъ бунтовать противъ жолнеровъ (1652 г.), приказъ Сологубу, начинающійся очень забавно; *тобѣ скурвому сыну Сологубу*, реляція о битвахъ подъ Ж. Вод. и Корсунемъ по польски, но во время Кіевскаго погрома мнѣ не дослали самаго любопытнаго, такъ какъ пропали и лѣтопись Ерлича со множествомъ современныхъ пѣсенъ, чего я не могу забыть во всю жизнь. Двѣ лѣтописи въ 1849 я отослалъ Бодянскому, ибо тогда дѣятельность его въ изданіи южно-русскихъ лѣтописей подавала надежду и увѣренность, что всякій списокъ лѣтописи болѣе всего можетъ быть полезенъ, когда попадется въ его руки.

Краевскій не далъ мнѣ оттисковъ, хотя и обѣщалъ. Если Вы спросите: какъ это?—то я отвѣчу: *такъ*. Я напечаталъ въ Отеч: Запискахъ разборъ Вашего изданія. Вѣроятно уже Вы читали его. Въ концѣ апрѣля я уѣзжаю за границу, а потому если Вамъ будетъ угодно писать ко мнѣ, то пишите скорѣе.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и преданностью остаюсь Вамъ предан. Н. Костомаровъ.

Марта 12 1857 г.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Подготовительныя работы къ устройству XI-го Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. Какъ извѣстно уже нашимъ читателямъ, мѣстомъ для предстоящаго въ августѣ 1899 года археологическаго съѣзда избранъ нашъ Кіевъ, которому, какъ матери городовъ русскихъ, подобаетъ обставить этотъ съѣздъ во всѣхъ отношеніяхъ не слабѣе, чѣмъ былъ обставленъ, напримѣръ, послѣдній съѣздъ въ Ригѣ. Мы сообщали уже (см. № 2, стр. 311) о тѣхъ подготовительныхъ занятіяхъ къ этому съѣзду, которыя происходили въ Москвѣ въ засѣданіяхъ предварительнаго комитета. Теперь мы рѣшаемъ постоянно отмѣчать все то, что будетъ предпринято въ этомъ дѣлѣ новаго.

Для удобства веденія этихъ работъ, въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года образовано кіевское отдѣленіе предварительнаго комитета по устройству съѣзда, которое въ іюнѣ мѣсяцѣ имѣло первое свое засѣданіе. Для ознакомленія читателей съ работами этого отдѣленія, мы помѣщаемъ, съ согласія членовъ его, полностію протоколъ этого засѣданія, разсчитывая и впредь, по утвержденіи каждаго новаго протокола, публиковать его для интересующихся ходомъ подготовительныхъ занятій.

Протоколъ перваго засѣданія Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству въ Кіевѣ XI-го Археологическаго Съѣзда, 20-го іюня 1897 г.

Подъ предсѣдательствомъ В. Б. Антоновича, присутствовали члены: проф. П. В. Владимировъ, проф. П. В. Голубовскій, проф. В. С. Иконниковъ, доцентъ В. З. Завитневичъ, И. М. Каманинъ, В. А. Кордтъ, В. Г. Лясковронскій, І. А. Малиновскій, проф. Н. И.

Петровъ, проф. Т. Д. Флоринскій, проф. Ѳ. Я. Фортинскій, приватъ доцентъ М. Н. Ясинскій и В. И. Щербина.

1. По открытіи засѣданія, г. Предсѣдатель Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца, заслуж. ордин. профессоръ университета св. Владиміра В. Б. Антоновичъ заявилъ, что, по просьбѣ г. Предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества графини П. С. Уваровой, онъ въ концѣ мая приступилъ къ сформированію Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству въ 1899 г. въ г. Кіевѣ XI-го Археологическаго Съѣзда, для чего и обратился къ различнымъ существующимъ въ г. Кіевѣ ученымъ обществамъ и учрежденіямъ съ предложеніемъ избрать депутатовъ или представителей въ означенное Отдѣленіе Предварительнаго Комитета, а равно и къ отдѣльнымъ лицамъ съ просьбой принять участіе въ трудахъ Отдѣленія въ качествѣ его членовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ В. Б. Антоновичъ сообщилъ, что до настоящаго времени получено согласіе принять участіе въ трудахъ Отдѣленія Предварительнаго Комитета отъ слѣд. ученыхъ Обществъ и учрежденій, а равно отъ нижеслѣдующихъ отдѣльныхъ лицъ: 1) отъ Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца, которое въ засѣданіи 31 мая избрало своими депутатами въ означ. Отдѣленіе: В. И. Щербину, И. М. Каманина, М. Н. Ясинскаго, А. М. Лазаревскаго, В. П. Науменка, І. А. Малиновскаго и Вас. Г. Ласкоронскаго; 2) отъ Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи, депутатами котораго избраны: проф. Н. И. Петровъ и доцентъ В. З. Завитневичъ; 3) отъ Кіевской Археологической Коммиссіи, назначившей своимъ депутатомъ дѣйств. члена Коммиссіи О. И. Левицкаго; 4) Отъ Кіевской Духовной Академіи, депутатами отъ которой назначены проф. П. А. Лашкаревъ, проф. И. Н. Корольковъ и доцентъ Ѳ. И. Титовъ и 5) отъ профессоровъ П. В. Голубовскаго, Н. И. Петрова и Ѳ. И. Титова.

Кромѣ того, по предложенію В. Б. Антоновича, въ члены Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета единогласно избранъ приглашенный въ настоящее засѣданіе г. Ректоръ университета св. Владиміра Ѳ. Я. Фортинскій.

2. Затѣмъ г. Предсѣдательствующій въ настоящемъ засѣданіи предложилъ приступить къ выбору посредствомъ закрытыхъ записокъ должностныхъ лицъ Отдѣленія Комитета: предсѣдателя, секретаря и казначея. Всѣ присутствующіе въ засѣданіи члены Отдѣленія едино-

гласно просили В. Б. Антоновича принять на себя званіе предсѣдателя, на что и послѣдовало согласіе.

По произведенной затѣмъ баллотировкѣ избранными оказались: въ секретари Отдѣленія Комитета М. Н. Ясинскій и въ казначеи И. М. Каманинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по заявленію г. Предсѣдателя и нѣкоторыхъ присутствовавшихъ членовъ, было тогда же признано необходимымъ, въ виду предстоящей Отдѣленію многочисленной переписки и вообще письменной работы, дать въ помощь секретарю Отдѣленія письмоводителя или писца, на что, а равно и на печатаніе бланковъ и проч. канцелярскіе расходы, рѣшено ассигновать потребную сумму изъ средствъ, находящихся и имѣющихъ быть въ распоряженіи Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета.

3. Слушали отношеніе Московскаго Предварительнаго Комитета по устройству археологическаго съѣзда въ г. Кіевѣ, отъ 13 іюня за № 1037, адресованное въ Историческое Общество Нестора-лѣтописца 1) съ извѣщеніемъ объ утвержденіи г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія правилъ будущаго XI-го Археологическаго Съѣзда, 2) съ просьбой, обращенной къ Обществу Нестора-лѣтописца и въ частности къ его Предсѣдателю В. Б. Антоновичу, стать во главѣ дѣла по сформированію мѣстнаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета и оказать всякое содѣйствіе Императорскому Московскому Археологическому Обществу въ его трудахъ по устройству XI-го Археол. съѣзда въ г. Кіевѣ и 3) съ сообщеніемъ, что изъ Высочайше пожалованнаго Императорскому Московскому Археологическому Обществу на устройство археологическихъ съѣздовъ, предварительныя къ нимъ работы и изслѣдованія и изданіе трудовъ археологическихъ съѣздовъ и предварительныхъ къ нимъ комитетовъ постояннаго пособія, въ размѣрѣ пяти тысячъ рублей въ годъ, означенное Общество постановило передать Кіевскому Предварительному Комитету на изслѣдованія и прочія работы въ настоящемъ 1897 г. 1000 рублей. Къ этому г. Предсѣдатель присовокупилъ, что упомянутая тысяча руб. уже получена и вручена въ настоящемъ засѣданіи избранному казначею Отдѣленія.

4. Г. Предсѣдатель сообщилъ, что, одновременно съ назначеніемъ г. Кіева мѣстомъ будущаго XI-го археологическаго съѣзда, было рѣшено обратить главное вниманіе на изслѣдованіе въ археологич. отношеніи Волыни и что на ассигнованную Кіевскому Отдѣленію Комитета 1000 руб. должны быть произведены текущимъ лѣтомъ раскопки и изысканія въ районѣ Волынской губерніи. Въ виду этого г. Предсѣдатель предложилъ присутствующимъ членамъ Отдѣленія заявить,

не желаетъ ли кто-либо изъ нихъ взять на себя трудъ по изслѣдованію той или другой части Волынской губ., а вмѣстѣ съ тѣмъ доложилъ, что членъ Московскаго Археологическаго Общества Н. Ѳ. Бѣляшевскій и членъ корреспондентъ того же Общества г-жа Е. Н. Мельникъ вошли уже съ ходатайствомъ о порученіи имъ экскурсій изъ числа, предложенныхъ для изслѣдованія первобытныхъ древностей Волыни.

Выслушавъ представленныя г. Предсѣдателемъ соображенія о томъ, какія части Волыни наиболѣе нуждаются въ предварительномъ изслѣдованіи и раскопкахъ и какія средства потребны для этого въ текущемъ году, Кіевское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета опредѣлило: 1) поручить производство означенныхъ изслѣдованій и раскопокъ: В. Б. Антоновичу въ Кременецкомъ, Дубенскомъ и Заславскомъ уѣздахъ Волынской губ.; члену Московск. Археологич. Общества Н. Ѳ. Бѣляшевскому по обоимъ берегамъ р. Буга въ губерніяхъ: Сѣдлецкой, Люблинской и Волынской, и члену корреспонденту того-же Общества г-жѣ Е. Н. Мельникъ въ Луцкомъ, Ровенскомъ и Острожскомъ уѣздахъ Волынской губ. 2) просить поименованныхъ лицъ представить въ Отдѣленіе Комитета краткіе отчеты о произведенныхъ ими по его порученію разслѣдованіяхъ и 3) выдать или выслать нынѣ же каждому изъ вышепоименованныхъ лицъ пособіе въ размѣрѣ 200 руб. съ тѣмъ, что если эта сумма окажется недостаточной, то она можетъ быть увеличена до 250 рублей.

5) Слушали отношеніе г. Волынскаго Губернатора отъ 17 іюня 1897 г. за № 3540 о томъ, что имъ сдѣлано уже распоряженіе объ оказаніи чинами полиціи всякаго содѣйствія лицамъ, командированнымъ Комитетомъ въ Волынскую губернію для производства археологическихъ разслѣдованій и раскопокъ.

6) Слушали сообщеніе г. Предсѣдателя о предполагаемыхъ во время будущаго съѣзда поѣздкахъ и о томъ, что окончательное рѣшеніе этого вопроса предоставлено Кіевскому Отдѣленію Предварительнаго Комитета.

Опредѣлено: просить г. Предсѣдателя составить проектъ этихъ поѣздокъ и между прочимъ одной въ предѣлахъ волынской губерніи.

В. Г. Григоровичъ-Барскій. (*По поводу 150-ти лѣтія со дня его смерти*). 7-го октября 1747 года скончался знаменитый нашъ паломникъ по св. мѣстамъ Европы, Азіи и Африки Василій Григорьевичъ Григоровичъ-Барскій.

Въ продолженіе 24-хъ лѣтъ неутомимый путешественникъ странствовалъ по св. мѣстамъ трехъ частей свѣта, составляя подробное описаніе видѣннаго. Описаніе его православныхъ святынь востока интересно благодаря рѣдкому безпристрастію разсказа объ этихъ мѣстахъ, бывшихъ почти terra incognita для путешественниковъ-иностранцевъ. Предки знаменитаго путешественника переселились въ Кіевъ около 1648 г., т. е. во время гоненій на православную вѣру, изъ своей родины подольскаго города Бара. Отецъ его, Григорій Ивановичъ, поселился въ Кіевѣ въ Печерской слободѣ, гдѣ впервые увидѣлъ свѣтъ въ 1701 году нашъ славный «пѣшеходецъ». Съ раннихъ лѣтъ онъ отличался живостью характера и, не смотря на противодѣйствіе отца, благодаря заступничеству матери, поступилъ въ кіевскую академію. Потомъ, подчиняясь давнему своему стремленію въ чужія страны, онъ оставилъ родной домъ, чтобы сопутствовать одному товарищу въ Львовъ. Тамъ, желая проникнуть въ іезуитскую академію, онъ объявилъ себя Барскимъ, уроженцемъ нольскаго города Бара, но обманъ скоро былъ открытъ, и 23 апрѣля 1724 года В. Г. вышелъ изъ Львова, направляясь въ «Баръ-градъ». А затѣмъ, черезъ Римъ, Флоренцію, Болонью и Феррару, онъ прибылъ въ Венецію, гдѣ изучалъ греческій языкъ. Изъ Венеціи черезъ Корфу, Хіосъ, Солунь, В. Г. прибылъ въ Палестину. Отсюда онъ посѣтилъ Каиръ, Александрію, Синай и поселился въ Триполи, гдѣ также изучалъ греческій языкъ. Путешествіе В. Г. было очень тяжелое, по нерѣдко случавшемуся полному отсутствію для того средствъ, и лишь благодаря сердобольнымъ людямъ добивался онъ своей цѣли.

Въ 1734 году В. Г. постригся въ монахи и удалился на островъ Патмосъ, гдѣ изучалъ греческую богословскую литературу. Въ 1741 г., соскучась за родиной, В. Г. писалъ своему товарищу Тодорскому, учителю новооткрытаго греческаго училища въ Кіевѣ, прося должности при этомъ училищѣ. Благодаря этому о Барскомъ узнала императрица Елисавета Петровна и чрезъ графа А. К. Разумовскаго приняла участіе въ его судьбѣ. Ему было предложено мѣсто посольскаго священника въ Константинополѣ, но В. Г. отказался и продолжалъ свои странствованія. Только въ сентябрѣ 1747 г., наконецъ, вернулся знаменитый путешественникъ на родину, но тутъ пожилъ не долго, такъ какъ 7 октября скончался. Кіевъ почтилъ его торжественнымъ погребеніемъ. И теперь еще сохраняется надгробная плита у церкви Братскаго монастыря, указывающая, гдѣ положенъ прахъ неутомимаго пѣшехода. Составленное Барскимъ подробное опи-

саніе своего путешествія было напечатано уже въ концѣ прошлаго вѣка, а недавно повторено въ великолѣпномъ изданіи Палестинскимъ обществомъ.

Черниговская архивная коммиссія открыла свои дѣйствія. 15 іюня сего года состоялось первое ея публичное засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ графа Г. А. Милорадовича, при участіи слѣдующихъ членовъ: князя Н. Д. Долгорукова, П. В. Евстафьева, Н. М. Волкова, Г. П. Булацеля, Ю. П. Антонюка, А. А. Ханенка, Н. П. Рудова, В. В. Баршевскаго, В. О. Круковскаго, А. А. Шанъ-Гирея, М. А. Доброгаева, Г. Г. Шикуса, А. Л. Ковалевскаго и Н. В. Серебренникова.

Объявивъ засѣданіе открытымъ и изложивъ вкратцѣ историческій ходъ возникновенія въ *Черниговѣ* ученой архивной коммиссіи, предсѣдатель, согласно уставу, предложилъ избрать правителя дѣлъ коммиссіи, каковымъ и былъ единогласно избранъ присутствовавшій въ засѣданіи членъ-корреспондентъ императорскаго общества любителей древней письменности и бывшій редакторъ его *П. Н. Тихановъ*.

Заспмъ на мѣсто отказавшагося помощника предсѣдателя Ф. М. Уманца, былъ избранъ помощникомъ предсѣдателя князь *Н. Д. Долгоруковъ*

Для начала Трудовъ коммиссіи, предсѣдатель предложилъ напечатать свѣдѣнія о святителѣ *Ѳеодосіи* чудотворцѣ *Черниговскомъ* по новымъ, доселѣ неизданнымъ, мѣстнымъ источникамъ, какіе сохранились въ предѣлахъ *Черниговской* епархіи. Редакцію сего матеріала выразилъ готовность принять на себя членъ коммиссіи *М. А. Доброгаевъ*.

Послѣ того заслушаны были слѣдующія предложенія предсѣдателя:

1) О приведеніи въ порядокъ музея коммиссіи и библіотеки съ находящимися въ ней рукописями, причемъ *А. Л. Ковалевскій*, завѣдывавшій доселѣ библіотекою, изъявилъ желаніе продолжать свои занятія попрежнему безвозмездно. 2) Обратиться съ просьбою къ преосвященному *Антонію*, епископу *Черниговскому* и *Нѣжинскому*, о дозволеніи описать рукописи Елецкаго монастыря. 3) Обратиться къ *А. А. Ханенку* съ просьбою отъ имени коммиссіи —дозволить обозрѣть его архивъ и библіотеку, а также неизданныя сочиненія умершаго его отца, Александра Ивановича. О результатахъ по симъ двумъ пунктамъ постановлено доложить на слѣдующемъ очередномъ собраніи коммиссіи. 4) Обратиться съ просьбою къ г. предсѣдателю *Черниговскаго* ок-

ружнаго суда о присылкѣ для разсмотрѣнія дѣлъ архива сего суда, подлежащихъ уничтоженію и 5) войти въ сношеніе съ архивными коммиссіями и учрежденіями, преслѣдующими историко-археологическія задачи.

Въ виду недостатка пособій при разработкѣ старины *Черниговскаго* края, г. предсѣдатель коммиссіи предложилъ всѣмъ членамъ для пользованія свою библіотеку.

Всѣ предложенія предсѣдателя приняты, а послѣднее съ благодарностью.

Засимъ избраны почетными членами коммиссіи:

Преосвященные Антоній, епископъ Черниговскій и Нѣжинскій, и Евѳимій, епископъ Новгородсѣверскій, начальникъ губерніи Е. К. Андреевскій, Черниговскій предводитель дворянства князь Н. Д. Долгоруковъ, генералъ-лейтенантъ графъ Г. А. Милорадовичъ, графиня П. С. Уварова, графъ С. Д. Шереметевъ, А. М. Лазаревскій, В. В. Тарновскій, П. Я. Дашковъ, Д. Ѳ. Кобеко, В. Б. Антоновичъ, Д. И. Багалѣй, М. Ф. Владимірскій-Будановъ и В. С. Иконниковъ.

Въ заключеніе князь *Н. Д. Долгоруковъ* сообщилъ, что *В. В. Тарновскій* предложилъ въ даръ *Черниговскому* губернскому земству свой музей, въ высшей степени замѣчательный по коллекціи собранныхъ тамъ древностей, относящихся до Малороссійскаго края, но даръ свой жертвователь обусловилъ помѣщеніемъ всего музея нераздѣльно въ *Черниговскомъ*, такъ называемомъ, домѣ Мазепы, гдѣ нынѣ находится архивъ губернскаго правленія. (*Черниг. губ. вѣд. 1897 г., № 1172*).

Позволительный листъ святителя Феодосія Углицкаго на установленіе братства и цеха въ м. Лѣткахъ. Настоящій документъ сохранился подлинникомъ у крестьянина м. Лѣтокъ (Остерск. у.) Ивана Юрченка и представленъ имъ въ Черниговскую архивную коммиссію для ея музея. Редакція мѣстныхъ губ. вѣдомостей воспроизвела документъ на своихъ страницахъ (1897 г., № 1268) фототипическимъ способомъ, а мы его перепечатываемъ, какъ документъ, указывающій на широкое распространеніе въ Старой Малороссіи цехового устройства ремесленниковъ, при чемъ цехъ отождествлялъ собою и церковное братство.

«Хотячи мѣти въ мѣстечку нашомъ Лѣтковичахъ, а при храмѣ Святителя и Чудотворца Ніколая, звычайный межи братствами порядокъ, постановилемъ и приказалемъ, абы всѣ ковальского, бондарского

и рымарского ремесла господарѣ были зъ собою въ едномъ братствѣ и въ едномъ цеху, и абы тяковый порядокъ межи собою заховали, яковый вездѣ заховуется, то есть повинны напродъ пилное мѣти о церквѣ Божой и о украшеніи еи старане, такъ тежъ и о иншихъ учинкахъ добрыхъ, и милосердныхъ незанедбане. Повинни мѣти бачене на нищихъ и уломныхъ ведлугъ преможеня своего. Болѣзнуючихъ зась межи собою братію должни суть посѣщати, а преставшихся о Господѣ—до гроба, зъ належнымъ порядкомъ, сполне всѣ, запроважати, для чого и покрывало на мары повинны мѣти и свѣчи великіе. Братъ зъ братомъ если бы который перемовився, передъ старшимъ братомъ да примирится, а если годенъ будетъ и каранья, то повиненъ будетъ вины до скринки братскои дати фунтъ воску и чвертку ладану. Схадзку (sic) маютъ мѣти зъ собою братія въ двѣ недѣли. А если бы который братъ, кромъ слушной причины, не былъ на схадцѣ, той повиненъ дати до скринки осмакъ вины. Если для похорону, албо и для якого иншого дѣла схадзки потреба будетъ—маетъ старшій братъ цыху отъ себе послати, а братія обачивши цыху повинны будутъ на схадзку стати, а если бы кто цыху у себе задержалъ и до схадзки не сталъ, таковый шагъ вины заплатитъ. Братъ яковый же ковлекъ еслибы хлопца до ремесла принялъ, абы до скринки братскои обвѣстного полъ фунта воску далъ. Научивши зась ремесла, повиненъ эго поставити предъ всею братіею и вызволити, и на той же часъ повиненъ дати до скринки полъ золотого, фунтъ воску и чвертку ладану. А хто бы з недавно прихожихъ ковалей, бондаровъ и римаровъ цеху не поеднавши важился роботу кому робити, таковый повиненъ будетъ до скринки полъ фунта воску дати. Приежджые зась ковалѣ, бондарѣ и римарѣ зъ своею на продажъ роботою, подъ часъ торговъ и ярмарковъ, повинны брату въ мѣстѣ старшому, а того цеху цехмистру конечне, подъ утратою своею немалою, обвѣститися. Такового порядку постановене абы въ вѣдомости всѣхъ было и въ повазѣ лѣпшой заставало, далемъ вышменованному братству и цеху сей листъ за подписомъ руки моей, а з печатью монастирскою. Писанъ въ монастиру святого архистратига Міхаила, Выдубицкомъ Кіевскомъ. Року 1687, февраля 10 дня».

Подписано слѣва: Ѳеодосій Углицкій, Ігуменъ монастыря В(ыдубицкого) Киевского, рукою власною.

Справа: Сей листъ на фундушъ ремесла ковалского, бондарского и римарского братству отъ моего антецессора данный, подписомъ и

моей негодности руки непремѣнно утверждаю. Пахомій Подлузкій Игуменъ монастыра Выдубицкого Кіевского святого Архистратига Михаила. М(апи) р(горріо).

Выкупъ М. С. Щепкина изъ крѣпостнаго состоянія. Въ издававшемся въ 1883 г. художественно-литературномъ журналѣ *«Искусство»* (№ 6), напечатано слѣдующее любопытное извѣстіе о той обстановкѣ, при которой совершился выкупъ знаменитаго Щепкина изъ крѣпости. Перепечатывая это извѣстіе полностью, прибавимъ, что, какъ видно изъ подписнаго листа, деньги на выкупъ были собраны преимущественно тогдашними полтавскими помѣщиками, но, какъ видно, благодаря главнымъ образомъ вліянію князя Репнина, давшаго сильный толчокъ этому дѣлу. Участіе въ подпискѣ гр. А. К. Разумовскаго объясняется тѣмъ, что это былъ тесть Репнина.

«Въ концѣ 1817 года, или въ началѣ 1818, М. С. Щепкинъ блистательно окончивъ свои дебюты въ Харьковѣ вмѣстѣ съ странствующей труппою иностранца Штейна, перебрался въ Полтаву, гдѣ при содѣйствіи начальника края, князя Н. Г. Репнина, устраивался въ то время постоянный театръ. Щепкинъ, Барсовъ и Угаровъ были звѣздами первой величины въ бѣдной фалангѣ артистовъ, пріютившихся въ Полтавѣ подъ покровительствомъ просвѣщеннаго вельможи; но прошло нѣсколько времени, и Щепкинъ оставилъ далеко за собою своихъ товарищей по искусству: публика отдавала ему видимое предпочтеніе. Всегда добросовѣстный артистъ, Щепкинъ не увлекался громкими овваціями, на которыя не скупилось въ пользу его полтавское общество, и постоянные сценическіе успѣхи не могли побѣдить въ немъ его врожденной скромности. Любовь къ Щепкину и высокое уваженіе къ его таланту росли съ каждымъ днемъ и, наконецъ, благодаря иниціативѣ князя Репнина, выразились фактомъ, имѣвшимъ огромное значеніе въ жизни тогда еще молодого артиста.

Князь Репнинъ затѣялъ устроить спектакль, сборъ съ котораго положено было употребить на выкупъ Щепкина изъ крѣпостнаго состоянія. Эта мысль, высказанная однажды княземъ Репнинымъ, была встрѣчена общимъ сочувствіемъ полтавскихъ жителей и окрестныхъ дворянъ. Положено было устроить подписку на кресла, и князь Репнинъ первый подписалъ 200 рублей ассигнаціями. Листъ пошелъ ходить по рукамъ, и скоро подписная сумма сбора дошла до крупной цифры 7207 р.

Распоряженіе подпиской и самыя хлопоты по устройству спектакля возложены были княземъ Репнинымъ на г. Имберга, бывшаго въ то время директоромъ полтавскаго театра. Г. Имбергъ, свончавшійся въ Петербургѣ въ началѣ 1864 года, незадолго до своей смерти отыскалъ въ своихъ старинныхъ бумагахъ подлинный подписной листъ. Вотъ вѣрная копія съ этого листа:

«Въ награду таланта актера Щепкина, для основанія его участи іюля 18—26 дня 1818 года».

Кресльі:

Кн. Репнинъ [1]) 200, Божановъ [2]) 50, Князь Сергѣй Волконскій [3]) 500, Матвѣй Почека 50, Григорій Тарновскій 250, Францъ Реммерсъ 50, Георгій Забѣла 50, Андрей Петровскій 50, Неизвѣстный 25, Потемкинъ [4]) 700, Лашкевичъ 100, Галаганъ 100, Д. Алексѣевъ 100, Прасковья Почекина 100, Полковникъ Альбрехтъ 100, [5])... 50, Вильгельмъ Реммерсъ 25, Алексѣй Будлянскій [6]) 100, Кочубей 100, Дапо 50, Карповъ Ѳедотъ [7]) 30, Александръ Полетика 50, Катерина Забѣлина 25, Николай Александровичъ 50, Елисей Троцина 50, Андрей Брежинскій 50, Свѣчко 50, Оболонскій 25, Отъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго 300, [8])... 25, Марковичъ 25, Генералъ-маіоръ Десентлоранъ 25, Неизвѣстный 25, NN [9]) 30, Федоръ Шеликовъ 40, Филиповъ 25, Безходарный 25, Клеца [10]) 25, Дмитрій Щемовъ 20, Чарнышъ 100, Войно 50, Войно 25, Багрѣевъ [11]) 100, Багрѣевъ [12]) 50, И. П. 50, Велецкій 25, Миклашев-

---

[1]) Съ подлиннаго списка г. Имбергъ снялъ копію, въ которую вошли нѣкоторыя поясненія относительно лицъ, подписавшихся въ подлинномъ спискѣ. Въ этой копіи противъ фамиліи князя Н. Г. Репнина написано: начальникъ тамошняго края.

[2]) По копіи Имб.—Егоръ Ильичъ Божановъ.

[3]) По копіи Имб.—князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій.

[4]) По копіи Имб.—графъ Потемкинъ.

[5]) Въ этомъ мѣстѣ фамилія въ подлинномъ спискѣ написана такъ неразборчиво, что даже самъ Имбергъ оставилъ ее неразобранною въ своей копіи.

[6]) Въ копіи Имберга прибавлено: полковникъ.

[7]) Въ копіи Имб. прибавлено: купецъ изъ Харькова.

[8]) Тутъ опять слѣдуетъ фамилія, которая неразобрана и г. Имбергомъ въ его копіи.

[9]) Въ коп. Имб. прибавлено: купецъ.

[10]) Въ коп. Имберга прибавлено нѣжинскій грекъ.

[11]) Въ копіи Имб. написано Фроловъ-Багрѣевъ Алексѣй Петровичъ, бригадиръ.

[12]) Въ копіи Имб. написано: Фроловъ-Багрѣевъ Александръ Алексѣевичъ, тайный совѣтникъ.

ская 10, Отъ неизвѣстнаго [1]) 250, NN [2]) 25, Павелъ Тутолминъ 50, Михаилъ Лесевицкій 25, Таптиковъ—по переводѣ получить отъ полицеймейстера Киценкова 1992, Отъ инспектора Высоцкаго [3]) 25, Отъ неизвѣстной 50, Отъ неизвѣстной 100, Макуринъ [4]) 25, Якубовичъ 10, Отъ генералъ-маіора Гельфрейха 25, Отъ Ушакова 25, А. Косякова [5]) 25, Неизвѣстный 100, Левченковъ 25, Ильяшенко 25, Сахновскій 25, Василій Галецкій 25, В. Тарновская 25, Павелъ Кованько [6]) 50, Турскій [7]) 25, Авраамъ Зеленскій [8]) 100, Кандура 10, Бродскій 100».

Подписанные полковникомъ Таптиковымъ 1992 р., какъ долгъ карточный, Киценковымъ не уплачены, а равно и еще нѣкоторыя суммы изъ подписныхъ».

Внушительная рѣчь генер.-губерн. Д. Г. Бибикова, обращенная къ кіевскимъ студентамъ въ 1846 году. Въ воспоминаніяхъ А. А. Солтановскаго, отрывки изъ которыхъ печатались въ нашемъ журналѣ въ 1892—94 г., есть разсказъ объ одномъ эпизодѣ, относящемся къ жизни Кіева въ 1846 году, когда всесильный ген.-губерн. Д. Г. Бибиковъ явился съ громовою рѣчью въ охрану личности женщины. Дѣло было такъ.

Среди кіевскаго купечества славилась въ то время красотою и институтскимъ образованіемъ дѣвица Б. Бибиковъ, какъ извѣстно—цѣнитель изящнаго, не оставилъ безъ своего вниманія красавицу Б. и ради нея бывалъ по субботамъ въ церкви Матери Божіей Скорбящей. Дѣвица Б., имѣвшая обширное знакомство между студентами и среди нихъ находившая обыкновенно кавалеровъ на танцовальныхъ вечерахъ и въ клубахъ, возгордилась ухаживаніемъ такой особы: проѣзжая по улицамъ, она перестала отвѣчать на поклоны влюбленной въ нее молодежи, а на вечерахъ отказывалась вовсе танцовать со студен-

---

[1]) Въ копіи Имб. означено, что это С. М. Кочубей.

[2]) Въ копіи Имб. прибавлено: гражданскій губернаторъ.

[3]) Въ копіи Имб. написано: отъ инспектора нѣмецкой колоніи Высоцкаго.

[4]) Въ копіи Имб. прибавлено: Александръ Васильевичъ, предводитель екатеринославской губерніи.

[5]) Въ копіи Имб. прибавлено: Павла Николаевича, начальника пѣхотной дивизіи.

[6]) Въ копіи Имб. прибавлено: Ивановецъ.

[7]) Въ копіи Имб. прибавлено: полковникъ.

[8]) Въ копіи Имб. прибавлено: градскій голова

тами, предпочитая военныхъ, особенно близкихъ къ Бибикову, а также чиновниковъ его канцеляріи. Нѣсколько сотъ студентовъ согласились наказать ее. Узнавъ отъ студента Сипягина, племянника Бибикова, что послѣдній въ ближайшую субботу обѣщалъ Б. пріѣхать въ церковь, они по одиночкѣ наканунѣ вручили священнику этой церкви записочки и деньги, прося каждый отслужить молебенъ за спасеніе Маріи (кажется—такъ было ея имя). Священникъ принималъ записки, не читая; хотя его и удивило, что студенты сдѣлались вдругъ набожными огуломъ, но прочитавши затѣмъ одну, другую записочку, не нашелъ ничего предосудительнаго и успокоился. Явилась вся знать, явилась Б., примчался съ адъютантами Бибиковъ. Священнику подаютъ цѣлый ворохъ записокъ, и начинается безконечное чтеніе этихъ записокъ, все—за спасеніе Маріи. Послѣ прочтенія штукъ двадцати, всѣ взоры обратились на Б. Бибиковъ позеленѣлъ отъ злобы. Еще нѣсколько десятковъ записокъ—и дѣвица упала въ обморокъ; ее вынесли и уложили въ карету. Бибиковъ назначилъ строгое разслѣдованіе, распекъ священника, но только всего и узналъ, что скандалъ этотъ устроенъ студентами; виновниковъ и зачинщиковъ скандала не обнаружили. Спустя нѣсколько дней Бибиковъ собралъ въ торжественный университетскій залъ всѣхъ профессоровъ и студентовъ и сократическимъ способомъ, задавая студентамъ вопросы и большею частью самъ рѣшая ихъ, прочелъ имъ лекцію о томъ, какова должна быть нравственность молодого благовоспитаннаго юноши... Можно пошалить въ домѣ терпимости; можно тихонько, не компрометируя предметъ своей страсти, понѣжиться съ нимъ въ саду подъ кустикомъ, или въ будуарѣ, особенно съ замужними дамами,—но компрометировать публично даму или дѣвицу—это верхъ безнравственности, и служитъ доказательствомъ грубыхъ, необразованныхъ нравовъ, которые не могутъ быть терпимы въ управляемомъ имъ учебномъ округѣ и университетѣ, о воспитанникахъ котораго онъ всегда лестно отзывался передъ своимъ и общимъ благодѣтелемъ, Государемъ Николаемъ Павловичемъ. Конечно, въ семьѣ не безъ урода, заключилъ Бибиковъ. Но—вдругъ возвысилъ онъ тонъ до высшей степени—если ему попадется такой уродъ, то онъ даетъ честное и твердое слово, что быть такому или фельдшеромъ, или носить бѣлую ленту черезъ плечо [1]).

Для своего времени все это очень характерно!

[1]) Т. е. въ солдатахъ.

Письмо Ивана Танскаго къ В. А. Гоголю. Какъ извѣстно, предки Гоголя по женской линіи были изъ польской фамиліи Танскихъ, при чемъ полковникъ переяславскій Василій Танскій покинулъ Польшу еще при Петрѣ Великомъ и былъ однимъ изъ видныхъ полководцевъ во время войнъ Петра со Шведами. Въ началѣ текущаго столѣтія одинъ изъ потомковъ Танскихъ, Иванъ, задумалъ, для поправленія матеріальныхъ дѣлъ своихъ, начать розыски объ имущественныхъ правахъ наслѣдниковъ на тѣ имѣнія, которыя когда-то принадлежали, ихъ роду. Для этой цѣли онъ совершилъ поѣздку заграницу, гдѣ пробовалъ въ разныхъ архивахъ отыскивать фамильные документы. Чтобы лучше и бойчѣе вращаться на этомъ скользкомъ пути, Иванъ Танскій хотѣлъ заручиться довѣренностями отъ всѣхъ сонаслѣдниковъ—потомковъ рода Танскихъ, и обратился, конечно, и къ Василію Афанасьевичу Гоголю (отцу писателя), который и выдалъ ему таковую. Не знаемъ, была-ли по этому поводу болѣе обширная переписка у В. А. Гоголя съ И. Танскимъ, но одно изъ писемъ послѣдняго (отъ 5 янв. 1820 года) сохранилось въ бумагахъ родичей Гоголя и доставлено намъ въ редакцію. Письмо это интересно въ томъ отношеніи, что довольно подробно описываетъ всѣ проекты полученія эфемернаго наслѣдства и въ Лифляндіи, и въ Молдавіи, и въ Украинѣ, и въ Варшавскомъ Герцогствѣ, каковымъ дѣломъ увлекся, кажется, и В. А. Гоголь: по крайней мѣрѣ, не напрасно выдавалъ онъ довѣренность И. Танскому и препровождалъ къ нему фамильныя грамоты, разсчитывая хоть что-нибудь получить (чуть-ли не въ видѣ *отступного*) отъ молдавскихъ бояръ.

В. И.

Милостивый Государь!
Василь Афанасіевичъ.

Возвратясь изъ-за границы, имѣлъ я честь получить два почтеннѣйшіе отзывы ваши ко мнѣ, первый отъ 25 апреля, и вторый отъ 16 маія отпущенные; а такъ же приложенные при послѣднемъ изъ нихъ, вѣрующій открытой листъ и выпись изъ прошенія вашего, по извѣсному дѣлу.

Пріймите Милостивый Государь! съ моей стороны, чистосердечное изъявленіе, должной благодарности, за то обезпеченіе, безъ котораго (опасаясь ниспровергнуть настоящее благосостояніе моего дому) вѣрно бы не могъ я дѣйствовать столь рѣшительно, чтобы

сдѣлать нужное, на общій щетъ, (хотя впрочемъ и для общей пользы) пожертвованіе, могущее сократить время тяжбы, дальнѣйшіе мои хлопоты и убитки, и доставить каждому изъ участниковъ, гораздо скорѣе, и съ большею надежностію, желаемый интересъ; естьли только то Богу угодно, и для меня возможно будетъ.—А при семъ случаи, поставляю себѣ за пріятную объязаность, довести къ Вашему свидѣнію, что я съ наступленіемъ прошедшей весны, вїехавъ изъ дому, прожилъ за границею чрезъ все лѣто, и возвратился уже осенью; былъ въ Украинѣ, Галиціи, Лодомиріи, Молдавіи и въ Варшавскомъ Герцогствѣ; дѣлалъ во многихъ мѣстахъ кверенды, вынайшелъ въ архивахъ и въ частныхъ рукахъ древные документы, и по онымъ открылъ самое первоначальное мѣсто-пребываніе предковъ фамиліи Танскихъ, называемое Танскъ, который въ Варшавскомъ Герцогствѣ, на пруской границѣ, Плоцкаго воеводства, въ Праснискомъ повѣтѣ, надъ рѣкою Таною положеніе имѣетъ, и изъ 16-ти весей состоитъ.—Я въ немъ былъ, все что можно было ислѣдовалъ и получилъ урядовое свидѣтельство въ томъ, что имѣніе предками нашими Танскими, придомку Космидеръ оставленое, до настоящаго времяни извѣсно въ тѣхъ мѣстахъ, подъ названіемъ Космидровизны.—А что подлѣнно одинъ только нашъ домъ имѣлъ вышъ-писаной придомокъ, и что имѣніе въ Танску никому не продано и никакъ не укрѣпленно; о томъ имѣются у меня самые ясные доказательства.—Но какъ собранные мною на сей разъ документы, писаны на древнемъ готскомъ языкѣ, котораго въ Польшѣ весьма не многіе, а здѣсь ни кто не знаетъ, по чему и принужденъ я былъ оставить оные, для переводовъ въ Лембергѣ; то по сей причинѣ, избѣгая ошибки, и не могу судить еще теперь, съ довольною точностію, какъ велико сіе наслѣдство.—О имѣніяхъ же, находящихся въ Молдавскомъ Княжествѣ, которые (какъ извѣстно мнѣ) гораздо значительнѣе первыхъ, и оставленны послѣ преселенія уже Танскихъ изъ Танска, продолжаются и понынѣ выправки; потому что отисканные мною собственно на сей щотъ документы, не могутъ быть достаточными, къ возвращенію всей потерянной въ Молдавіи собственности; почему признавая поѣздку мою туда необходимою, тѣмъ больше сожалѣю я, что въ предковскомъ архиву вашемъ, не отискалось ни какихъ бумагъ, могущихъ сократить предлежащіе мнѣ хлопоты и убитки, не минуемо сопряженные съ таковыми продолжительными и затруднительными въ разныхъ мѣстахъ и актахъ отисканіями.—Я только и умѣряю сожалѣніе мое, на сей разъ тѣмъ, что по всѣмъ извѣснымъ мнѣ обстоятельствамъ и старинным записками, почти несомнѣваюсь въ

успѣхѣ, вынайти въ Молдавіи всѣ нужные крѣпости; къ чему не маловажнымъ поощреніемъ служить мнѣ, что я о сю пору нашелъ уже гораздо древнѣйшія, да еще и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ найти ихъ ни почему нечаялъ,—и что въ Молдавіи точно отдаютъ имѣнія, по таковымъ же претензіямъ; чему доказательствомъ есть нынѣ (сверхъ прежнихъ) примѣрное дѣло г. Гиджева, который прошедшаго лѣта получилъ до нѣсколька селъ, принадлежавшихъ нѣкогда предкамъ его, несмотря на то, что оные болѣе двухъ сотъ лѣтъ находились во владѣніи чуждомъ.—Затѣмъ не щитаю уже за нужное, подробно объяснять вамъ Милостивый Государь! о имѣніяхъ, жалованныхъ Польскимъ Королемъ Сигизмунтомъ, прапрадѣду моему, Полковнику Северину Танскому, находящихся въ Лифляндіи подъ Кокенгузомъ, о которыхъ такъ же получилъ я теперь свидѣнія; ибо дѣдъ мой и братъ его, а вашъ предокъ Василій, еще за жизни ихъ, щитая со времяни присоединенія къ Россіи Лифляндіи, на отисканіе оныхъ пропустили земскую давность; такъ равно какъ я, и вся фамилія моя, на возвращеніе Украинскихъ вотчинъ, о чемъ помнится писалъ я къ вамъ прежде; а теперь покорнѣйше прошу васъ Милостивый Государь! здѣлать меня извѣснымъ, о лѣтахъ вашихъ; для того, что естли покрайней мѣрѣ вамъ непрепятствуетъ на сей случай, земская давность; то и за оные Украинскія имѣнія, по вашему праву надежно было бы кажется начать искъ; потому наипаче, что на оные я имѣю у себя, самые полные свидѣнія и документы.—И наконецъ, съ особеннымъ удовольствіемъ принимаю я на себя здѣланную Вами мнѣ въ послѣднемъ письмѣ вашемъ (нащетъ взятья съ собою за границу, имѣющихся у васъ Молдавскихъ грамотъ) препорученость; потому больше, что располагаю непремѣнно ѣхать въ Молдавію, и что сверхъ усерднаго желанія, оправдить предполагаемую на полученіе за нихъ денегъ надежду я нахожу еще на сей разъ, и собственный мой интересъ; ибо надѣюсь, что такого рода къ Молдавскимъ боярамъ отношеніе, легко можетъ доставить мнѣ въ томъ край давно желаемые и искомые мною удобства и знакомства, посредствомъ которыхъ облегчатся труды въ отисканіи фамильныхъ документовъ и самыхъ имѣній.—Почему льстя себя таковою надеждою, и собѣраясь нынѣ къ отъѣзду въ Молдавію для рѣшительнаго окончанія дѣла сего, посилаю къ вамъ надежнаго нарочнаго моего, чрезъ котораго безъ всякаго сомнѣнія можете вы доставить ко мнѣ имѣющіесь у васъ Молдавскіе грамоты и партикулярные польскіе бумаги; которые естьли не при семъ случаи, то точно никогда уже ни вамъ, ни мнѣ и никому изъ участниковъ, не

могутъ быть полезными. А какъ изъ письма вашего видно, что неизвѣстна даже вамъ и цѣна, за которую они заложены; то я для большей вашей и собственной моей безпечности, покорнѣйше прошу назначить оную теперь; и при томъ твердо быть увѣреннымъ, что я несмотря на то, всевозможно постараюсь получить за нихъ къ вашей пользѣ сколько возможно будетъ больше, смотря по достатку владѣющихъ имѣніями, въ грамотахъ тѣхъ прописанными; а найпаче по выгодамъ, какихъ по содержанію ихъ возможно ожидать хозяевамъ имѣній, или ихъ сосѣдамъ. На случай же естьли докумены сіи, ни кому изъ Молдавскихъ бояръ неокажутся нужными; въ такомъ разѣ за возвращеніемъ моимъ изъ за границы, вы ихъ отъ меня всѣ въ цѣлости обратно получите. Съ совершеннымъ почтеніемъ, и нелицемѣрною преданостію, имѣю честь быть всегда.

Милостивый Государь! Вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Танскій.

Генваря 5 дня 1820. Хуторъ Жердева.

Странствованія чумака, бурсака и раба. 1). «1785-го году іюня 10 дня. Въ военнопоходной его выс-ства г-на генералъ-аншефа и кавалера М. В. Каховскаго канцеляріи вышедшій изъ Анаполіи съ полону малороссіянинъ Русовъ показалъ нижеслѣдующее:

Уроженецъ я переяславскаго малороссійскаго полку сотни босанской слободы Николаевки. По согласію съ другими той слободы жителями 18 человѣками, а какъ они по именамъ и прозваніемъ, по давнему времени не упомню, кромѣ двоюроднаго брата моего Максыма Хлѣбка и Кондрата, а прозванія не знаю, 774-го года подрядились мы у малороссіянина Василья Рецетоваго, которой жительство имѣетъ въ Ромнахъ, для доставленія изъ Стараго Оскола въ Арабатъ провіанта. Куда по прибытіи сваливши четверти съ повозокъ, поѣхали къ соляннымъ озерамъ къ набранію на имѣющіяся у насъ повоски соли, и не доходя до показанныхъ озеръ 20-ти верстъ живущіе тогда въ двухъ деревнахъ по близости дороги татара съ двумя мурзами напали на насъ и передъ самимъ вечеромъ перевязали и раздѣлили какъ насъ, такъ повозки и волы всѣ по рукамъ. Изъ насъ же 15-ти человѣкъ куда увезли, я не знаю. Съ трехъ—меня, двоюроднаго брата моего Максима Хлѣбка и Кондрата, а по прозванію не знаю, держали въ горахъ 15 дней въ желѣзахъ, а какъ сіи татары названіемъ неизвѣстенъ. Потомъ повезли насъ для продажи въ Кефу что нынѣ именуется Ѳеодосія, гдѣ и держали въ тюрьмѣ дней

съ 15-ть. Изъ числа жъ насъ трехъ брата моего двоюроднаго Максима Хлѣбка продали напередъ однимъ днемъ въ Царьградъ, а кому именно, не знаю. Потомъ и насъ двухъ купилъ анадолской турокъ Абдулла, куда и отправилъ обѣихъ изъ Ѳеодосіи напередъ зъ другимъ туркомъ Адибашею, а самъ еще оставался въ Ѳеодосіи, послѣ жъ насъ уже прибылъ въ Анадолію чрезъ 20 дней. И находились мы у него пять лѣтъ съ половиною. По прошествіи котораго времени означенной нашъ хозяинъ турокъ Абдулла померъ, то Кондратъ въ тожъ время потурчился и куда пошелъ, я не знаю. Меня жъ другой турокъ Аджи Деврючъ взялъ насильно къ себѣ, гдѣ и жилъ я у него двѣ недѣли, которой по мининованіи того времени подарилъ меня турку жъ Деврючъ Агѣ, у коего также находился 12 недѣль во услуженіи. Потомъ и онъ Деврючъ Ага подарилъ меня уже турку Амеръ Агѣ, у коего находился во всякой работѣ для его нужной пять лѣтъ. А наконецъ уже неоднократно отъ него, Амеръ Аги, принуждаемъ былъ потурчиться, почему и увидѣлъ онъ мое къ сему несогласіе, просилъ, чтобъ тамъ женился на гречанкѣ, но я убѣждалъ его своею почти ежедневною прозбою по не желанію моему тамъ жить, чтобъ отпустилъ въ Россію. Которой предъ великимъ днемъ праздника черезъ двѣ недѣли потурецки и отпускную далъ. Будучи жъ во все сіе время въ полону, о намѣреніяхъ турковъ я ничего не слыхалъ, кромѣ что сожалѣютъ за Крымомъ. Опасной болѣзни тамъ нигдѣ не слыхалъ же. Потомъ я въ городъ прибулъ, гдѣ сѣвши на турецкое судно отправился въ Козловъ, въ коемъ и содержался въ карантинѣ 10 дней, по выдержаніи которого выпущенъ и явился у тамошнего коменданта г-на подполковника Гаузенберха, просилъ его, чтобъ далъ мнѣ россійской билетъ, которой на сіе сказалъ, что будетъ данъ. Однакожъ я жилъ тамъ дней съ 15-ть не видя на то никакой резолюціи, отправился съ подрядившимся тамъ малороссіяниномъ Григоріемъ, а какъ прозывается не знаю, подъ свозъ казенныхъ драницъ въ Карась Базаръ, гдѣ сложивши съ повозокъ драницы явился у его выс-ства для испрошенія въ домъ билета.»

Изъ Карасу Базара Русовъ препровожденъ подъ присмотромъ въ кіевское намѣстническое правленіе, куда прибылъ 10 іюля 1785 г., выдержавъ по дорогѣ шестидневный карантинъ на береславской заставѣ. Въ намѣстн. правленіи Григорій Папагіодоровъ перевелъ турецкую отпускную Русова, которая гласила: «Малороссіянину Симону отъ господина его Омеръ Агу. 1199 году отъ ешри объявляю я, нижеподписавшійся, что поелику крѣпостного человѣка моего Симона

отпустилъ въ волю и дано ему мною дозволѣніе поѣхать въ мѣста, въ какія пожелаетъ, какъ въ отечество, такъ и въ другія мѣста, то и выдана мною ему, Симону, сія записка, которая въ случаѣ какой нужды показана быть имѣетъ. Омеръ Ага».

Въ Кіевѣ Русову выдали билетъ на проходъ до Козельска, съ тѣмъ, чтобы явился въ тамошній нижній земскій судъ, которому посланъ 30 іюля указъ о водвореніи Русова на прежнее жилище.

(Дѣло кіев. нам. правл. 1785 г. № 230).

2) Въ 1785 году доставленъ въ саратовское, оттуда въ казанское и наконецъ въ кіевское намѣстническое правленіе явившійся добровольно къ черноярскому коменданту уроженецъ польскаго мѣстечка Павлича Андрей Александровъ, вмѣстѣ съ протоколомъ допроса. Въ протоколѣ между прочимъ сказано: «Подлинно Андреемъ его зовутъ, Александровъ сынъ, отъ роду ему 28 лѣтъ, родиною онъ польскаго мѣстечка Павлыча, отецъ его Александръ, чей онъ, не знаетъ, по прозванію Вервицкій, былъ оного мѣстечка рыболовъ, а мать называлась Афросиньей Ѳедоровой. И будучи онъ въ семилѣтнемъ возрастѣ, показанною матерью своею отвезенъ въ городъ Кіевъ, гдѣ и отданъ въ школу бурсу для обученія грамотѣ. Находился въ оной лѣтъ съ восемь. И во время бывшей въ томъ городѣ моровой язвы Введенскаго монастыря священникомъ Иваномъ Каменскимъ, который уже умре, отданъ кабардинскаго пѣхотнаго полку подлекарю Роману Григорьеву сыну Градовскому для опредѣленія въ какую нибудь службу, съ коимъ и былъ въ Туреціи по разнымъ городамъ лѣтъ съ семь неопредѣленнымъ ни въ какую службу, а только находился при немъ во услуженіи. И по выходѣ изъ Турецін на моздоцкой линіи былъ года четыре. Потомъ оной подлекарь отъ службы отставленъ тѣмъ же чиномъ и отпущенъ въ городъ Кіевъ, гдѣ имѣетъ свой дворъ, а онъ, Александровъ, остался отъ него на той же линіи и побывъ тамъ малое время, пришедъ въ городъ Астрахань, нанялся для работы въ Музуры хивинскаго посланника, какъ зовутъ, не знаетъ, на казенной ботъ, исъ платы въ каждой годъ по двадцати по пяти рублей, съ коимъ и былъ въ Персіи. Откуда возвратясь обратно въ городъ Астрахань и желая записаться въ казанскіе мѣщане, пошелъ къ городу Казанѣ, но не доходя до оной въ городѣ Черномъ Яру явился самъ-къ тамошнему коменданту... А что онъ подлинно отданъ былъ матерью ево въ городѣ Кіевѣ въ школу для обученія грамотѣ и во время бывшей въ томъ городѣ моровой язвы вывезенъ изъ оного подлекаремъ Градовскимъ ко опредѣленію въ

службу, въ томъ свидѣтельствуется на находящихся въ помянутой школѣ учителей и учениковъ. А посему желаетъ въ какое-нибудь званіе записатца въ показанномъ городѣ».

Вервицкій доставленъ въ Кіевъ изъ Казани въ іюнѣ «за обывательскимъ присмотромъ,» чрезъ земскіе суды. Показаніе его подтвердили кіевскій мѣщанинъ Захарій Градовскій и игуменъ Кіево-петропавловскаго монастыря Софроній. «Въ разсужденіи чево (доносилъ въ октябрѣ 1775 г. кіевскій городничій Кругловъ) не находя никакова сомнѣнія въ немъ, Александровѣ, которой пожелалъ записаться въ здѣшнее мѣщанство, на основаніи законовъ въ вѣчное ея имп. величества подданство я ево принялъ и по приводѣ къ присягѣ для причисленія въ званіе, состоянію ево свойственное, отправилъ въ городовой кіевскій магистратъ».

(Дѣло кіев. нам. правленія 1785 г. № 293).

3) Въ августѣ 1809 г. кіевская полиція доставила въ губернское правленіе пойманнаго въ 4-й части города бѣжавшаго отъ купца Коцы человѣка Григорія Забоева, вмѣстѣ съ допросомъ его и объясненіемъ дворянина Ивана Гудима. Какъ видно изъ указа губ. правленія, въ своемъ объясненіи «Гудимъ пишетъ, что онъ, Забоевъ, его, Гудима, есть дворовой человѣкъ и что отданъ по учиненной здѣлки (въ черновой указа было сперва написано: «отданъ по контракту») одесскому 1-й гильдіи купцу Христофору Коцы, имѣющему жительство свое въ городѣ Херсонѣ, для продажи желающему купить, почему, не принимая его къ себѣ, проситъ отослать къ помянутому Коцѣ.» Забоевъ показалъ, что слѣдуя въ Херсонъ съ купцомъ Коцею и съ прочими работниками, бѣжалъ съ пути. Доставленный въ херсонскую городскую полицію, Забоевъ содержался подъ карауломъ и въ октябрѣ 1809 года отданъ Христофору Коцѣ за подпискою (Дѣло кіев. губ. правл. 1809 г. № 458. Куплено въ бакалейной лавочкѣ въ Кіевѣ). Подлиннаго протокола допроса, къ сожалѣнію, нѣтъ при дѣлѣ, почему трудно судить, какимъ образомъ достались Коцѣ остальные упоминаемые Забоевымъ работники и были ли они такими же назначенными для рынка рабами, какъ самъ Забоевъ, сданный владѣльцемъ на коммиссію купцу Коцѣ. Замѣтимъ, что по ревизіи 1811 г. въ Кіевѣ у разныхъ владѣльцевъ числилось дворовыхъ людей 692, въ томъ числѣ у «дворянина Гудимы» (имени не указано) 3 чел.; въ кіевскомъ уѣздѣ — 106 дворовыхъ дюдей. По той же ревизіи показано за малолѣтними дѣтьми надв. сов. Ивана Гудимы Левковича мѣст. Нещеровъ (47 дворовъ, 184 влад. крестьянъ),

но дворовыхъ за ними не числилось. (Рукоп. «Атласъ кіевской губерніи двѣнадцати повѣтовъ, съ статистич. описаніемъ», сочиненный губ. и уѣздными землемѣрами въ 1815 г.)

Сообщ. **Н. М.**

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ теченіе сентября мѣсяца въ редакцію поступили вновь пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: Петра Дорошенка, Долинскаго, Имшенецкаго, Пронтницкаго, Тризны—*по 3 рубля;* Глядиковскаго, Иванова, Руденка—*по 2 рубля;* Долгорукова—*1 р. 50 к*; Баршевской, Гиршфельда, Гордона, Дубровой, Кибальчича, Лискоронской, Лавриненко, Окерблома, Пташевскаго, Федоренка, Якубенка—*по 1 руб.*; Бажанова, Тессена, Цитовича—*по 50 к.*, а всего—*35 рублей*, что вмѣстѣ съ прежними *690 р. 77 к.* (см. № 9) составитъ—*725 р. 77 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Библіографія.

Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за третій годъ его существованія (30 марта 1896—30 марта 1897 года). *С.-Петербургъ, 1897. (Стр. 339+VI).*

Въ заключительной главѣ обзора обращено особое вниманіе на крупное участіе земства въ развитіи различныхъ отраслей сельскаго хозяйства. За 1896 г. земскій сельско-хозяйственный бюджетъ возросъ на 787840 р., превысивъ 2.400.000 рублей. Нѣкоторыя частныя хозяйства продолжали попытки найти выходъ изъ тяжелаго положенія путемъ улучшенія производства, примѣненія болѣе выгодныхъ культуръ и т. п. «Но, по замѣчанію обзора (стр. 334), для обезпеченія интересовъ сельскаго хозяйства во всей ихъ совокупности, недостаточно ни этихъ отдѣльныхъ попытокъ, ни земскихъ усиленныхъ заботъ, ни компетенціи одного министерства земледѣлія; для этого требуются совмѣстныя мѣропріятія различныхъ правительственныхъ установленій».

При такихъ условіяхъ представляютъ особый интересъ свѣдѣнія о мѣропріятіяхъ министерства земледѣлія, направленныхъ къ улучшенію сельскаго хозяйства въ неземскихъ губерніяхъ юга Россіи. Выдѣлить ихъ на основаніи настоящаго обзора нерѣдко затруднительно и даже невозможно, такъ какъ обзоръ не задавался цѣлями пораіоннаго изслѣдованія изложенія этихъ мѣропріятій. Отмѣтимъ здѣсь крупнѣйшія изъ разработанныхъ министерствомъ или осуществившихся уже мѣръ содѣйствія.

Въ отчетномъ году назначенъ правительственный агрономъ для кіевской губерніи.—Обсуждая вопросъ о мѣстныхъ органахъ по с.

хозяйственной части, с. хозяйственный совѣтъ м—ва нашелъ, что въ 9 западныхъ губерніяхъ, гдѣ имѣются предводители дворянства, проектируемые совѣтомъ уѣздные с. хозяйственные совѣты должны быть подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя, изъ 4—6 членовъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, приглашаемыхъ губ. предводителемъ дворянства, по соглашенію съ губернаторомъ, двухъ мѣстныхъ волостныхъ старшинъ, по назначенію губернатора, и представителей мѣстныхъ с. х. обществъ и постоянныхъ съѣздовъ. Губернскіе совѣты должны состоять, подъ предсѣдательствомъ губ. предводителя дворянства, изъ членовъ: представителя мѣстнаго отдѣленія крестьянскаго поземельнаго банка, представителя госуд. коннозаводства, по одному представителю мѣстныхъ уѣздныхъ с. х. совѣтовъ, с. х. обществъ и постоянныхъ съѣздовъ. Учрежденіе такихъ совѣтовъ мотивируется необходимостью союза съ мѣстными силами для надлежащаго осуществленія возложенныхъ на м—во задачъ. По выраженію обзора, эти учрежденія должны быть «на подобіе» существующихъ нынѣ во многихъ земскихъ губерніяхъ земскихъ с. х. коммисій или совѣтовъ.

Въ цѣляхъ борьбы съ вредителями садоводства и огородничества с. х. совѣтъ м—ва земледѣлія призналъ, между прочимъ, необходимымъ: 1) изданіе земствами, а въ неземскихъ губерніяхъ—«подлежащими учрежденіями» (распорядительными комитетами?), обязательныхъ правилъ объ истребленіи на плодовыхъ и огородныхъ растеніяхъ вредныхъ насѣкомыхъ, 2) разрѣшеніе въ нѣкоторыхъ раіонахъ истреблять зайцевъ во всякое время года, и 3) усиленіе наказанія за порчу деревьевъ въ чужихъ садахъ, срываніе плодовъ, и пр.

Г. Поггенполемъ составлены графики по с. х. метеорологіи для г. Умани. Цѣль графиковъ—изслѣдованіе соотношенія между урожаями с. х. растеній и ходомъ метеорологическихъ факторовъ.

Бюро по энтомологіи командировало для изслѣдованія кровяной тли 4 лица, обслѣдовавшія 12 губерній, расположенныхъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Крымомъ и на границѣ съ Зап. Европой. Продолжены изслѣдованія на старѣйшихъ свеклосахарныхъ плантаціяхъ кіевской губ. для точнаго установленія факта отсутствія свекловичной нематоды въ большой части Россіи. Лѣтомъ 1896 г. закончено изслѣдованіе маврскаго клопа (черепашки), причинившаго сильный вредъ хлѣбнымъ посѣвамъ въ южной Россіи, закончено изученіе свекловичнаго и коноплянаго жучковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ блохъ, и указаны способы уничтоженія ихъ. Намѣчено изслѣдованіе южнорусскихъ толстоножекъ, изученіе вопроса о паразитахъ хлѣбнаго

жука въ связи съ явленіемъ періодическаго размноженія и вымиранія этого насѣкомаго въ южной Россіи. Составлено наставленіе для борьбы съ гессенской мухой.

Приступлено къ разработкѣ вопроса о расширеніи уманскаго училища садоводства. Командированъ спеціалистъ для завѣдыванія контрольной сѣмянной станціей кіевскаго южно-русскаго общества поощренія земледѣлія и сельской промышленности. Признано необходимымъ имѣть разсадникъ племеннаго скота при уманскомъ училищѣ и тому же училищу оказано пособіе для расширенія пасѣки. Для обезпеченія южно-русскихъ шелководовъ приняты мѣры къ большему развитію гренажа при томъ же училищѣ.

Устроенъ съѣздъ сельскихъ хозяевъ въ г. Проскуровѣ (о немъ см. «Кіевск. Стар.» 1897 г. № 6), первый опытъ с. х. съѣздовъ въ западномъ краѣ. Замѣтимъ отъ себя, что до сей поры съѣздъ этотъ не имѣлъ никакихъ фактическихъ результатовъ. Пересмотрѣнъ общій вопросъ объ организаціи нашихъ с. х. выставокъ.

По отдѣлу земельныхъ улучшеній произведены въ двухъ казенныхъ дачахъ волынской губ. незначительныя осушительныя работы.

Введены правила 14 марта 1896 г. о должности лѣсныхъ ревизоровъ и хоз. мѣропріятіяхъ по казеннымъ лѣсамъ въ кіевской, подольской и волынской губ. (всего въ 33 губерніяхъ). Примѣненіе правилъ принесло замѣтную пользу казнѣ въ смыслѣ упорядоченія казеннаго лѣсного хозяйства и увеличенія доходности его.

Закончены рекогносцировки для собранія данныхъ объ условіяхъ питанія и истокахъ Днѣпра.

Отмѣтимъ, наконецъ, разработанный м—вомъ земледѣлія и уже утвержденный законопроектъ о надѣленіи землею начальныхъ училищъ различныхъ наименованій, какъ долженствующій когда-нибудь найти примѣненіе и въ нашемъ краѣ.

Изъ многочисленныхъ изданій м—ва (на которыя назначено въ 1896 г. 74. 986 р. и на 1897 г. 74. 986 р.) можно здѣсь отмѣтить изслѣдованія гидрогеологическаго отдѣла «Бассейнъ Днѣпра» (съ 3 картами).

«Обзоръ» обнимаетъ дѣятельность нижеслѣдующихъ учрежденій м-ва земледѣлія: с. х. совѣта, ученаго комитета, департамента земледѣлія, отдѣла земельныхъ улучшеній, отдѣла сельской экономіи и сельскохоз. статистики, департамента государственныхъ земельныхъ имуществъ, лѣсного и горнаго департаментовъ. Особая глава посвящена участію м-ва въ нижегородской выставкѣ.

«Возбужденіе соотвѣтствующихъ вопросовъ, поддержаніе соотвѣтствующихъ ходатайствъ и участіе въ общегосударственной работѣ на пользу народнаго хозяйства должно составить главнѣйшую задачу м-ва земледѣлія и госуд. имуществъ и въ будущемъ», заканчиваетъ «Обзоръ».

Слѣдуетъ отдать справедливость скромной откровенности «обзора», но слѣдуетъ отмѣтить также, что въ нашемъ краѣ, повидимому, некому возбуждать ни вопросы, ни ходатайства. Этимъ должно объяснить, почему въ «обзорѣ», при всей его обстоятельности, нашъ край, можно сказать, выпалъ, точно изъ старой обломанной ландъ-карты, и разыскивать мѣропріятія по оному приходится чуть ли не при помощи микроскопа.

Н. М.

И. А. Сикорскій, профессоръ. Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ (близъ Тирасполя). *Кіевъ, 1897. Стр. 59. (Оттискъ изъ журнала „Вопросы нервно-психической медицины", т. II).*

Проф. Сикорскій ознакомился лично съ мѣстностью и оставшимися въ живыхъ свидѣтелями ужасающей драмы, о которой въ свое время сообщены были нѣкоторыя свѣдѣнія газетами. На основаніи добытыхъ отрывочныхъ данныхъ, по возможности провѣренныхъ путемъ опроса прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, авторъ нарисовалъ поражающую картину какъ общихъ психологическихъ настроеній въ старообрядческомъ скитѣ Ковалева, такъ и самыя подробности безпримѣрнаго несчастія—погребенія заживо 25 лицъ въ четыре пріема, подъ вліяніемъ страха грядущихъ несчастій, человѣкобоязни, обычной въ скитѣ безнадежной мрачности, подозрительности и раздраженія. По словамъ автора, идейное броженіе которое привело къ несчастію, началось осенью 1896 г. Говорилось объ ожидаемыхъ преслѣдованіяхъ старообрядцевъ, что ихъ будутъ ссылать, заточать въ остроги и тюрьмы, вообще о репрессивныхъ мѣрахъ противъ раскола. Въ ожиданіи несчастій, нѣкоторые запаслись теплымъ платьемъ на случай ссылки на далекій сѣверъ, распродавали за безцѣнокъ имущество. Въ случаѣ заключенія въ тюрьму, рѣшено было уморить себя голодной смертью. Это рѣшеніе и приводилось въ исполненіе, когда часть обитателей скита подверглась заключенію за отказъ дать свѣдѣнія для переписи.

Въ ноябрѣ и декабрѣ большинство жителей скита находилось въ состояніи почти непрерывнаго страха и тяжелыхъ мрачныхъ ожиданій, безъ проблеска надежды. Смерть, погибель казались неминуемыми. Первая мысль о закапываніи въ яму высказана была 13—лѣтней дѣвочкой и нашла уже подготовленную почву. Подготовительныя мѣры къ народной переписи лишь усилили такое настроеніе: перепись считалась знаменіемъ антихриста, внесеніе въ перепись—равносильнымъ антихристовой печати и вѣчной погибели человѣка. Созрѣло рѣшеніе закопаться во второй половинѣ декабря 1896 г. 23 декабря закопались 8 человѣкъ отъ 70 до 20 лѣтъ, одинъ 4-лѣтній и одинъ грудной ребенокъ; 27 декабря—5 человѣкъ, изъ нихъ трое дѣтей—7, 4 и 2 лѣтъ; 12 февраля заживо засыпаны 4 чел.; наконецъ, 28 февраля закопались 6 чел. Авторъ излагаетъ исторію этихъ закапываній, съ подробностями, производящими потрясающее впечатлѣніе.

Затѣмъ дается подробная характеристика (съ 2 портретами) главнаго физическаго дѣятеля закапываній, Ѳеодора Ковалева, этого добраго, наивнаго и темнаго человѣка. По мнѣнію автора, въ данномъ случаѣ должно видѣть проявленіе той же психической заразы и патологическаго подбора, какая раньше наблюдалась проф. Сикорскимъ при изученіи т. н. малеванщины (въ кіев. губ.). Въ скитѣ Ковалева, по заключенію автора, на ряду съ сектантами было значительное число психопатическихъ субъектовъ и даже помѣшанныхъ. Впрочемъ, авторъ затрудняется, отнести-ли это психическое состояніе сектантовъ къ большой истеріи, или къ т. наз. taedium vitae, утомленію жизнью. Конечно, послѣ смерти изучаемыхъ субъектовъ, такія изученія представляются довольно трудными. Что до Ѳедора Ковалева, то авторъ приписываетъ ему умственную недалекость, слабую волю, нравственное обезличеніе подъ вліяніемъ сильнѣйшихъ психическихъ вліяній, нѣкоторые дефекты въ лицевыхъ мышцахъ, ненормальность мимики. Но къ какому разряду психологическихъ отклоненій слѣдуетъ отнести состояніе Ковалева послѣ закапываній—авторъ съ точностью не поясняетъ. Такимъ образомъ, приходится отнести дѣйствія Ковалева къ вліянію эпидеміи.

Авторъ заслуживаетъ большой благодарности всѣхъ мыслящихъ людей за свою попытку разъяснить подробности и причины терновской драмы. Такія изученія необходимы и должны продолжаться. Тѣмъ не менѣе, приходится съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ остановиться надъ догадкою автора о связи терновскихъ событій съ открытіемъ мощей св. Ѳеодосія въ Черниговѣ, о замыслѣ Виталіи (тоже зако-

павшейся 28 февраля) „устроить въ Терновскихъ хуторахъ священное мѣсто, богатое останками мучениковъ, у таинственныхъ могилъ которыхъ должны были стекаться поклонники, подобно тому, какъ это случилось въ Черниговѣ“ (стр. 58). Эта догадка представляется въ брошюрѣ проф. Сикорскаго лишенною всякой фактической подкладки, тѣмъ болѣе, что поведеніе Өед. Ковалева (на которое ссылается авторъ) при откапываніи могло быть возстановлено лишь путемъ позднѣйшаго опроса.

„Никогда печальное состояніе раскола—заключаетъ авторъ свой поучительный этюдъ—не обнаруживалось въ болѣе мрачныхъ краскахъ, какъ въ Терновской драмѣ. Поэтому не должно быть въ отношеніи несчастныхъ сектантовъ иного чувства, кромѣ безграничной жалости, и иного отношенія, кромѣ самыхъ искреннихъ усилій къ примиренію и объединенію съ ними. Каковы бы ни были понятія о расколѣ съ догматической и обрядовой стороны, нельзя не признать того факта, что всѣ держащіеся старой вѣры—дѣти того же добраго русскаго народа, что они строго хранятъ въ себѣ всѣ его народныя черты и остаются вѣрными народному духу даже за предѣлами отечества. Въ виду этого истинная забота о нихъ (а не одни догматическія словопренія съ ними) является самымъ настоятельнымъ и самымъ неотложнымъ долгомъ церкви и государства“.

Н. М.

Юго-Западный край. Статистическое обозрѣніе. Томъ I. Восточное Полѣсье. Составилъ по рекогносцировкамъ офицеровъ генеральнаго штаба и по офиціальнымъ источникамъ ген. штаба подполковникъ И. Н. Толмачевъ. *Кіевъ, 1897 (стр. VIII+480+XXIX+12 приложеній+VI+карта). Ц. 3р. 50 к.*

Младенческое состояніе статистики нашего края уже давно побуждало военныя власти озаботиться соотвѣтственными изданіями матеріаловъ для описанія края, необходимыхъ для обширныхъ нуждъ военнаго вѣдомства Таковы военно-статистическое обозрѣніе Волынской губ. 1850 г., военное обозрѣніе кіев. воен. округа Левицкаго и Беневскаго (1869 г.), матеріалы г. Тарановскаго (1882 г.), военно-стат. обозрѣніе Волынской губ. А. Забѣлина (1887 г.) и др. Настоящій трудъ г. Толмачева продолжаетъ ту же серію изданій и по программѣ своей близко подходитъ къ обозрѣнію поди. Забѣлина, но, судя по

исполненной уже части, разсчитанъ на гораздо болѣе значительный объемъ: предполагается еще нѣсколько томовъ съ описаніями Подольской и неописанныхъ еще г. Толмачовымъ частей Кіевской и Волынской губерній.

Избранная для описанія часть Волыни и Кіевщины обнимаетъ пространство до 26.000 кв. миль, съ населеніемъ въ 790¹/₂ тыс. душ., въ томъ числѣ русскихъ (по оффиціальной терминологіи) 70, 95%, евреевъ 13, 38%, нѣмцевъ 8, 64%, поляковъ 6, 58% и чеховъ 0, 45%. Въ составъ раіона входятъ Овручскій и Радомысльскій уѣзды (безъ Брусиловской волости) и части уѣздовъ Кіевскаго, Житомирскаго Новградъ-Волынскаго и Ровенскаго. Такой выборъ раіона для описанія, внѣ зависимости отъ обычныхъ дѣленій, дѣлаетъ пользованіе работой г. Толмачева не удобнымъ для обычныхъ надобностей, но, конечно, не лишаетъ труда присущаго ему достоинства добросовѣстной сводки матеріала, какой удалось добыть путемъ сношеній съ казенными учрежденіями и должностными лицами, а также при рекогносцировкахъ офицеровъ ген. штаба. Составитель часто жалуется на встрѣченныя затрудненія при собираніи необходимыхъ матеріаловъ и на невозможность ихъ провѣрки. Судя по приведеннымъ въ книгѣ даннымъ, рекогносцировки, съ точки зрѣнія систематическаго описанія раіона, должны быть признаны неполными, болѣе или менѣе случайными, но, конечно, было-бы несправедливо требовать отъ рекогносцировокъ большаго, такъ какъ онѣ предназначены для нуждъ спеціальныхъ и лишь попутно могутъ дать полезный матеріалъ для полнаго статическаго обзора края. Насколько свѣдѣнія, которыми могъ располагать составитель, неполны, видно, напр., изъ того, что для опредѣленія количества крестьянской земли въ кіевской губ. ему приходится обращаться къ даннымъ начала 70-хъ годовъ (стр. 276).

Настоящій трудъ, какъ сказано, исполненъ весьма добросовѣстно и составляетъ цѣнный вкладъ въ небогатую нашу статистическую литературу. Хотя многія изъ приводимыхъ оффиціальныхъ данныхъ, по признанію самого составителя, должны быть принимаемы лишь съ многочисленными оговорками, подрывающими къ нимъ всякое довѣріе, но, съ другой стороны, въ книгѣ находимъ результаты личныхъ наблюденій и характеристики отдѣльныхъ мѣстностей и группъ населенія, представляющія живѣйшій интересъ для лицъ, мало знакомыхъ съ раіономъ: бѣдный, жалкій, забытый край—таково общее впечатлѣніе отъ этихъ характеристикъ. Нарисованная составителемъ печальная картина приводитъ его къ необходимости преподанія нѣко-

торыхъ совѣтовъ для поднятія населенія на высшій культурный уровень: необходимо иначе поставить школы, измѣнить условія быта духовенства, необходимо оградить крестьянъ отъ эксплуатаціи евреевъ, и т. д. При всей своей доброжелательности, эти совѣты мало утѣшительны, такъ какъ авторъ не пытается намѣтить практическіе пути къ достиженію рекомендуемыхъ имъ цѣлей, что, впрочемъ, и не входитъ въ его задачу. Но если авторъ заявляетъ, напр. (стр. 159 и 209), что «населеніе коснѣетъ въ невѣжествѣ», «въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ еврейскаго ига сдѣлано уже многое, особенно нынѣ, со введеніемъ винной монополіи», что «положеніе всѣхъ этихъ массъ евреевъ, нынѣ согнанныхъ въ черту еврейской осѣдлости, безусловно печальное: нищета доходитъ до крайнихъ предѣловъ» и что по политическимъ убѣжденіямъ «евреи не представляютъ надежнаго элемента», ибо тянутъ къ Австріи,—то въ результатѣ получается картина довольно смутная. А между тѣмъ составитель намѣчаетъ еще нѣсколько такихъ же, на его взглядъ, ненадежныхъ элементовъ, и читающій остается въ тяжкомъ недоумѣніи, гдѣ же то justum medium, которое должно привести въ стройность всю эту пеструю картину. Намъ кажется, что задѣвать попутно и слегка всѣ такіе проклятые вопросы—не стоитъ труда.

Отсылая интересующихся раіономъ къ самому изданію г. Толмачева, укажемъ здѣсь лишь на нѣкоторыя неточности изложенія, легко объясняемыя сложностью и обширностью предпринятой составителемъ работы.

Авторъ ошибается, полагая (стр. 166), что штундистское движеніе охватило уже 12 губерній, имъ перечисленныхъ: забыты Поволжье и Кавказъ. Несправедливо приписываетъ авторъ штундистамъ отрицаніе суда, войска, властей,—по всей вѣроятности онъ имѣлъ въ виду отдѣльныя проявленія т. наз. толстовства (тамъ же). Весьма сомнительно, чтобы т. наз. еврейскіе цадики являлись потомками основателя хассидизма Бешта изъ Межибужья (193). Не знаемъ, почему авторъ думаетъ, что евреямъ воспрещено пріѣзжать хотябы временно для скупки хлѣба въ селахъ (стр. 200). Неточно указаніе автора (стр. 211) на продолжающуюся эмиграцію изъ края нѣмцевъ-колонистовъ и что иммиграція ихъ усиливалась до закона 14 марта 1887 года: иммиграція подвигалась до изданія закона 14 марта 1892 года, а эмиграція послѣ закона 19 марта 1895 года прекратилась. Звучащее какъ-бы упрекомъ указаніе (взятое впрочемъ у А. За-

бѣлина), что «каждая колонія управляется выборнымъ старостой-шульцемъ» слѣдовало-бы дополнить тѣмъ, что шульцы были заведены по требованію мѣстной полиціи. Неточно указаніе, будто колонисты вообще избѣгаютъ обращаться къ суду мѣстныхъ властей (стр. 212): нѣкоторымъ мировымъ судьямъ на Волыни колонисты даютъ наибольшее число дѣлъ. Невѣрно, что по закону 19 марта 1895 года колонисты съ окончаніемъ сроковъ арендъ не имѣютъ права заключать новыхъ контрактовъ: наоборотъ, законъ этотъ именно направленъ къ тому, чтобы избѣжать массоваго выселенія колонистовъ, вызваннаго закономъ 14 марта 1892 года; такимъ образомъ, возобновленіе контрактовъ нынѣ вполнѣ возможно, и эмигрировать приходится лишь арендаторамъ иностраннымъ подданнымъ, которыхъ не много, а не всѣмъ колонистамъ вообще, какъ полагаетъ авторъ (стр. 215, 216, 231). По закону 15 іюня 1888 г. иностранные колонисты (рус. подданные) вовсе не вводятся въ составъ сельскихъ обществъ, а лишь приписываются къ волостямъ: для принятія въ сельское общество требуется приговоръ послѣдняго. Не знаемъ, на основаніи какихъ данныхъ авторъ полагаетъ (стр. 296), что крестьяне, пуская скотъ по снятіи хлѣба на земли помѣщика, распредѣляютъ предварительно сервитутные луга и поля помѣщика между дворами: въ дѣйствительности, выпасъ производится «чередой» безъ всякаго распредѣленія, и противоположные факты неизвѣстны. Неточно указаніе (стр. 299), что при составленіи выкупныхъ актовъ площадь, занятая подъ лѣсами, была исключена изъ земли крестьянъ, подлежавшей обложенію выкупными платежами, и всѣ повинности за нее платились помѣщиками: такой порядокъ примѣнялся не всегда и не вездѣ; гдѣ такой порядокъ не былъ примѣненъ, тамъ за лѣсную площадь взимались выкупные платежи съ крестьянъ, и слѣдовательно эта площадь составляетъ крестьянскую собственность, а не сервитутъ.—Отдавая рѣшительное предпочтеніе натуральному способу обезпеченія продовольствія крестьянъ, авторъ, повидимому, слишкомъ категорически разрѣшаетъ этотъ сложный вопросъ (стр. 338). Содержаніе хлѣбныхъ запасовъ въ натурѣ не всегда выгодно и не вездѣ необходимо. Такъ, напр., въ мѣстностяхъ вблизи желѣзныхъ дорогъ нѣтъ настоятельной нужды въ натуральныхъ запасахъ.

Эти и нѣкоторыя другія неровности изложенія отнюдь не умаляютъ достоинствъ работы. Если мы указываемъ на нихъ здѣсь, то лишь съ цѣлью предупредить повтореніе подобныхъ погрѣшностей въ обѣщанныхъ дальнѣйшихъ описаніяхъ края.

Въ заключеніе приведемъ изъ книги г. Толмачева нѣкоторыя цифровыя данныя по народному образованію, предполагая что они вызовутъ опроверженіе со стороны тѣхъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ.

По словамъ автора, въ овручскомъ уѣздѣ одна школа приходится на 124,1 кв. версту, на 2,232 чел.; на 1000 жителей 13,4 учащихся. Есть волости, гдѣ одна школа приходится на 448,6 кв. верстъ, въ другихъ почти на 7,000 жителей, въ третьихъ на 1000 жителей приходится 4,2 учащихся (стр. 454). «Если же принять во вниманіе, что въ общее число включены и школы грамоты, руководимыя часто безграмотными учителями, то положеніе школьнаго дѣла окажется еще печальнѣе. Въ дѣйствительности во многихъ селахъ въ сотнѣ дворовъ наберется 1—2 грамотныхъ; чтобы прочитать письмо, приходится обращаться къ помощи еврея, платя ему за это 5—10 коп. При такихъ условіяхъ нечего удивляться неразвитости населенія, его невѣжеству, его суевѣріямъ».

Н. М.

Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ. Выпускъ II. Н. И. Петрова. *Москва. 1897 года, стр. 294 ц. 2 р.*

Въ 1892 году проф. Н. И. Петровымъ былъ изданъ первый выпускъ «Описанія рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ.» Въ немъ были описаны собранія рукописей Московскаго митрополита Макарія (Булгакова), Мѣлецкаго монастыря на Волыни, Кіево-братскаго монастыря и Кіевской духовной семинаріи. Недавно вышедшій изъ печати второй выпускъ того же изданія заключаетъ въ себѣ описаніе рукописей, хранящихся въ Кіево-Печерской лаврѣ, Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ, Пустынно-Никольскомъ, Выдубицкомъ, женскомъ Флоровскомъ монастырѣ и въ Кіево-Десятинной церкви.

Занимающіеся историческими работами на основаніи первоисточниковъ прекрасно понимаютъ научное значеніе описаній рукописныхъ собраній. Такія описанія, прежде всего, указываютъ новые матеріалы для желающихъ заниматься разработкой историческихъ вопросовъ по первоисточникамъ и наводятъ ихъ на новые факты. А хорошо составленныя описанія рукописныхъ собраній даже и сами по себѣ иногда могутъ служить важнымъ пособіемъ для лицъ, занимающихся разработ-

кою оригинальныхъ вопросовъ. Требуется только, чтобы описаніе представляло не сухой и голый перечень рукописей, но давало бы ясное и полное понятіе о рукописи, ея происхожденіи, содержаніи, значеніи, и, по возможности, знакомило читателя даже съ самымъ содержаніемъ рукописи. Разумѣется, что составленіе подобнаго описанія представляетъ трудъ далеко нелегкій.

Описанія рукописей, хранящихся въ городѣ Кіевѣ, составленныя проф. Н. И. Петровымъ, принадлежатъ именно къ такого рода описаніямъ, которыя имѣютъ весьма важное значеніе въ наукѣ и которыя, поэтому, весьма желательны. О первомъ выпускѣ описаній рукописей, изданномъ въ 1892 г., было сказано своевременно. Во второмъ выпускѣ описаны рукописныя собранія, исторически сложившіяся въ самомъ Кіевѣ и потому имѣющія главнымъ образомъ мѣстный характеръ. Есть здѣсь, правда, рукописи и иногороднаго происхожденія, но и тѣ имѣютъ значеніе преимущественно потому, что свидѣтельствуютъ о такихъ или иныхъ историческихъ отношеніяхъ Кіева къ другимъ городамъ и мѣстностямъ и, слѣдовательно, не чужды мѣстнаго кіевскаго характера. Всѣ описанныя въ книгѣ рукописи важны не только по своему содержанію и языку, но и по немалочисленнымъ записямъ и припискамъ на нихъ, составляющимъ крупицы для восполненія мѣстной исторіи.

Въ своемъ Описаніи авторъ держится слѣдующаго порядка. Сначала онъ даетъ общее обозрѣніе рукописнаго собранія того или другого книгохранилища (напр., лаврскаго, михайловскаго и т. д.), гдѣ показываетъ число рукописей, кратко излагаетъ исторію образованія рукописнаго собранія, распредѣляетъ рукописи по языку и времени ихъ написанія и даетъ общую характеристику содержанія рукописей; а затѣмъ уже дѣлаетъ частичное описаніе рукописей, которыя при этомъ распредѣляетъ по отдѣламъ, сообразно ихъ содержанію, такъ что особо описываются рукописи по св. Писанію, толкованію его и библейской исторіи, по литургикѣ и каноническому праву, основному богословію и философіи, догматическому богословію, нравоученію и аскетикѣ, обличительному и сравнительному богословію, психологіи, проповѣдничеству, словесности, грамматикѣ и языкознанію, по гражданской и церковной исторіи—всеобщей и русской. Подробно и обстоятельно, по указанному сейчасъ способу, описываются, впрочемъ, рукописи только кіево-печерской лавры и михайловскаго монастыря, представляющія, должно замѣтить, наибольшій научный интересъ, какъ видно изъ описанія; рукописи же Пустынно-Николь-

скаго, Выдубицкаго, Флоровскаго монастырей и Десятинной церкви описаны кратко и обще, безъ подраздѣленія рукописей на отдѣлы. Въ отношеніи къ каждой рукописи въ отдѣльности авторъ даетъ сначала внѣшнее описаніе, указывая ея названіе, дату происхожденія, форматъ, количество листовъ, автора (гдѣ есть указаніе, или возможно предположеніе), а затѣмъ, если рукопись представляетъ интересъ въ какомъ-либо отношеніи, то авторъ описанія кратко знакомитъ читателя съ ея содержаніемъ, которое иногда излагается даже довольно подробно (см., напр., №№ 363 и 364 стр. 115—117 и др.). Благодаря этому послѣднему обстоятельству, описаніе проф. Н. И. Петрова можетъ служить прямымъ источникомъ при нѣкоторыхъ церковно-историческихъ трудахъ. Очень часто авторъ указываетъ литературу предмета, т. е. отмѣчаетъ, гдѣ была напечатана та или другая рукопись, при томъ полностію или in extenso, или гдѣ можно найти указаніе на нее. Описаніе снабжено обстоятельнымъ указателемъ.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ указать замѣченныя нами опечатки въ описаніи: 1) на стр. 2 строка 5 св. слѣдуетъ, очевидно, читать 1819, а не 1869 г., какъ напечатано, и 2) на стр. 127 стр. 3 св. слѣдуетъ читать Колосовскаго вм. Колтовскаго, какъ напечатано.

С. Ѳ. Титовъ.

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“[1].

А.

Андріевскій А. А. Коммиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

Андріевскій А. Изъ жизни Кіева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки). Кіевъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

Андріевскій А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ. 1754—1766 года. Кіевъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Русскіе конфиденты въ Турціи и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Реляціи Кіевскаго генералъ-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Кіевъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Матеріалы по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній. (1743—1767). Одесса 1893 г., стр. 1—220. Цѣна 1 р.

Андріевскій А. Василій Андреевичъ Жуковскій. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г., стр. 1—20. Цѣна 8 к.

Андріевскій А. Первый русскій книгопечатникъ. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Андріевскій А. Крымъ и Крымскіе татары, Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г. стр. 1—34. Цѣна 10 к

Антоновичъ В. Грановщина (эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к

Антоновичъ Вл. и Драгомановъ М. Историческія пѣсни малорусскаго народа. Томъ первый. Кіевъ 1874 г. I—XXIV; 1—336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вып. I. Кіевъ 1875 г., стр. I—XI+ 1—166. Цѣна 80 к.

Антоновичъ В. Б. Археологическая карта кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. „Древности“). Изданіе Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества. Москва 1895 г., стр. 1—139+Указатель именъ географическихъ и предметный (стр. 1—20)+карта. Цѣна 3 р.

Антоновичъ В. Б. Монографіи по исторіи Западной и Юго-западной Россіи. Томъ I. Кіевъ 1885 г., стр. 1—450. Цѣна 2 р.

Антоновичъ В. По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Кіевъ 1895 г., стр. 1—21. Цѣна 20 к.

А—ръ Григорій Федоровичъ Квитка (Основьяненко). Біографическій очеркъ. Изд. 2-ое. Кіевъ 1885 г., стр. 1—32. Цѣна 15 к.

А. Т. Добра душа. Оповиданнія. У Чернигови 1895 г., стр. 1—34. Цѣна 5 к.

Б.

Багалѣй Д. И. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Барвинокъ Ганна Молотники (Бытовой разсказъ), Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

Бершадскій С. А. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Кіевъ 1888 г стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Библіографическій указатель „Кіевской Старины“ за первое десятилѣтіе (1882—1891 г г.). Кіевъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Билоусенко Александръ. Батькивъ грихъ. Оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—44. Цѣна 8 к.

Боровыковській Левко. Байки и прибаютки. Кіевъ 1852 г, стр I—XII+ 13—118. Цѣна 75 к.

[1] Вновь поступившія въ Складъ книги обозначены *звѣздочкой* (*).

Бѣляшевскій Николай. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—143. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой 1 р. 50 к.

В.

Веселовскій А. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Вкрна пара та инше. У Чернигови 1895 г., 1—55. Цѣна 8 к.

Владимірскій-Будановъ М. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к.

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ. Кіевъ 1890 г., стр 1—64. Цѣна 40 к.

Вовчокъ Марко. Викупъ. Опогіданнѣ С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Ледащиця. Оповіданія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Сестра. Оповіданія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—30 Цѣна 5 к.

Востоковъ А. Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к.

Востоковъ А. Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-оттискъ), стр. 1—15. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчь кн. Н. Г. Рѣпнина и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-оттискъ), стр 1—8. Цѣна 10 к.

Г.

Гаврышъ Ол. Царивна-русалка. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: I. Пивничный Ледовый Океанъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: II. Мезенська тундра. Кіевъ 1883 г., стр. 1—8. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: III. Лисова полоса Россіи. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: IV. Сторона великихъ озеръ. Петербурхъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: V. Білорусія и Литва. Кіевъ 1883 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: VI. Кавказъ. Кіевъ 1883 г., стр 1—39. Цѣна 10 к.

Глибовъ Л. Я. До мырового! Жартъ въ 1 діи. С.-Петербургъ 1891 г., стр. 1—39. Цѣна 15 к.

Голубовскій П. Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

Гордіенко Данило. 1) Кумъ-ханъ. 2) Прыгода у повидь. 3) Петро Мирошниченко. Оповидання. У Чернигови 1885 г., стр. 1—25. Цѣна 3 к.

Грамáтка. С.-Петербургъ 1857 г., стр. 1—149. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Книга казокъ виршомъ. Одесса 1896 г., стр. 1—107. Цѣна 15 к.

Гринченко Борысъ. (В. Чайченко). Байкы. У Чернигови 1895 г., стр. 1—80. Цѣна 15 к.

Гринченко Б. Д. Писни та думы. Книжка перша и друга. У Чернигови 1895 г., стр. 1—66. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Д. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Выпускъ 1. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Черниговъ 1895 г., стр. 1—300. Цѣна 1 р. 50 к.

Гулакъ-Артемовскій П. П. Сочиненія. Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Изданіе подъ редакціей А. Лазаревскаго. Часть 1-ая (1718—1725 годы). Кіевъ 1893 г., стр. I—XVI+1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-ая (1726—1729 годы.) Кіевъ 1895 г., стр. I—II+1—342. Цѣна 2 р.

Е.

Ефименко А. Очерки исторіи Правобережной Украины. Кіевъ 1895 г., стр. 1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

Ефименко А. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—21. Цѣна 20 к.

Ефименко А. Бѣдствія Евреевъ въ Южной Руси въ XVII вѣкѣ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ефименко П. Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ж.

Жизи струны. Збирныкъ писень. У Чернигови 1895 г., стр. 1—109. Цѣна 12 к.

* **Житецкій П.** Очерки литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Кіевъ 1889 г. 8-й. Ц. 1 р.

* **Житецкій П.** Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в. Кіевъ 4-ой. Съ 4-мя снимками. Цѣна 75 к.

* **Житецкій П.** Теорія сочиненія съ христоматіей. Кіевъ 1895 г., стр. 1—112+1—132. Цѣна 1 р.

З.

Забоцень Петро. Гордовита пара. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—15. Цѣна 3 к.

И.

Иванов. А. Розмова про земни сили. Переклав на украинську мову М. Комаров. Книжка друга (з малюнками) Кіевъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

К.

Казюка Панько. Сичови гости. Чуприна и Чортоусъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—27. Цѣна 5 к.

Каманинъ И. Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву. Кіевъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна 50 к.

Каманинъ И. Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Вып. 1-ый. Шевченко. Кіевъ 1893 г., стр. 1—14.

* **Кистяковскій о. Ѳедоръ.** Воспоминанія его. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Кіевъ 1896 г., стр. 1—139. Ц. 1 р.

Кононенко М. Зъ Богомъ не змагайсь. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

Коцюбинський. **Мыхайло.** Пятызлотныкъ. Оповидання. У Чернигови. 1895 г., стр. 1—18. Цѣна 3 к.

Коцюбинський М. 1) Харытя 2) Ялынка 3) Маненькій гришныкъ. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Кулишъ П. Григорій Квитка (Основьяненко) и его повести. Слово на новий виходъ Квитчиныхъ повистей. С.-Петербургъ 1858 г., стр. I—XXXVI. Цѣна 25 к.

Кулишъ П. Записки о Южной Руси. Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г. стр. 1—354. Цѣна 2 р. 50 к.

Л.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Томъ 1-ый: Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1889 г., стр. I—XVI+1—407+1—XXX. Цѣна 3 р.

То же. Томъ II-й: Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ 1893 г., стр. I—IV+1—521+1—XXV. Цѣна 3 р. 50 к

Лашкевичъ Александръ Степановичъ (некрологъ). Кіевъ 1889 г., стр. 1—12+портретъ. Цѣна 15 к.

Левицкій О. И. Ганна Монтовтъ. Историко бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—69. Цѣна 40 к.

* **Левицькій І.** Бурлачка. Повисть. Кіевъ 1881 г., стр. 1—223. Цѣна 75 к.

* **Левицькій Иванъ.** На Кожумякахъ. Мищанска комедія на 5 дій. Друге выправленне выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—108. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Дви московки. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—84. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Рыбалка Панасъ Круть. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Прыятели. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Баба Параска та баба Палажка. Частка І. Неможна баби Парасци вдержатысь на сели. Четверте выдання зъ додаткамы. Кіевъ 1887 г., стр. 1—39. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Чортяча спокуса. Оповидання. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр 1—52. Цѣна 12 к.

* **Левицькій Иванъ.** Маруся Богуславка. Оперета на 4 діи. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—79. Цѣна 20 к.

* **Левицькій Иванъ.** Кайдашева симя. Повисть Кіевъ 1887 г., стр. 1—211. Цѣна 50 к.

Леонидъ Архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была Св. Великая Княгин. Ольга." По поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи Великой Княгини русской Ольги Св." Кіевъ 1889 г., стр 1—8. Цѣна 10 к.

Лисенко М. Молодощи. Збирник танків та веснянок. Київ 1875 г., стр. 1—10. Цѣна 1 р. 20 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто такий хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Лучицкій И. По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи

до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за границу). Кіевъ 1894 г., стр. 1—42. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. в. Кіевъ 1886 г., стр. 1—56. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Очерки по экономической исторіи Западной Европы. I. Вопросъ о населенности германскихъ городовъ въ XIV—XV в. в. Кіевъ 1893 г., стр. 1—64. Цѣна 50 к.

То же: II. Рабочее населеніе и экономическая политика германскихъ городовъ въ XV и XVI в. в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—47. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—271. Цѣна 2 р.

М.

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Съ предисловіемъ **А. А. Потебни.** Кіевъ 1890 г., стр. I—IV+1—59. Цѣна 40 к.

Мельникъ К. Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ. Выпускъ I. Кіевъ 1893 г., стр. 1—219+Географическій указатель (стр. 1—217)+14 таблицъ рисунковъ. Цѣна 3 р. 50 к.

Мирный Панасъ. Збираныця зъ ридного поля. Приповистки, оповидання и драматычни творы. Кіевъ 1886 г., стр. 1—124. Цѣна 50 к.

Мирный Панасъ. Перемудрывъ. Комедія въ пьяты справахъ. Кіевъ 1886 г., стр. 1—214. Цѣна 75 к.

Михальчукъ К. Къ южно-русской діалектологіи (А. И. Соболевскій. „Очеркъ русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе.") (Брошюра-оттискъ), Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 20 к.

Мищенко Ѳ. Г. П. Галаганъ (некрологъ). Кіевъ 1883 г., стр. 1—22. Цѣна 20 к.

Мордовцовъ Данило. Салдатка. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Н.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія Уложенія. Кіевъ 1889 г., стр. 1—292+I—XX. Цѣна 1 р.

Науменко В. Александръ Федоровичъ Кистяковскій (Біографическій очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его) Кіевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ. Цѣна 30 к.

Науменко В. Отечественный языкъ, какъ предметъ гимназическаго курса. (Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи). Кіевъ 1881 г., стр. 1—26. Цѣна 20 к.

Науменко В. Примѣрная программа преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназіи. Кіевъ 1894 г., стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Науменко В. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ (Некрологъ). Брошюра оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

Науменко В Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. Брошюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Науменко В. О задачахъ преподаванія отечественной словесности. Рѣчь на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи. Кіевъ 1888 г., стр. 1—16. Цѣна 15 к.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—90. Цѣна 60 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка: 1) Біографическій очеркъ. 2) Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики. Съ портретомъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—59 Цѣна 50 к.

Николайчикъ Ѳ. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Круковскаго договора. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Николайчикъ Ѳ. Отголосокъ лирницкаго языка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Номис. М. Українські приказки, прислівья и таке инше. Збірники О. В. Марковича и других. С.-Петербургъ 1865 г., стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна 2 р.

Н. О. Бунтъ Сквирскаго магистрата. Кіевъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

П.

Петровъ Н. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены Св. Равноапостольный князь Владиміръ и Св. княгиня Ольга, и имѣ-

емъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? Кіевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

Про кари, до якихъ присужують мирові судді. Кіевъ 1856 г, стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Кіевъ 1875 г., стр. 1—48. Цѣна 7 к.

Р.

Р—а П. З. 1) Чорноморци у неволи. 2) Якъ чоловикъ конемъ бувъ. 3) Уласъ Павленко. Три оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 5 к.

Рада. Украінський Альманахъ на 1883 рокъ. Частина перша. Видання М. Старицкого. Кіевъ 1883 г, стр. 1—470. Цѣна 2 р.

Р. Л. Н. Порча украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Романова Одарка. 1) Черствый пырожокъ. Казка. 2) Сватання Мороза. Зимня казочка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Ивашко. Кіевъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Якъ мене Маты Божа одъ гриха одвела. Правдыве оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Романовичъ-Славатинскій А. Воспоминанія объ архивѣ Государственнаго Совѣта. Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

Рудченко И. Я. Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ 1874 г., стр. I—XIII+1—257+3 таблицы нотъ. Цѣна 1 р 30 к.

Русовъ А. Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣломъ при губернской земской управѣ. Т. XV. Кролевецкій уѣздъ. Рецензія (Брошюра—оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

С.

Самойленко Володимиръ. Зъ его повзій. Частына перша. Кіевъ 1890 г, стр. 1—47. Цѣна 20 к.

* **Степовичъ А.** Разсвѣтъ, сборникъ. Ц. 1 р. Кіевъ 1893 г. 224 стр.

* **Степовичъ А.** Славянская Бесѣда. 2 части Ц. 1 р. 50 к. 248+110 стр.

* **Степовичъ А.** Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ рѣшеніи А. С. Будиловича. Кіевъ 1895 г. Ц. 20 к.

* **Степовичъ А.** Къ 100—лѣтію рожденія Я. Коллара. Кіевъ 1894 г. Ц 20 к.

* **Степовичъ А.** Славянскія нарѣчія. проф. Геблуэра переводъ и примѣчанія (одобр. М. Н Просвѣщ. для библіот. средн. уч. завед.) Ц. 50 к.

* **Степовичъ А.** Очеркъ исторіи чешской литературы (съ фотографич. снимкомъ съ Краледворск. р—си) 336+XIII стр. Кіевъ 1886 г. Ц. 1 р. 50 к. (Удостоенъ отъ Академіи Наукъ премія гр. Д. А. Толстаго).

* **Степовичъ А.** Главнѣйшія направленія въ нов. чешск. словесности. Лекція читан. въ у—тѣ для получ. званія прив. доцента. Кіевъ 1892. г. Ц. 15 к.

* **Степовичъ А.** Прив. доцентъ: Борьба и смѣна глав. направленій въ нов. сербской словесности. Вступит. лекція въ у—тѣ Св. Владим. Кіевъ 1895 г. Ц. 15 к.

Степъ. Херсонській беллетристычный сбирныкъ. Херсонъ 1883 г., С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

Сторожевъ В. Н Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Стороженко Н. И. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Стороженко А. В Леонардъ Совинскій. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29 Цѣна 25 к.

Стороженко Олекса Закоханый чортъ. Оповідання, С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—34. Цѣна 7 к.

Стороженко Олекса. Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—8. Цѣна 2 к.

Стороженко Олекса Се така баба, що ій чортъ на маховихъ вилахъ чоботы отдававъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Стороженко Олекса. Якъ Богъ дасть, то и въ вікно подасть. Оповіданія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Станиславъ Орѣховскій. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Сф. Кр. Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Слѣпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изданіе четвертое коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 15 к.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Университета. Св. Владиміра. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 2 р.

Т.

Тарасенко Иванъ. На Вкраини. Вирши, писни и пересивы. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Теличенко Ив. Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Ф.

Фэдькович. Осип. Повисти. З переднім словом про галицко-руське письменство. Мих. Драгоманова. Кіевъ 187 6 г. стр. I—LVI+1—95. Цѣна 1 р.

Ч.

Чулай Грыцько. Оповидання: 1) Якъ я шершнивъ зъ груши выкурювавъ. 2) Якъ я роя выгонявъ. 3) Божій попустъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 15 к.

Чайченко В. 1) Пицпалъ. 2) Панько. Два оповидання. У Чернигови. 1894 г., стр. 1—28. Цѣна 3 к.

Чайченко В. Батько та дочка. Оповидання про те, якъ чоловикови пидъ землею въ шахти прыгода трапилася. У Чернигови 1894 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Оповидання. Вдруге выдано зъ додаткамы та зъ выправкамы. У Чернигови 1894 г., стр. 1—87. Цѣна 10 к.

Ш.

Шевченко Т. Г. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 3 к.

Шевченко Тарасъ. Перебендя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

Щ.

Щербина В. Новые матеріалы для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI столѣтія. (Рецензія) (Брошюра оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Щербина В. Три Шелеста. (Изъ исторіи Колеивщины). (Брошюра - оттискъ). 1—8. Цѣна 10 к.

Щербина В. Готлибъ - Самуилъ Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московскаго государства. (Брошюра - оттискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—19 Цѣна 15 к.

Щербина В. Изъ семейнаго архива. 1) Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796—1874). 2) Стихотворенія Евстафія Петровича Рудыковскаго (1784—1851). Кіевъ 1892 г., стр. 1—117. Цѣна 75 к.

Я.

Яструбецъ. Про звирив (по Брему) Мясоиди або хижи звири. I. Ведмедь. Кіевъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Ящуржинскій Хр. Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. Кіевъ 1983 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.